Владимир Казаков

18+

Вечный порт с именем Юность

цикл: Лётчики (трилогия)

Владимир Казаков

Вечный порт с именем Юность. Цикл: Лётчики. Трилогия

«Издательские решения»

Казаков В.

Вечный порт с именем Юность. Цикл: Лётчики. Трилогия /
В. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743403-8

Наполеон говорил, что нет лучше солдат, чем шестнадцатилетние: они не знают, что такое страх и смерть. Мальчишкам — героям этой книги — было семнадцать! Они прошли войну и остались живы, но и в мирное время остались верны своей данной в юности клятве: «Пусть будет вечно чистым наш океан!»

ISBN 978-5-44-743403-8

© Казаков В.
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Планеры уходят в ночь 6
Глава 1. Почти мальчишки 6
Военное воскресенье 6
«Мертвая петля» 9
В ангаре 13
По следу 16
Глава 2. Начало испытаний 22
Шаг в сторону 22
Право на риск 27
Медали 30
Глава 3. Наш капитан 33
Подготовка 33
С фронтового аэродрома 35
Двойники 37
Глава 4. Хлеб насущный 39
Аэлита 39
Притча об орле 40
Прощание 44
Глава 5. Крылья крепнут в беде 46
«Бригантины» покидают порт 46
В стане врага 48
Боцман ставит точку 51
Глава 6. Софиевские дачи 55
В лесу 55
Полигон 59
Перед последним звонком 61
На кордоне 62
В пороховом погребе 66
К родному берегу 70
Глава 7. Крутые дороги отцов 74
Письмо 74
Маленький военный совет 76
Ефим Мессиожник 79
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Вечный порт с именем Юность
Цикл: Лётчики. Трилогия
Владимир Казаков

© Владимир Казаков, 2015
© Елена Бессонова, дизайн обложки, 2015

Редактор Елена Бессонова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Эту трилогию написал мой дед – Казаков Владимир Борисович. Заслуженный лётчик испытатель, член Союза писателей СССР, автор 28 книг. Его уже нет с нами больше 10 лет. И все эти годы я и моя мама вспоминаем его добрым словом. Нам его очень не хватает.

Теперь я тоже автор 12 книг написанных для детей и член Российского союза писателей. Пришло время собирать камни. Всему приходит свой срок, и важно, чтобы любое дело было сделано вовремя. Я попыталась заново отредактировать эту повесть, чтобы она ожила и по-прежнему была интересна современному читателю. Теперь я принимаю ответственность за написанное на себя.

Елена Бессонова.

Книга 1. Планеры уходят в ночь

Матери – Анастасии Николаевне

Глава 1. Почти мальчишки

Военное воскресенье

В воскресный день Сенной базар похож на растревоженный улей: сунь палец – ужалят. Так думал Ефим Мессиожник, подходя к толкучке, в которой действительно сновали подозрительные типы, жирующие на бедах войны.

– Чаво надо? Чо имешь? – заступил дорогу небритый парень и, лениво подождав, пока Мессиожник презрительно измерит его взглядом от сломанного козырька смятой военной фуражки до сапог-гармошек, исчез.

– Кто угадает карту, получит за рупь три красненьких… Три по тридцать за рупь! Попытай счастья… – звенел детский голосок в правом ухе, а слева тихо, почти умоляюще: – Серебряная. От мужа осталась, упокой его, боже! – Повернулся Мессиожник, видит: согбенная старушка в драном сером полушалке крестится, а в сморщенной ладони ее круглый кусочек белого металла – царская медаль.

– Зачем так, мать?

– Не украла я. От мужа осталась. Ерой был… Хлебцем возмести или маслицем.

В кармане у Мессиожника три солдатских пайки хлеба, взял, когда ехал на товарную станцию разгружать вагон с запчастями для самолетов. Думал, задержится – пожует. Не пришел вагон. На обратном пути остановил Ефим полуторку у Сенного базара, слез, пошел хлеб на табак для ребят сменять.

– Нате, бабуся, – протянул он ржаной ломоть.

– Мало, касатик, серебряная она, на зуб пробовала!

– Я ж вам так даю, бесплатно.

– Нет, и нет, и нет, я не нищая, тогда возьми, возьми, голубок, – сунула в руку ему медаль, и он еле успел удержать старушку, отдал последние два куска.

Собрался уходить, а перед ним тот же парень в мятой военной фуражке подрагивает коленкой в широкой брючине, скрипит носком новенького сапога.

– Положил я на тебя глаз, кореш. Если нужна будет медалька этой войны с документом, с утра к пивному ларьку жмись, засеку. Где вкалываешь-то? Фабричный? Ну, ну, не особенно-то буркалами блести…

– Па-а-труль! – заголосила баба, обвешанная стираными солдатскими штанами.

Вмиг поредела толпа, и будто рассек ее надвое истошный вопль. В «просеке» Мессиожник увидел курсантов из военно-планерной школы, где он работал по найму заведующим складом запасных частей. Знакомые ребята Владимир Донсков и Борис Романовский, в новенькой полевой форме, с красными повязками на рукавах, придерживая ремни карабинов у плеча, медленно двигались прямо на него…

– Ты чего здесь потерял, Фима? – спросил Донсков.

– Да вот… – посмотреть, – не сразу нашелся Мессиожник. – Хотел хлеб на табак разменять.

– Не связывайся с охламонами. Мы уже двоих самогонщиков выловили. Куда сейчас?

– Домой пойду, Володя.

– Тебе хорошо, а нам здесь торчать до захода. Служба!.. Ну, пока, Ефим!

– До завтра! – попрощался и Романовский.

Курсанты сочувственно посмотрели вслед Мессиожнику, их сверстнику, которого никогда не возьмут в армию. Он уходил, чуть припадая на правую, Кроткийкую с рождения, ногу.

…К вечеру с юга пополз туман, медленно растекаясь по берегам Волги. Блекли случайные огоньки затемненных улиц, нахохлились и полиняли домики в Глебучевом овраге под Соколовой горой. Город затягивался серым покрывалом, тонул в настороженной тишине.

Быстро темнело. Владимир Донсков и Борис Романовский неторопливо поднимались в гору по узкой тропке, виляющей в зарослях бересклета и акаций.

Донсков шел, нагнув голову, но ветки то и дело пытались сорвать натянутую до ушей пилотку, царапали руку, выставленную перед лицом.

Романовский проходил кустарниковые туннели согнувшись.

– Вов? Ты серьезно задумал насчет «мертвой петли»?

– Заяц трепаться не любит.

– А рассыплешься?

– Мне же сегодня цыганка сказала, что умру на мягкой перине.

Вспыхнул прожектор, белым глазом прошарил кусты, и над военным городком повис тревожный вой сирены.

– Володя, прибавь газ! – Романовский легко толкнул товарища снятым с плеча карабином.

Они прибежали в казарму и сразу натолкнулись на дежурного командира.

– Парный патруль прибыл из города. На Сенном базаре и в подворотне ка Горной улице были задержаны два спекулянта и сданы в комендатуру. Больше происшествий нет! – доложил Донсков.

– Как самочувствие?

– Нормально.

– Тогда в строй!

Здание гудело от топота солдатских ног. Хлопали дверки ружейных пирамид. Сухо щелкал затвор, приклад стучал о бетонный пол – боец в строю.

– На сей раз тревога не учебная! – сказал дежурный командир, и в шеренгах затих последний говорок. – Наше подразделение выделено для облавы на ракетчиков в районе нефтеперерабатывающего завода. Делимся на три группы. Первую возглавляю я. Вторую – лейтенант Дулатов. Третью – старшина летной группы Кроткий. Машины подойдут к воротам.

Ожидая автомашины, курсанты стояли около казармы и смотрели в темное небо. Редкие облака текли по нему серенькими грядами, закрывая неяркие крошечные звезды.

– Первые на подходе!

Бомбардировщики, прерывисто воя моторами, проплывали над Соколовой горой и выходили на скрытый туманом город. Они летели невысоко, было видное яркое выхлопное пламя двигателей. Через несколько минут в южной части города загремели взрывы. С земли пытались нащупать самолеты прожекторами, но лучи не пробивали туман и, безуспешно поцарапав его, затухли.

Прекратились и взрывы. Немецкие самолеты кружились над городом в странном бездействии. Не вздрагивала земля, не круглились шапки зенитных разрывов, только нудный вой моторов заполнял небо.

Но вот из пелены тумана вынырнули ракеты и распустили зеленовато-красные космы. Там, где вспыхивала ракета, самолеты вешали на парашютиках светящие бомбы и, ориентируясь на них, бросали фугаски и зажигалки.

Все новые и новые самолеты тянулись к городу, пролетая над аэродромом. На крыше казармы, у установленного там скорострельного пулемета ШКАС, пришёл в движение наблю-

датель. В темноте заплясали пучки огня, и голубоватая нить трассирующих пуль потянулась к самолету, но прошла мимо и потухла. Из строя курсантов метнулась темная фигура, за ней – вторая, ребята ползли к наблюдателю.

– Дай-ка я! – послышалось с крыши.

Следующий бомбардировщик шел чуть повыше. Курсанты на крыше замерли. Секунда, вторая – и самолет почти вышел из зоны обстрела.

– Давай! – хором закричали курсанты. Пулемет застучал дробно и деловито, его голубая трасса уперлась в заднюю кабину самолета, оттуда ответила малокалиберная пушка немецкого стрелка. Один снаряд сбил водосточную трубу казармы, от другого разлетелись в щепы перила пулеметной площадки. Курсанты бросились под стены. Но пулемет на вышке не замолкал, и вот крыло самолета занялось огнем.

– Отвоевался, фриц! – довольно сказал старшина Кроткий. – Кто стрелял?

С крыши неторопливо слез Владимир Донсков, за ним почти скатился по лестнице Борис Романовский.

– Дай лапу! – старшина пожал Донскову руку. – Поощрим!

– Не забудь и Бориса, он тощий, ходатайствуй перед поваром о двойной порции гуляша.

– Объедитесь, – проворчал Кроткий, но ходатайствовать пообещал.

С притушенными фарами подошли машины.

Автомобили с курсантами неслись по затемненному Саратову, освещая дорогу синими подфарниками. Иногда впереди описывал красный круг фонарик патрульного – головная машина отвечала троекратным миганием. До крекинг-завода доехали с ветерком, попрыгали из кузова и быстро построились по группам.

– Рассредоточиться вокруг намеченных объектов и ждать второй волны. Сигнал – свисток! – почти шепотом передавалась команда.

Вторая волна дальних бомбардировщиков «Хейнкель-111» вышла на город и пролетев над территорией нефтеперерабатывающего завода развернулась на второй круг. А немного позже корпуса завода, бензобаки, подъездные пути осветились бледным светом кем то выпущенных с земли ракет. Туман смазывал очертания зданий, – цистерны расплывались в нем густыми пятнами.

Вывел трель командирский свисток.

Курсанты поднялись из засад, с винтовками наперевес двинулись вперед, сужая огромное кольцо. Ямы, залитые нефтью с водой, покореженные баки, кучи щебня и полусгоревших бревен разъединяли неплотные цепи людей, и они, чтобы в темноте не потерять друг друга, сбивались в небольшие группки.

В сторону моста метнулась ракета, послышались выстрелы. Ракета брызнула звездочками и, будто пойманная чьей-то рукой, мгновенно затухла.

Группа старшины Кроткий подошла к подорванному нефтебаку. Поврежденный бомбой несколько дней тому назад, он стоял бесформенной черной громадой. Фонарики осветили рваные бока. Стальные листы, взметнув острые края, нависли над воронкой, заполненной нефтью. Чрево бака ухнуло эхом близкого взрыва. Романовский оступился и начал сползать в яму, бормоча ругательства. Под узким лучом сверкнула маслянистая поверхность, и сильные руки кого-то из товарищей вытащили его.

– Угораздило растяпу! Весь в мазуте… В чем на полеты завтра пойду? – ворчал Романовский.

– Не завтра, а уже сегодня.

– Разговорчики! – цыкнул Кроткий.

Тройной свист – знак отбоя – остановил ребят. Они и не заметили, когда в небе стало тихо…

«Мертвая петля»

Учебные полеты на аэродроме военно-планерной школы подходили к концу. Горячее солнце медленно теряло высоту. Летчики – буксировщики планеров вываливались из кабин, и с удовольствием вытягивались на пожухлой от жары траве под широкими крыльями У-2[1]. С рассвета они горбились в кабинах самолётов. В воздухе их укачивали нисходящие и восходящие потоки, да еще планеристы дергали за стометровые тросы иногда так, что казалось: вырывают душу. Теперь все. Последняя сценка подходит к аэродрому с маршрута, последний планер отрабатывает пилотаж, да и какой там пилотаж: виражи, пологие спирали, то есть те элементы полета, которым воробьиха учит своих птенцов через несколько дней после рождения. И летчики, лениво щурясь, снисходительно поглядывали на планер.

Смотрели на планер и двенадцать ребят из группы лейтенанта Дулатова. Молодому инструктору показалось странным необычное возбуждение курсантов в конце летного дня. Особенно старался Борис Романовский: он не медиатором, а пальцами рвал басовые струны малой гитары и хрипловато, с надрывом пел, стараясь привлечь к себе внимание:

Рев мотора. Звон троса
Уплывают в небеса
Бригантины на сказочных крыльях.
Месяц острый, как коса,
И на полных парусах
В черный омут летит эскадрилья…

Но курсанты, обычно любившие слушать немудреные песни Бориса, сейчас явно не обращали внимания на оравшего во всю глотку певца. Некоторые сдвинули пилотки на глаза, кое-кто повернулся спиной к инструктору, и все старались скрыть, что глаза их усердно косят в небо.

Воздух взорвался гулом, над летным полем низко прошел истребитель, выписывая двойную управляемую «бочку».

Командир планерного отряда капитан Бурков, маленький, плотный, с кавалерийским разводом обутых в обмотки ног, аж подскочил на месте:

– Лих-а-ач! Видит же, что аэродром работает!

– На фронт торопится. Им, счастливчикам, все дозволено. Летчики! Не то, что мы, как лошади, в фаэтон запряженные, – позавидовал командир звена буксировщиков старший лейтенант Костюхин, детина – косая сажень в плечах, в блестящей кожаной куртке, модных бриджах и начищенных до блеска сапогах. – Антон Антонович, не пора ли закругляться, твои планеристы прокисают уже?

– Ну да! – возразил Бурков. – Ишь задрали головы вверх, тоже, поди, завидно!

Но курсанты смотрели не вслед истребителю, и первым из командиров об этом узнал лейтенант Дулатов.

– Побачьте, товарищ лейтенант! Посмотрите! – Дулатов обернулся на голос и встретился глазами со старшиной группы Кротким. В группе прозванным «Боцманом». Тот моргнул, рыжие брови взметнулись вверх, и Дулатов непроизвольно поддался знаку: тоже поднял голову.

[1] У-2 – — многоцелевой биплан, созданный под руководством Н. Н. Поликарпова в 1927 году. Один из самых массовых самолётов в мире.

Под сиреневым облаком планер А-2[2], выйдя из спирали, вздрогнул крыльями и опустил нос. Разгоняясь на пикировании, он рвал воздух, и комариный гуд расчалок заполнял небо, переходил в приглушенный свист. Еще три-четыре секунды такого падения, и не выдержат подкосы, оторвутся крылья старенького летательного аппарата. Дулатов сжал кулаки, сдерживая себя, повернулся к Кроткий:

– Что он задумал, разгильдяй? Э-эх, дурак! Донсков?

– Так точно – Володька! – тихо ответил Кроткий.

В кабине планера сидел курсант Донсков. Через летные очки он внимательно следил за движением стрелки прибора скорости.

«…Спокойней, старик! Нарастает свист, Пора! Бери на себя штурвал. Ну, действуй же! Не резко, плавненько, а то сложатся крылышки, как паруса в штиль. Запели ванты-расчалки[3], ухнула вниз земля. На плечи давит килограммов триста. Тяжеловато с непривычки. Надо напрячь живот – будет легче. Для этого лучше закричать: а-а-а!.. Ну что разорался? Кровь уже отливает от головы. Ты повис на ремнях, а твой планер царапает облако зеленым брюхом. Еще чуть штурвальчик на себя! На голову обваливаются поля, сыплются домишки Саратова. Крутится земля, вертится! Только шарик почему-то не голубой, а испачканный кисточками первоклашек: блеклые оттенки, размазанные зеленые пятна… Отчего так жалобно закряхтели шпангоуты[4]? Не должно быть! Не должно, а если? У-фф, кажется, обошлось! Порядок! Интересно, о чём думал Чкалову, пролетая под мостом? Был ли он таким же мокрым, как сейчас ты? Вряд ли. Наверное, парень ты пожиже характером. Черта с два! Всё! Всё-ё-ё-ё. И все-таки облако похоже на сиреневый куст…»

Планер вышел на черту горизонта. Встала на место земля. С неё все видели, как «фанерка» прокрутила петлю, пошла на вторую, потом сделала резкий нырок и, выйдя в горизонтальный полет, развернулась к аэродрому.

– Самоубийца, Ешь твою медь…! – услышал лейтенант Дулатов голос Костюхина и почувствовал за спиной тяжелое дыхание командира отряда Буркова. Как паровоз поднимает давление пара и плавно трогает с места, так и капитан «раздувает пары» и срывается, как камень, выпущенный из пращи. Дулатов не успел мысленно закончить аналогии, а капитан уже выскочил из-за его плеча, и над полем повисла протяжная команда:

– Станови-ись!

– Равня-а-йсь! Сми-ирно!

Курсанты планерного отряда, вытянувшись в четком строю – замерли. Предвкушая интересное зрелище, от самолетов спешили летчики. Они подковой сгрудились позади Буркова и тихо разговаривали со своим командиром Костюхиным.

Планер выполнил четвертый разворот, скользнув на крыло, приземлился и посадочной лыжей длинно погладил траву. Около посадочного «Т» покачался, положил на полотнище знака левое крыло. Летчики одобрительно загудели.

– Курсанты лейтенанта Дулатова, пять шагов вперед – арш! – скомандовал Бурков. – Кругом! Стойте и ни шагу к планеру! Пусть новоявленный ас тащит его в одиночку. Разрешаю поддержать только крыло. Кто?

Бросилась вся группа.

– Отставить!.. Назад! Все на-а-зад!

Но к планеру мчался Борис Романовский.

– Двое суток ареста этому спринтеру за глухоту! – отрубил Бурков.

---

2 Планер А-2— учебный планёр конструкции Олега Антонова.

3 ванты-расчалки – механическая тяга в виде троса, проволоки или стержней

4 шпангоуты – поперечное ребро корпуса

Борис подбежал к планеру и не схватился за конец крыла, а подпер плечами подкосную штангу. Из кабины вылез Владимир Донсков, встал под другое крыло. Они поднатужились, сдвинули планер, медленно потащили его к старту.

– Все видели! Боцман лейтенанту шепнул! – пропыхтел Романовский. – Вечером счищу ему ракушки с киля!

– Думаешь, можно было скрыть? Чепуха! Ну как, Боря?

– Ты знаешь, у меня аж дух сперло! Сам-то трухнул хоть капельку?

– Если б капельку, до сих пор коленки танцуют.

– Сейчас «Буряк» включит ревун и будет драить тебя, как медяшку! Ну, взяли, еще раз взяли, са-ама пошла!

Они подтащили планер, и Донсков подошел к Буркову с докладом, но тот махнул рукой и указал пальцем место перед строем.

– Надо ли объяснять, товарищи курсанты, в чем нарушил летную дисциплину курсант Донсков?.. По вашему молчанию вижу – не надо. Это уже хорошо… Курсант Кроткий!

– Я!

– Снять с нарушителя летное обмундирование, ремень и обмотки.

– Есть! – Кроткий подошел к Донскову, но тот уже раздевался сам. В комбинезон завернул шлем и обмотки, затянул сверток ремнем и бросил в руки Кроткийу. Теперь он стоял перед строем в майке, в широких, не по талии, старых хлопчатобумажных брюках и кирзовых ботинках. Бурков оглядел его сильную, атлетическую фигуру, и незаметная усмешечка наметила скобки у тонких губ.

– Брючный ремень снять!

Хохотнул и громко ударил себя по бедрам старший лейтенант Костюхин.

– Правильно, капитан! – сквозь смех проговорил он. – Пуговицы бы еще ему обрезать. Курица летать захотела! Оставьте синьору шлем, пусть рыцарем протанцует до острога!

– Старший лейтенант!

– Молчу, молчу, только посмотрите: он ведь орлеанскую деву изображает!

Кроткий подступил к Донскову, и наткнулся на яростный взгляд серых отчаянных глаз:

– Не посмеешь, Боцман!

– Приказ, Вовка. Давай пояс. Штанцы поддержишь руками.

– Отойди по-хорошему.

Бурков видел посеревшее лицо курсанта, вздувшиеся желваки, напряженные мышцы полусогнутых загорелых рук. Прядка русых волос прилипла к мокрому лбу, под прямым носом блестели бисеринки пота. Крепкая грудь бугристо напряглась. Казалось, тронь – и взовьется человек, как протуберанец. Предотвращая неладное, Бурков крикнул:

– В чем дело, Кроткий?

– По уставу не положено снимать этот ремень! – тяжело вытолкнул слова Донсков.

– Слышали, товарищи курсанты? – подходя к нему поближе, сказал Бурков. – Он, солдат, может позволить себе нарушение, а я капитан, – нет! Почему же? Давай, голуба, на равных служить. Ты устроил карусель в воздухе, хотел сломать себе голову и упечь меня в тюрьму, а я тебя наказываю тоже не по уставу, а по-своему. Не хочешь? Не так воспитан?.. Трудно тебе будет с двумя лицами жить. Найди свое, Донсков. За цирк – десять суток ареста. Проводите, лейтенант, своего пирата на гауптвахту, да не забудьте у его быстроногого друга – Бурков неласково посмотрел на Романовского, – гитарку отобрать. Наигрались!

Над полем лопнула и рассыпалась красными звездочками ракета. Ушли к самолетам летчики, запустили моторы, порулили к стоянкам. Курсанты, подперев плечами крыльевые подкосы, потащили планеры к ангарам. Быстро темнел сиреневый кусок облака над аэродромом.

Бурков догнал шагавшего впереди старшего лейтенанта Костюхина и похлопал по крутому плечу:

– Зачем оскорбил курсанта, Юрий Михайлович? Не каждый орел беркутом называется, но все же он орел. Еще раз, и – беседовать будем у командира!

Костюхин остановился, виновато наклонил голову:

– Пардон, Антон Антоныч! Знаешь, иногда какая-то козявка меня изнутри кусает – сам не рад. Извини!

* * *

Вечером начальник политотдела батальонный комиссар Маркин, замещавший уехавшего на долгосрочные курсы начальника школы, слушал командиров.

– По курсу летной подготовки делать эту фигуру на планере А-2 не положено, – говорил Дулатов. – Большой риск. Планеры отработали все возможные и невозможные ресурсы, могут рассыпаться от средних перегрузок, а он летал без парашюта. Смелость безрассудная, слепая.

– И поэтому обязательно наказуемая, – вставил Бурков. – Все, что мог по уставу, я Донскову выдал.

– Да, планера требуют капитального ремонта, – сказал Маркин. – Меня интересует, как реагировали курсанты? Как восприняли?

Командиры переглянулись, замялись. Дулатов дипломатично молчал, предоставляя слово старшему. Бурков выпалил:

– Ему двенадцать стаканов компота приволокли на гауптвахту. Вот как!

Маркин беззвучно засмеялся. Косматые седые брови поднялись. Он вынул платок, вытер глаза, прокашлялся и хитро щурясь сказал:

– Компот – это хорошо! Компот – это здорово! Ох, сколько работы задаст нам ребятня! Мы ведь не были такими шустрыми, а?

– Ну, если не считать, товарищ комиссар, лихих кавалерийских атак на пустой желудок, плавания по-собачьи в грязи Сиваша, командования полками в семнадцать-двадцать лет и другой мелочи – то не были… – отозвался Дулатов

– Тогда скажите, Дулатов, каким вы думаете воспитать своего планериста? Что должен знать, уметь пилот, окончивший нашу школу?

– Отлично летать… ну и стать настоящим красноармейцем.

– Давайте вспомним историю. – Маркин откинулся на спинку стула. – Немцы провели удачную десантную операцию по захвату неприступного с моря острова Крит. Успех обеспечили планеристы, под покровом ночи бесшумно высадив батальоны прямо на голову защитников Крита. И вот теперь мы создали первую школу военных пилотов-планеристов для подготовки бойцов с особыми качествами. Так, Бурков? Именно так! А чему учим? В основном летать. Мало обращаем внимания на специальную и психологическую подготовку. Забываем, что для выполнения боевой задачи в ребятах должны сплавиться бесстрашие и точный глазомер летчика, отвага десантника, тактическое мышление пехотинца, дерзость и смекалка разведчика и огромное, я подчеркиваю, огромное стремление к риску. Мы должны воспитывать в курсанте это стремление, чтобы он летал на задание и по приказу, и сам рвался, просил доверить ему самое ответственное и сложное. Вот минимум!.. Он летит в ночь, не ожидая милосердия. Щупает рассудочными глазами черноту, ищет сигнал посадки. Садится, обязательно мастерски, на неведомый кусок земли, разгружается, без сожаления поджигает планер и становится пехотинцем, партизаном. Солдатом или командиром – зависит от обстоятельств, а бойцом самого переднего края – обязательно, способного действовать в одиночку и в большом коллективе одинаково разумно.

– Я чувствую в ваших словах косвенное оправдание поступка Донскова, – сказал Бурков.

– Не совсем поняли, капитан. – Телефонный звонок прервал Маркина. Прежде чем взять трубку, он досказал: – Таким, как Донсков, наша одежда тесновата, и они, естественно, стре-

мятся из нее выпрыгнуть, но не очертя голову, скажу я вам… Алло!.. Да, я у телефона… Здравия желаю! Слушаю внимательно… Понял! Встретим! Сводку отослали… Понял. – Он положил трубку на рычаг. – Говорил с Москвой. К нам едет инспектор Центрального штаба партизанского движения полковник Стариков. Командировка длительная. Поняли? Чувствую, скоро на крылья наших ребят ляжет тяжелая нагрузка…

– А насчет Донскова скажу так: действовал он не очертя голову, а разумно. Вот нате бумажечку, разберитесь в загадочном шифре, кто-то подсунул её под дверь моего кабинета. Интересно кто? – Маркин протянул Дулатову листок.

Дулатов сосредоточенно изучал небрежно написанные цифры и сокращенные слова.

– Да-а-а – задумчиво растянул слово Дулатов – Полный расчет «мертвой петли» на планере А-2. А бумажечку-то под вашу дверь подсунул вероятно «гитарист» Романовский, шустрый чертяка, когда только успел?

– Той петли, которую сегодня сделал Донсков. Надеюсь, ваши пираты больше не будут крутить крендели на не пилотажных планерах? – сухо сказал Маркин.

– Приму меры. Мне стыдно, товарищ комиссар, за игру своих подчиненных в этих… пиратов. Донсков их пичкает гнилой романтикой. Решительно прекращу!

– Вряд ли удастся. Иногда мечты детства остаются на всю жизнь. Между прочим, среди пиратов были не только жестокие, кровожадные морганы и флинты. Капитан Блад,[5] – человек, готовый пойти на смертельный риск во имя чести, ради помощи товарищам…

Когда Дулатов ушел, Маркин наедине спросил Буркова:

– Почему вы один среди командиров носите обмотки? Вам же хорошие сапоги дают.

Капитан молчал.

– Может быть, экономические трудности, ведь вы шестой в семье?

– Нет, товарищ комиссар. В прошлом месяце у одного курсанта в полете размоталась обмотка и попала в тросы управления. Почти до земли шел, но все обошлось благополучно… В небе я хочу быть на равных с ними. Там что командир, что боец в одинаковых условиях должны быть. Так я… поношу пока.

Маркин глубоко затянулся дымом, закашлялся и в сердцах бросил окурок в пепельницу:

– Чертов табачище! Воли не хватает бросить. Как вы считаете, ваш отряд готов к переходу на тяжелые планеры?

– Почти.

– Такого слова в военном лексиконе нет! – неожиданно зло рявкнул комиссар. – Сводку Информбюро слышал? На фронте нашим приходится туго, немец прет на рожон!

– Подготовку максимально ускорим, товарищ комиссар.

– А люди? Выдержат? Пойдем в общежитие наведаемся.

…В казарме они остановились у стенной сатирической газеты «На абордаж!» и невольно залюбовались отлично выполненным акварельным рисунком. За штурвалом маленького синего судка стоял огромный капитан с лицом курсанта Донскова, голый, прикрытый лишь концом паруса.

В ангаре

В субботу вечером, будучи дежурным по гарнизону, лейтенант Дулатов шел по аэродрому и увидел в одном из окон ангара электрический свет. Решил проведать, кто нарушает светомаскировку.

Легкая полусферическая крыша помещения для планеров удерживала густые острые запахи нитрокрасок, эмалитового клея и смазки. Дулатов осторожно двинулся по гулким

[5] Капитан Питер Блад – вымышленный пират, главный герой серии книг Рафаэля Сабатини.

бетонным плитам. Заметив светло-розовую полоску под дверью токарного цеха, он замедлил шаги, подкрался на цыпочках и прислушался. В цехе работали напильником по мягкому материалу. Шуршание напильника сняло настороженность. Теперь Дулатов догадывался, кого увидит склоненным над тисками, и все же дверь открыл потихоньку, без скрипа.

Жестяной абажур бросал яркий сноп света на растрепанные каштановые волосы, худые плечи и большие руки. Плавными расчетливыми движениями полукруглого напильника обрабатывалась фасонная эбонитовая деталь. Легкие неторопливые движения и та особая непринужденность мастера, колдовавшего над деталью в тисках, остановили Дулатова. Через минуту он постучал согнутым пальцем по листу дюраля, прислоненному к стене.

Острым краем напильника мастер нанес штрих, ощупал деталь и довольно хмыкнул. Положил инструмент на верстак, вынул из кармана наждачную бумагу, осмотрел ее поверхность. Чем-то она его не устроила, и он достал другую, завернутую в тряпицу. Потом резким движением ослабил тиски и на широкую вытянутую ладонь, взвешивая, положил нож. По короткому массивному клинку скользнули блики и потухли в глубине матовой плексигласовой рукоятки.

– Романовский!

Нож, соскользнув с ладони, глухо ударил о цементный пол. Лицо Бориса Романовского в мгновение побледнело. Дулатов смотрел в растерянные глаза курсанта. Романовский досадливо махнул рукой, вытер пот со лба и взял нож.

– Не понимаю, – сказал Дулатов, глядя на странное изделие.

– Отцентрирован до грамма. С характером ваньки-встаньки, – быстро сказал Романовский и метнул нож в дальнюю стену. Резко свистнув, клинок прошил доску, застыл не качнувшись. Романовский вытащил его, протянул Дулатову.

– Попробуйте.

– Разве сумею?

– А вы бросьте, бросьте!

Дулатов повертел нож, почувствовал, как тяжела сталь клинка, полюбовался радужным набором ручки.

– Жалко, если расколется, но пусть вам неповадно будет заниматься такими поделками! – И он с силой пустил нож в обитую жестью стенку. Нож опять пронзительно свистнул, а Дулатов вопросительно уставился в довольное, ухмыляющееся лицо курсанта.

– Два особо расположенных отверстия в кресте рукоятки подвывают в полете. А закалял сам! – со скрытой гордостью сказал Романовский и с трудом выдернул клинок из стены.

– Вы знаете – это лишнее. Я имею в виду свист. Десантнику ведь нож дается не для парада. Уберите отверстия… А, в общем, шагайте за мной к командиру отряда! – приказал Дулатов. – Пошли. За сколько продаете?

– Своей работой не торгую, – угрюмо откликнулся Романовский, еле поспевая за инструктором.

– Меняете? На что? В вашей тумбочке я видел пустую бутылку. На водку? Летали бы так, как пилите железки!

– По-вашему, железка? Пусть. Только не каждому дано сделать такую.

– Почему нож всегда летит острием вперед?

– В полый кончик залит свинец, а ручка облегчена почти до ажура. При тренировке можно издалека попадать в тетрадный лист.

– Вот на таком листике и напишите объяснение о своих делишках и всех самоволках. Двух суток ареста оказалось маловато?

– Я не писака!

– Что? Поговорите еще! – Дулатов остановился и повернулся к Романовскому. – Каков тон! А? Каков тон! Знал всегда вас послушным, вежливым, а за последнее время… Да ведь уже комиссару известно о ваших самовольных отлучках из расположения части.

– Самоволок не было. Поклеп.

– Вас отпускал старшина летной группы Кроткий. – Дулатов опять пошел вперед. – Но он такой же курсант, как и вы, не имел права это делать без моего согласия. Может, вы и устава не знаете? Дайте нож и подождите здесь!

Романовский остался стоять перед закрытой дверью в кабинет командира отряда, прислонился к стене, расслабил опущенные руки.

* * *

Капитан Бурков внимательно рассматривал нож.

– До авиации я был классным металлистом, Саша, а признаюсь, таких вещей не делывал. Не потянул бы. Ювелирная работа. На экспорт! Жаль, если экспортируют на базар.

– Отказывается.

– Как он попал в цех?

– Свой ключ. Рабочие ушли, а охрану еще не выставляли.

– Отпусти парня. У них скоро ужин.

Дулатов приоткрыл дверь и в образовавшуюся щель крикнул:

– Романовский, шагом марш в казарму! А за незаконные поделки взыщу! Ишь, повадились!

– Сорвался на дискант, голуба! – укоризненно сказал капитан.

– По-хорошему уже не получается!

– Уже? За три месяца инструкторской работы порох отсырел? Чаю хочешь? – Бурков вытащил из-под стола холодный эмалированный чайник, налил себе в кружку темный заварки. – Я вот, прежде чем гаркнуть, представляю, будто орут на меня. И часто успокаиваюсь. Не потому что злость мгновенно проходит, а просто стыдно становится. Инспектор из округа однажды на меня кричал, слюнями брызгал, так я хоть и умылся, а как вспомню – до сих пор оплеванным себя чувствую.

– Иногда ваш голос далеко слышно, – хмыкнул Дулатов, укоризненно взглянув на Буркова.

– Да не серчай! Голос слышно! – с удовольствием повторил Бурков. – Я же артист, Саша! Фигурой вот не вышел, Костюхин за глаза «крючком» зовет, а голос, правда, добрый. Если прислушаться, поймешь: употребляю его как инструмент.. Командиру очень тонкий музыкальный слух нужен, если правду говорят, будто в каждой душе есть своя струна. Не оборвать бы… – Бурков сделал крупный глоток и отставил кружку. – Вот комиссар мечтает сделать из этих ребят «бойцов особого качества», а я, прости, смотрю на них как на сирот. Жалко. И многие действительно будут сиротами к концу войны… Твой курсант зачем сделал нож?

– Для продажи или обмена. Позавчера в санпроверку у Романовского бутылку из-под водки в тумбочке обнаружили.

– Мне доложили, что завскладом Мессиожник принес Донскову сверток. В нем угадывались две бутылки. Я распорядился поискать. В казарме – нет. А назавтра Донсков и Романовский просятся в увольнение. Донскову недосиженные сутки на гауптвахте я заменил нарядами вне очереди, поэтому права на отпуск он не имеет. А может быть, имеет, потому что вчера ты объявил ему благодарность за отличную технику пилотирования. В общем, мы их отпустим, а ты с Кротким посмотришь, куда они пойдут.

– У Донскова в городе мать.

– Знаю. Работает в исполкоме. Домой он не пойдет: сейчас август и под любым кустом ресторан. Две бутылки им много. Может, девчат-зенитчиц пригласят? Так вот, Саша, если ребята с девицами будут, поступай корректно, в любом другом случае действуй по обстановке.

– Слежка?

– Не нравится? Хочется тебе или нет, а завтра ты пойдешь.

– Но…

– Лейтенант Дулатов!

– Есть!

– Спокойной ночи, Саша.

Дулатов ушел, а капитан Бурков склонился над планом летной подготовки. Отряд переходил на тяжелые планеры А-7[6] но не хватало буксировщиков. В помощь стареньким самолетам Р-5[7] и СБ[8] для воздушных сцепок прислали трофейный бомбардировщик «Хейнкель-111» и два истребителя «харрикейн»[9], но на них еще не переучились летчики. Сплошные «но» тормозили работу, а инспектор Центрального штаба полковник Стариков жал, требовал ускорить подготовку пилотов. Бурков считал настойчивость полковника предтечей скорых и серьезных заданий, к которым еще не были готовы курсанты. Выпускать в ночь только что оперившихся ребят он не мог, хотя «стремление к риску», о котором говорил комиссар Маркин, переполняло многих. Плоховато шла спецподготовка. Из трофейного оружия «мазали» по движущимся мишеням, некоторые, как слепые котята, ходили по азимуту[10], физически слабые отлынивали от вольной борьбы. Он понимал, что война заставляет утрамбовывать год до месяца, но не мог подавить в себе внутреннего протеста, если это касалось семнадцати-восемнадцатилетних мальчишек, которых невозможно в столь короткое время сделать бывалыми мужчинами. А надо! За счет воскресений, которых так мало, за счет ночей, которые так коротки, за счет каждого часа отдыха. Надо сделать настоящих бойцов, иначе он, гвардии капитан Бурков, будет поставщиком пушечного мяса.

– Вот так-то, голуба! – проговорил он вслух, забористо ругнув себя за потраченное на невеселые думы время и, выдернув из ящика стола словарь, стал разбирать инструкцию по летной эксплуатации истребителя «харрикейн», составленную на английском языке.

За распахнутым окном гудела ночь, взбудораженная моторами, исполосованная прожекторными лучами и вспышками стартовых ракет.

В небе бодрствовали летчики-буксировщики. Непривычным прерывистым ревом отличались двигатели трофейного «хейнкеля», на котором тренировался старший лейтенант Костюхин. На самолете перекрасили знаки, заменили надписи под приборами, сняли вооружение и броню, а вой моторов так и остался волчьим.

По следу

Кроткий, ссылаясь на плохое самочувствие, упорно отказывался от предложения инструктора Дулатова.

– Не пойду, товарищ лейтенант. Чего портить парубкам отдых? Хлопцы гарные, правду говорю. А если и выпьют малость – греха нема.

---

[6] Планер А-7 лёгкий десантный планёр О. К. Антонова времён Второй мировой войны. В годы Великой отечественной войны планёры буксировались самолётами с аэродрома в Саратове к линии фронта.

[7] СамолётР-5—советский ногоцелевой одномоторный самолёт 1930-х годов, созданный в ОКБ Поликарпова в 1928 году

[8] Самолёт СБ – АНТ-40 (СБ) – скоростной фронтовой бомбардировщик. Самый массовый серийныйсамолёт разработки КБ А. Н. Туполева.

[9] Истребитель «харрикейн» — Хоукер Харрикейн (англ. Hawker Hurricane) – британский одноместный истребительвремён Второй мировой войны,

[10] Азимут – угол между направлением на север и направлением на какой-либо удаленный предме

– Хочется тебе или нет, а ты пойдешь, Кроткий, – сказал Дулатов. – Все!

Кроткий ташился за Дулатовым по кромке лесопосадок едва передвигая ноги. Дулатов дождался курсанта и вытолкнул его вперёд себя. Дулатов спешил, пытаясь не упустить из виду Донскова и Романовского, но Кроткий остановил его и пообещал найти их по следу. Теперь он шел впереди, слегка ссутулив плечи и опустив лобастую голову, густо покрытую тугими светло-рыжими завитками. Гимнастерка обтянула широкую, одинаковую в плечах и талии спину, толстые ноги, обернутые голубыми обмотками, осторожно ступали по мягкой траве. Дулатов, всматриваясь в землю, никаких следов не замечал и поэтому, пристроившись сбоку, поглядывал на идущего по следу курсанта. В данный момент Кроткий поразительно напоминал занятого делом Романовского. Так же распахнуты глаза, только с блестящими черными крапинками в зрачках, та же непринужденность мастера, только в походке, бесшумной и быстрой. Колхозник с равнины за несколько месяцев учебы впитал в себя «науку следопыта», хотя был еще и не шибко грамотен. Изредка подергивая красноватым, облезшим на солнце носом, Кроткий хмыкал так же, как Романовский. Но в широченных, не юношеских плечах, в длинных опущенных руках, в толстых пальцах, полусжатых в кулак, у Кроткого чувствовалась скрытая, дремлющая сила. Он нагнулся, и в выражении его лица Дулатову почудилось что-то хищное. Курсант вошёл во вкус преследования.

За лесопосадками простиралось желтоватое гречишное поле. Скрываясь за последними кустами, они увидели маленькие фигурки Донскова и Романовского. Курсанты двигались к редкому орешнику на берегу Волги.

Кроткий остановился, попросил разрешения курить.

– Или в перелеске, или на берегу сядут, – слюнявя край самокрутки, невнятно пробормотал он. – Не сбрешу про Володьку, а Борька чудной. Выдали нам по пятнадцати пачек «Северной Пальмиры», папироски – баловство, так я за них выменял у Мессиожника пять фунтов самосаду, а Борька опять же – плексиглас. Потопаем, товарищ лейтенант, теперь можно.

Пошли напрямик. Кроткий старался не ломать стебли гречихи и, когда не получалось, оборачивался, подбирал выпавшие зерна, тяжело вздыхал. Дальше шел странно, высоко поднимая коленки. Дулатов старался идти в след.

– Товарищ лейтенант, вчера транспортник из-под Сталинграда прилетел, мы его пробоины заклеивали, так летчик гутарил, что двадцать первого августа в районе Абганерово немчура сильно вдарила по первому оборонительному обводу наших войск. Это верно?

– Официально не слышал, – буркнул Дулатов и, глядя на пятнышко пота, проступившее на гимнастерке между мощными лопатками Кроткого, меняя тему разговора, спросил: – Почему курсанты зовут вас Боцманом? И сколько вам действительно лет, Кроткий?

– Думаете, темню, ховаю годки? Так выгляжу потому, – Кроткий поднял руки с растопыренными пальцами, – што их с малолетства из земли не вынимал. От солнышка до темноты работал. А Боцманом… я ж старшина их, команду над ними держу. Володька кличку приклеил. Подходим к орешнику. Тихо!

Сначала они услышали разговор, потом увидели Донскова. Он прикручивал к ветке проволоку с котелком на конце. Кроткий упал в прошлогодние прелые листья, Дулатов прилег рядом, стараясь не испачкать обмундирование.

На маленькой зеленой полянке Донсков и двое незнакомых солдат со значками десантников на петлицах разжигали костер под котелком и открывали ножами консервные банки. Борис Романовский чистил картошку. Картофелины летели в котелок, вышибая оттуда брызги.

Один из десантников снял гимнастерку, расстелил по земле. Второй, остролицый, поставил на импровизированную скатерть бутылки с мутноватой жидкостью, банки, кружку. Уселись в кружок. Романовский и Донсков спинами закрыли гимнастерку с разложенными припасами. Дулатову виднелись только буханка черного хлеба и эмалированная кружка. Большая рука подняла кружку, и Дулатов увидел ее донышко над мощным кадыком десантника. Будто

бильярдный шар дважды передвинулся под кожей, и пустая посудина опустилась на место. Десантник с кончика ножа снял губами сероватый кусок, а нож метнул в ствол орешника. Коротко свистнув, клинок впился в дерево. Десантник с набитым ртом радостно замычал и захлопал в ладоши.

– Вот это копье! За такой подарок наш «батя» кроме «спасибо» и наркомовские сто грамм поднесет. Чарку мастеру! – сказал он, проглотив закуску, налил в кружку из бутылки и протянул Романовскому.

Пытавшегося встать Дулатова удержал Кроткий. На красноватом лице его просительная мина.

– Разве запрещается пригубить горилки в отпуске? Поглядим, побачим, товарищ лейтенант, – прошептал он.

Солдаты пили, ели, громко разговаривали. Остролицый рассказывал, что первыми парашютистами были африканские негры. Держа над головой пальмовые ветки, они прыгали с обрывов и скал, плавно опускались на землю. Десантник без гимнастерки взахлеб хвалил своего командира, его справедливость, силу ума, смекалку. Дулатову очень хотелось послушать, а что скажут про него. Летает он не хуже других инструкторов, курсантов понапрасну не обижает. Сюда пришел по приказу. Да ведь для их же пользы. Если он учился два года, то их надо поставить на ноги за шесть месяцев, да еще со спецподготовкой. Нет, недоброго слова они про него сказать не могут. Бот только кричал он вчера на Романовского, так не со зла, а хотел показать строгость. После такого нагоняя курсант должен переживать, а Романовский пошел в рощу собирать светлячков в коробочку…

Зазвучала гитара. Романовский пропел куплет, а потом четыре сильные глотки выбросили, как из мегафона:

В бессильной ярости греми костями, смерч
Искать не будем бухты мы у скал…

«Спелись, черти! – подумал Дулатов. – Не впервой, значит. Друзья по застолью. А я-то, остолоп, считал их порядочными ребятами! Правильно говорил капитан…»

Дулатова отвлек от мыслей резкий прыжок десантника без гимнастерки. Из сидячего положения, не касаясь земли руками, он отпрыгнул метра на полтора в сторону и пригнулся, растопырив узловатые руки. Почти так же вскочил и Донсков. В его правой ладони что-то блеснуло. Намного выше ростом, он навис над десантником, готовый ударить. Неуловимым движением тот подался вперед, крякнул, и Донсков упал ему в ноги с выкрученной назад рукой.

Избиения своих курсантов Дулатов допустить не мог. Он вскочил и бросился вперед. Увидев перед собой разъяренного лейтенанта, десантник отпустил Донскова и схватился за гимнастерку. Но и Дулатов потянул ее. Хлеб, лук, банки полетели на землю, звякнула обо что-то твердое бутылка, в нос ударил сладковатый запах. Десантник дернул, и в руках Дулатова остался рукав гимнастерки.

– Кроткий, ко мне!

– Смылись! – развел руками Кроткий.

Дулатов пощупал одежду и покраснел. Он постарался сделать строгое лицо и сухо обратился к Донскову:

– Где же ваши собутыльники? Романовский где?

– Почему собутыльники? У одного не было увольнительной, вот и сбежали. Борис за компанию.

– Курсант Кроткий! Вы отведете Донскова в санитарную часть, где определят степень опьянения.

– Я трезв.

– Выясним… А пока ликвидирую увольнение и приказываю отправиться в часть!

– Товарищ лейтенант, нюхните! – Кроткий совал в руки инструктору отбитое донышко бутылки с каплями влаги. – Солодом пахнет. Сладкое!

Дулатов брезгливо отмахнулся: «Идите!»

Спустившись с обрыва к Волге, он разделся. Поплескавшись в парной воде, вылез на берег, улегся на горячем песке. На глаза попалось зеркальце, вынутое из кармана вместе с документами. Дулатов поднял его. В стеклышке отразилось грустное смуглое лицо, скуластое, большеротое. На прямых жестких волосах и длинных ресницах капельки. «Никакой значительности нет в твоей рожице, Александр Ахметович. Кроткий и то значительней смотрится, солиднее. Усы, что-ли, отпустить?»

Ему хотелось обдумать случившееся, обдумать неторопливо и основательно. Он брал в пригоршню песок, пропускал его между пальцами тонкими желтыми струйками. За несколько раз насыпал перед собой бугорок с острой вершиной. Мысли путались, и он резким движением ладони разрушил песчаную пирамиду. Долго и бездумно смотрел на подлесок, подступивший к самому обрыву. Потом улыбнулся: если чуть-чуть пофантазировать, молодые деревья очень походят на его ребят. Вон кряжистый дубок, его корни крепко держат землю от осыпи, листья его редкие и маленькие, а кора уже шелушится, как у старого мудрого дуба. И если дубок напоминает Кроткого, то вон тот упругий ясень – Донскова. У деревца крепкие длинные ветки, из таких выгибают хорошие боевые луки. Ясеневая жестковатая крона звенит под мягкими порывами ветра, как спущенная тетива.

Дулатов разыскал в подлеске и «Романовского»: издалека трудно было разобрать, какой породы это дерево, оно заслонялось другими, было все время в тени, и поэтому ствол, тянущийся вверх, был тонким, хрупким. Дереву не хватало силы, и только на самой макушке оно сумело выбросить несколько неказистых веточек.

* * *

Романовский лежал в кустах, уткнувшись лицом в сложенные руки. Над ним звенели комары, путались в густых каштановых волосах, липли к шее и рукам, но он не поднимал головы, не шевелился. Если бы затих лес, не тенькала пеночка в орешнике, не журчал поблизости ручей, можно было бы услышать глухую брань, которой Романовский отвечал на свои горькие думы.

Почему удрал? Что заставило ломиться через кусты, падать, обдирать колени? В чем он провинился, чтобы так трусливо скрыться? Ни в чем! И все же, когда увидел перед собой инструктора, какая-то неведомая сила подняла и заставила бежать.

Он быстро опомнился. Ну и что? Ведь скрылся, не вернулся! Так же беспричинно оторопел, когда лейтенант застал его в ангаре. Сказать бы о разрешении начальника цеха работать до выставления сторожевого поста, а он не сказал. Не сумел объяснить, для чего делает нож, Володька поругал его тогда, обозвал. И правильно. Трус!

В орешнике опять то же острое чувство мгновенного страха. Нет, не зря заставляет Владимир прыгать в воду с десятиметрового трамплина. Пока летишь, умираешь дважды. И это чувство у него с детства.

Борис вздохнул, сел, стряхнул сухие листья и комочки земли с гитары, которую даже в паническом бегстве не забыл прихватить, и тронул струны. Тонко, жалобно откликнулся резонатор.

Гитару сделал отец. Грубые пальцы рабочего кузнечного пресса выточили каждую дощечку, лаская, отполировали гриф, на самодельном токарном станочке вырезали фигурные колки. И когда инструмент засиял лаком, отец протянул его сыну: «Моими клещами только

подковы гнуть, а не играть. Так что струны сам натягивай, Борька. Подарок тебе. И положено, брат, обмыть!»

И «обмыл». Пьяным отец был каждую субботу. Приходил домой и поднимал пудовый кулак на мать. Почему? Борис стал догадываться недавно. А тогда, обозванный «байстрюком», в ужасе забивался под койку и свивался в клубочек. «Не прошу-у!» – ревел отец.

В воскресенье батя опохмелялся, просил прощения у матери, а сыну позволял разбирать именной «смит и вессон» – револьвер, подаренный лично Климентом Ворошиловым за ликвидацию банды. Это было самой большой радостью Бориса. Потом они пели. Первой песней, которую разучил Борис на гитаре, была «Каховка». От нее батя мягчел, надевал выходную робу и шел в заводской сквер снимать свой портрет с доски Почета.

Но вскоре опять приходила суббота. Рос Борька на материнских слезах. Трезвый отец научил сына красиво работать, а субботние пьяные скандалы поселили в мальчике страх перед силой, перед авторитетом, перед всем неожиданным и непонятным.

Ясным июньским утром сорок первого года воинский эшелон увез отца на запад. Недалеко уехал солдат-доброволец от дома, попал под бомбу, упал – будто споткнулся, да не встал.

Лебеди черные стаей растрепанной
Нам принесли письмецо…

– *Так и не встал он, в муравушку втоптанный…* Эх! – Борис отложил гитару, сорвал травинку, задумчиво зажевал.

* * *

…С десантниками было проще, чем думал лейтенант Дулатов. И Донсков и Романовский встречались с ними не для пьянства. И пили не самогон, а домашний солодовый морс, обменянный на хлеб у Мессиожника.

В школе курсанты-планеристы обучались приемам вольной борьбы. Занятия проводил старший лейтенант Костюхин, неплохой борец и методист. Но подошло время, когда Донскова уже не удовлетворяли уроки Костюхина, в них отсутствовали боевые приемы. Тогда он завел знакомство с мастерами рукопашного боя из соседней десантной части. Солдаты-десантники имели опыт диверсионной работы в тылу врага, были хорошими товарищами. Борис по их заказу делал ножи. Иногда на встречу приносили и простую еду, потому что атлетов-парней не насыщал скромный солдатский паек, а курсанты питались значительно лучше. В показе приемов борьбы десантники не скупились. Лейтенанту почудилось, что Донсков кинулся на солдата с ножом, но это была алюминиевая ложка.

Романовский поднялся, вытер рукавом глаза. Цепкими пальцами пощупал костистые плечи, худую грудь и тяжко вздохнул:

– Эх, дубина! Стеньга гнилая!

Подняв гитару, он поплелся в военный городок. Туда же неторопливо возвращались Донсков и Кроткий. Первым заговорил Донсков:

– Скажи, Боцман, ты почему не обозначился, не пошумел в кустах?

– Я ж выполнял приказ.

– Лучше б ты лопнул от усердия!

– Неправильно гутаришь. Выполнить приказ – святое дело! У нас принято: батька сказал – умри, значит, помереть должен. Тут для меня батя – любой командир. Да и не дотумкал я, что лейтенант горячку спорет. Я ж давно понял, для чего вы по кустам хороводитесь. Тренируешься?

– Скоро соревнования. Постараюсь взять у тебя реванш?

– Тю-ю-ю. Силы у меня больше. Дожму я тебя, Володька.

– Давай, Боцман, давай, только пупок не надорви! – Донсков ударил Кроткого по плечу. – Службист ты и, кажется, выскочка! Рыжие любят сколачивать карьеришку… А с Борькой вот плохо.

– Чего?

– Не твое дело! Веди в санчасть.

Глава 2. Начало испытаний

Шаг в сторону

Самолет заморгал огоньками: «Отцепляйся!».

Донсков дернул кольцо буксирного замка, и планер словно остановился в небе. Ушел к земле утробный звук двигателя. Внизу показались неяркие фонари посадочной полоски.

Первый Разворот.

Теперь по заданию надо выключить консольные огни, а освещение кабины убрать до самого малого. Донсков повернул колесико реостата.

Прямо в лицо светил желтый месяц, выбеливал нос планера, лобовые кромки длинных крыльев. Глаза привыкали к небу. Оно уже было не черным, а с играющими синими тенями. Беспорядочно бегущие облака закрывали на мгновение звезды, и как бы подмигивали далеким загадочным планетам.

А ближе всех тонкая, согнутая долька луны. Только опять закрывает её большое неторопливое облако и медленно наполняет серебристым светом. Кажется, висишь, как парящая птица. Океан…

Пацаном Володя Донсков мечтал прорываться сквозь штормы, в компании отчаянных парней брать на абордаж неприятельские корветы, поднимать свой флаг на реях побежденных судов. Мечту навеяли книги, читанные запоем и без разбора. Но однажды он спросил отца: «А куда все время плывут облака?» Оказалось, что жизнь неба таинственна, люди, покоряющие пятый океан, умны и дерзновенны, они, как и моряки, прокладывают путь по звездам, но они ближе к ним. Люди – птицы…

Второй разворот.

Теперь облака плыли на планер. Донсков вспомнил белое, мягкое, как пух бабьего лета, облако. К нему в детстве запускал он свой первый змей. С тем облаком уплыло и его детство. Ему казалось уплыло навсегда. Но он всё же догнал его в гондоле учебного аэростата. Догнал, но не почувствовав свободы полета. Аэронавт – пленник неба, а не его хозяин. Нестись по воле воздушного потока, подниматься и опускаться по капризу температур, садиться там, где не хочешь, – незавидная доля. Но по молодости пареньку не положены были крылья, и помощником аэронавта он прилипал к тучам, травил газ из шара, уходя от молний к земле, сбрасывал балласт, чтобы не столкнутся с землей.

Третий разворот.

Смутное небо сороковых годов, черные облака, замешенные на выплаканных слезах. Временами мерещилась спираль прицела, узились глаза. Явь была прозаичней: неполных семнадцать! Значит, гонят тебя из военкомата, закрыты двери летных училищ – жди, жди, жди! Он не стал ждать, а приписал в метриках несколько месяцев. Получил планер, а в нем штурвал и крылья, но без мотора.

Четвертый разворот.

Летчики смеются: «Курица не птица, планерист не летчик!» Или, скромно потупившись, загадывают, пряча усмешку: «Не летчик, а летает, не собака, а на привязи. Кто?» А летчик – старший лейтенант Костюхин на подметках сапог рисует изображение планера, попирая достоинство планеристов. И в чем-то они правы. Какой же ты пилот, если не от тебя зависит полет крылатого аппарата? Как ты сможешь разить врага на беспомощном планере? Чем отличается планерист от аэронавта? Только выбором направления. А как его выбрать правильно? Пора выравнивать планер.

Беспорядочные мысли одолевали Донскова, но не мешали точно пилотировать планер. Приближались посадочные костры. Лизнуть бы поле прожектором, но по заданию нельзя. Донсков потянул на себя штурвал и почувствовал касание земли. Торможение замедляло бег планера. Легкий клевок – остановка. Пока подойдет трактор для буксировки, есть время посидеть в кабине, посмотреть с аэродромной горы на город.

Немецкие стратеги планировали захватить Саратов 10 августа 1942 года и просчитались – сейчас сентябрь. С тринадцатого они штурмуют последний оборонительный обвод Сталинграда, рвутся в город. А Саратов громят с воздуха, пытаются разрушить мост через Волгу, перерезать артерии сталинградцам. Только не получается.

Город не спит. Где-то там, на Шелковичной улице, и его дом, мать, ждущая весточки с фронта, крошечная сестренка Майка. Отец почему-то долго не пишет. Где ты, папа?

Послышалось фырчание старого «фордзона»[11]. На этом тракторе, собранном курсантами из железного лома, фордзоновским был только капот, чудом не сгнивший на свалке. Но он давал право планеристам частенько весело припевать:

Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До ангара ты нас прокати…

Выбрасывая искры из выхлопной трубы, трактор пятился к планеру. Задняя фара пучком света уперлась в буксирный замок.

– Э-ге-ге-гей, Володька, вылазь, цепляй трос! – закричал дежурный «Петруша» Кроткий.

Ночным полетом Владимира Донскова начались трехдневные соревнования планеристов. Мысль провести соревнования вместо инспекторского смотра подал Маркин. «Для предстоящей операции нам нужно отобрать всего несколько человек. По-настоящему лучших все-таки выявит соревнование, а не общий смотр, – сказал он. – При смотрах мы видим только бойца, а здесь появятся задор и молодое упрямство!» С комиссаром согласился полковник Стариков, и члены комиссии по проверке боевой подготовки превратились в спортивных судей.

Судьи знали дело и были придирчивы. Уже под утро закончились полеты на точность приземления груженых планеров по кострам, и лейтенант Дулатов узнал, что никто из его группы не вошел в пятерку лидеров. Он прорвался в кабинет Маркина, хотел заявить протест, но его вежливо выставили в коридор, где он попался на глаза комсоргу школы, и тот дал прочитать ему только что принятое решение комитета:

«Комсомольцам, показавшим очень низкие результаты, предложить временно снять с гимнастерок значки Ленинского комсомола. Решение теряет силу, если отмеченные товарищи достигнут хороших результатов на следующем этапе соревнований».

По этому поводу экстренно выпущенная стенная газета «На абордаж!» приспустила траурный флаг с надписью: «Вы опять оскандалились, „корсары“!» Правда, в отдельной заметке, подписанной всеми членами комсомольского бюро, выражалась надежда, что питомцы лейтенанта не подведут организацию на стрельбах из трофейного и старого оружия. И вот песчаная осыпь обрыва Соколовой горы, уставленная фанерными силуэтами немецких солдат. Из-под черных касок, похожих на ночные горшки, смотрят искаженные злобой рожи, а чуть выше полоски, изображающей ремень, белый кружок мишени. В эти кружки нацелены стволы пулеметов.

– Огонь!

Не торопясь, деловито старшина Кроткий жмет гашетки «максима», и на осыпи, за черной каской фанерного солдата, вспыхают и сразу опадают песчаные холмики. Стук пулемета, пламя на его рыльце, мерцающий след пулевой трассы всколыхнули память Кроткого.

---

[11] «фордзон» – Фордзо́н-Пути́ловец – колёсный трактор, выпускавшийся на заводе «Красный Путиловец»

– Получай, сволочь! Глотай, поганый Вьюн! – шепчут его белые губы.

– Три! – кричит судья справа. Это значит – из пяти полновесных очков уже отняты два за длинную очередь. Судья слева молчит: он не увидел нарушений в изготовке к стрельбе. Зато из окопа перед мишенями поднимается щит, на котором сиротливо чернеет единичка. Всего одно поражение цели!

Кроткий встает сначала на колени и, чуть повернув налитую кровью шею, прикрывая рыжими ресницами виноватинку в глазах, исподтишка смотрит на Дулатова, нервно вышагивающего за линией подготовки. Дулатов демонстративно отворачивается и долго рассматривает город, задернутый маревом.

– Дук-дук-дук, – стучит «гочкис» в руках Бориса Романовского. Из середины мишени летит щепа. Простым глазом видны пробоины на темной фанере.

– В пупок! – восторженно кричит стрелок и испуганно зажимает рот ладонью. Но поздно. Несмотря на снайперскую стрельбу, судьи снимают с Романовского пять баллов за плохую дисциплину.

У Владимира Донскова на огневом рубеже заел немецкий МГ-34.

– Устранить неисправность! – приказывает судья.

Всего четыре движения руками. Носовой платок скользит по вынутому затвору. Просматривается гнездо. Причина найдена: затвор упирался в камешек, попавший туда, конечно, «случайно». Судьи довольно улыбаются и за быстрое устранение задержки добавляют четыре очка призовых. Не пропадают у них улыбки и после стрельбы.

Когда отстрелялись из «виккерса»[12] и отечественного ПТР[13] по силуэту танка, лейтенант Дулатов уже не бегал и не кусал ногти. На лице появилось и застыло до конца стрельб независимое выражение: дескать, знай наших!

«Корсары» по сумме очков уже подпирали «чкаловцев» – лидеров соревнования. И тем досаднее был «ноль», полученный Кротким и Донсковым на гонке преследования.

Кроткий большой скорости вел «хорьх», а Донсков должен был из окна автомашины поразить автоматным огнем появляющиеся мишени. Трасса «преследования» извивалась по берегу Волги. «Хорьх» то буксовал в мокром песке, то резал колесами воду мелких заливчиков и поднимал фонтаны брызг. Донсков трясся на заднем сиденье, сжимая в руках взведенный ППШ[14]. Он до боли в глазах всматривался в пролетающие за бортом кусты; кусты прыгали вверх и вниз, сливались в сплошную серую ленту, разрывались, и тогда мелькали желтые куски обрывистого берега.

– Не гони, – попросил Донсков.

– Скорость заданная! – возразил Кроткий, но все-таки немного сбросил газ, и Донсков увидел над кустом бересклета белый щит. Он высунул ствол автомата из окна, сблизил пляшущую мушку с белым пятном, и тут брызги из-под колес хлестнули по лицу. Автомат ойкнул одиночным выстрелом и замолк. Зато уж Донсков отвел душу на сконфуженном Кротком.

К следующим мишеням Кроткий подвел автомашину почти вплотную, рискуя вывернуть колеса на береговых каменистых увалах. Но наблюдающие разгадали уловку экипажа и показали мишени всего на две-три секунды. Автоматные пули срезали только несколько веточек.

– Мазила! – пробасил Кроткий и смачно сплюнул за борт.

Последняя надежда вырваться вперед оставалась в многоборье, которое начал юркий маленький курсант по прозвищу Муха. Он преодолел штурмовую полосу быстрее всех. Чувствуя за спиной дыхание длинноногого верзилы, казалось, готов был выпрыгнуть из обмунди-

---

[12] «виккерс») – британский основной боевой танк 1960-х годов

[13] ПТР – Противотанковое ружье

[14] ППШ – советский пистолет-пулемёт, разработанный в 1940 году конструктором Г. С. Шпагиным

рования. Верзила уже настигал. Но неожиданно свалился с бревна и безнадежно отстал. Муха, истратив силы, не мог перемахнуть яму с водой. Он спрыгнул в нее, ткнувшись руками в донный ил, на коленях выполз, и мокрый, весь в желтой глине, но с улыбкой до ушей, хлопнул по плечу дежурившего у ямы Кроткого.

С винтовкой наперевес Кроткий рванулся к подвешенным чучелам. Два проткнул штыком, а третье долбанул прикладом так, что оно сорвалось с веревки. И опять с губ слетело имя «Вьюн», перемешанное с ругательствами. Кроткий огромными прыжками проскакал стометровку, чуть не свалил Донскова, сидевшего у развернутой полевой радиостанции, выпалил:

– Третья плита. Сюрприз. Толовые шашки. Взопрел, бисова мать!

Донсков мягко положил руку на телеграфный ключ, и слова Кроткого, кроме последних трех, полетели в эфир в виде точек и тире.

За двадцать километров от аэродрома, на берегу реки Курдюм, радиограмму принял сам лейтенант Дулатов – приказал Романовскому:

– Найти плиту номер три. Подорвать толовым зарядом. Внимание – сюрприз!

Борис Романовский взял сумку с толом, на карте нашел ориентир №3, по стрелке ручного компаса определил направление. Он бежал через тальник, потом пересек поляну, заросшую серой колючкой, и у старого пня нашел плиту. Сел на пень отдышаться. Отдувался и приглядывался, что же за сюрприз?

Между двух квадратных железобетонных пластин зажат стальной лист трехмиллиметровой толщины. Комбинированная плита не лежит, а стоит, подпёртая куском водопроводной трубы. Значит, заряд должен быть подвесной. Романовский на глаз определил толщину железобетонных пластин, кроме того, учел и маленькую хитрость готовивших «сюрприз»: между пластинами и стальным листом оставлен зазор. Если рассчитать заряд на плотное прилегание, то после взрыва одна из пластин отпадет, но останется целой.

Через несколько минут бруски тола, прикрученные бечевой, плотно прилипли к центру плиты. Романовский достал из кармана медный детонатор и моток бикфордова шнура.

Из кустов ивняка вышел младший лейтенант – сапер, приглашенный в судьи от десантников.

– Не торопитесь! – Он проверил заряд, заглянул в записную книжку, благосклонно кивнул: – Расчет вы произвели в уме? Молодец! Рвите!

После взрыва «сюрприз» лежал на земле с приличной дыркой.

Эстафета продвинула группу лейтенанта Дулатова на второе место. Финал личного первенства в борьбе без оружия проводился в спортивном зале. Немногочисленные зрители из курсантов, окончивших соревнования, расположились вокруг мат-ковра. На низкой скамеечке у шведской стенки стояли кубки: серебряный и синий, с гербом Советского Союза на эмалированном боку. Этот приз учредил комитет комсомола.

На ковер вышли давние соперники – Кроткий и Донсков. Судил схватку их тренер, старший лейтенант Костюхин. Заложив руки за спину, он ходил около мат-ковра. Вот он поднял руку и щелкнул пальцами.

Борцы сошлись на середине ковра и пожали друг другу руки.

– Начали! – Костюхин поправил на шее шнурок со свистком.

Напряженные руки Донскова и Кроткого сплелись…

В самый разгар борьбы в зал вошли полковник Стариков и Маркин. Они уселись на скамейку под шведской стенкой и тихо продолжали какой-то ранее начатый разговор.

– Очко! – выкрикнул Костюхин, показывая на Кроткого.

Борец за удачно выполненный бросок через бедро получил очко, и возглас судьи вызвал на его широком красном лице торжествующую улыбку. Он не успел прижать к ковру вскочившего Донскова и теперь старался захватить его в замок сильных рук. Кроткий шел на противника, согнув спину, растопырив длинные руки. Спокойные до равнодушия глаза Донскова ему

не нравились. Сколько раз прежде он не успевал предупредить молниеносного действия и оказывался побежденным. Кроткому всегда не хватало доли секунды, и поражение от физически более слабого противника вызывало горькую досаду.

Сегодня Донсков проигрывал. Приход Старикова и Маркина обострил схватку. Хотя объятия Донскова и причиняли Кроткому боль, он упорно шел на захваты, стараясь навязать силовую борьбу. В тренировочных схватках разрешалось все, кроме приемов джиу-джитсу и каратэ, наносящих мгновенно травмы.

Сейчас Кроткий все же поймал мелькнувший зайчик в серых глазах противника и опередил его. Левую руку Донскова, скользнувшую к предплечью, перехватили крючковатые пальцы Кроткого, удачно вывернули, и с криком «га!» он всем корпусом рванул ее вниз. Донсков грудью ударился о ковер, судорожно разбросал в стороны ноги.

В спортзале повисла тишина. Прекратили разговор и подошли к борцам Стариков с Маркиным. Над борющимися склонился судья Костюхин, наблюдая за дальнейшей проводкой болевого приема.

Кроткий крутил руку. На ее вздутых мышцах проступили узлы сухожилий, вспухли темные вены. Как стрелка секундомера, подрагивали напряженно раскинутые ноги.

– Сдавайся, Вовка! – выдохнул Кроткий.

Донсков повернул к нему лицо, и столько боли и злости выразил его взгляд, что Кроткий промычал от досады и сильнее нажал на руку соперника.

Вывернутая рука Донскова, сбалансированная отчаянным противодействием мышц, замерла в одном положении. Казалось, еще немного – и Кроткий выломает кисть из локтевого сустава. Маркин шагнул к ковру, но полковник Стариков предупредил:

– Минутку! Есть судья.

А Костюхин не торопился останавливать схватку, но как борец он не мог не представлять адскую боль Донскова.

Донсков молчал. Время шло. Костюхин не объявлял победителя, ждал, когда побежденный застучит ногой по ковру, признавая свое поражение. Кроткий сцепился глазами с противником, липкие потеки пота ползли у того по бурым щекам. Более тридцати курсантов Кроткий играючи положил или заставил сдаться и боялся встречи только с этим. И вот победа. Явная победа. Это слово должен сказать судья. Кроткий взглянул на Костюхина. Тот моргнул: «Дави!» Кроткий удивленно смотрел на него, ослабляя нажим. Донсков быстро выгнул спину, подобрал под себя колени, спружинил правую ногу. Кроткий напряг мышцы. Но было поздно: Донсков оттолкнулся. Ступни, затянутые в белые тапочки, взвились в воздух. Крутнувшись на голове, он перевернулся, встал на колени, пойманная на прием рука соперника оказалась у него на груди. Ребром правой ладони он сильно ударил по напряженному плечевому бугру Кроткийа, и тот на миг расслабился. Этого было достаточно, чтобы Донсков вскочил, вскинул его руку на свое плечо, и грузное тело Кроткого поднялось в воздух. Классический бросок через плечо, если бы… если бы Донсков не сделал преднамеренный шаг в сторону. Совсем маленький шаг. Почти незаметно он развернулся и сошел с ковра. Брошенный Кроткий упал не на мягкий мат, а ударился о деревянный пол, крякнул. Костюхин бестолково метался около лежащего курсанта.

Маркин послал кого-то за врачом, отчужденно посмотрел на понурившегося Донскова, на его руку, висевшую плетью, и пошел к выходу. За ним полковник Стариков, укоризненно покачивая головой.

– Нарочно ударил об пол? – не то спросил, не то пояснил он Маркину.

– С Костюхиным придется серьезно поговорить… Старший лейтенант, прошу ко мне!

Костюхин подошел.

– Вам не кажется, что схватку надо было прекратить раньше?

– Я выполнял задачу, поставленную вами, товарищ комиссар. В поединке рождался чемпион. О каком же конце схватки могла идти речь, если не было убедительной победы? А шишки заживут.

– Ну-ну… – Маркин внимательно вгляделся в довольное лицо старшего лейтенанта обратился Маркин к Старикову.

– Пока свободны, старший лейтенант! – добавил Стариков.

Они пошли на стрельбище, откуда слышались короткие, в два-три патрона автоматные очереди. Курсанты экономили патроны и вырабатывали «десантный почерк», по которому должны были узнать друг друга в ночном бою.

К вечеру стало известно, что при прыжках с парашютом на точность приземления первое место занял Борис Романовский. Он затянул открытие купола на шестнадцать секунд и опустился точно в центр контрольного круга.

– Ты понимаешь! – теребил он лежавшего на кровати Донскова. – Понимаешь, как все получилось? Летчик сказал: «Приготовиться!» Я вылез на крыло. А он рано дал команду. Очень рано, понимаешь? Летим и летим. Сколько, думаю, я буду торчать дураком над пропастью? Да и холодно. И махнул вниз. Услышал, как летчик крикнул: «Рано сиганул, раскоряка. За аэродром унесет!» Кольцо дернуть охота, поскорее раскрыть зонтик, да мешает мыслишка – если наполнится парус ветром, улечу за границу аэродрома, ребята засмеют и группу подведу. Пока думал, смотрю, а земля уже по лбу хлопнуть хочет. Дернул кольцо! Шарик тут как тут, под ногами! И врезался я в круг пятками, аж пыль столбом!

– С закрытыми глазами, – глухо сказал Донсков.

– Малость с закрытыми, – вздохнув, подтвердил Романовский. – А приз вот… жетон. Первое место.

Донсков лежал, уткнувшись лицом в подушку.

Право на риск

Циклон повесил над Саратовом черные, тяжелые тучи. Они набухали и с треском рвались над городом. Вода безостановочно лилась с неба, косо и жестко била в стены домов, бурлила в оврагах и дорожных выбоинах. В середине дня в кабинете батальонного комиссара Маркина царил полумрак. Полковник Стариков поднялся из кресла, включил освещение. Лица командиров, сидевших в комнате, посветлели и будто повеселели. Полковник улыбнулся:

– Ну, в конце концов, мы придем к решению? Ведь для выполнения задания нужно всего шесть человек! Сидим час. Может, все-таки назовете людей, капитан Бурков?

– Я уже говорил. Курсанты полностью не закончили программу и к выполнению боевых полетов не совсем готовы. Посылать – крайний риск.

– Уж очень мрачно.

– Вы спрашиваете, товарищ полковник, я отвечаю. Если будет приказ…

Стариков знал – приказ был: послать через линию фронта аэропоезд с боеприпасами и продовольствием для обеспечения предстоящего рейда по немецким тылам партизанского соединения генерала Ковпака. Для выделения лучших экипажей на совещание пригласили всех командиров планерной школы, и здесь он – полковник Стариков встретил неожиданное противодействие командира отряда Буркова. Тот предлагал послать не курсантов, а командиров. Но в приказе командования подчеркивалось: чтобы не срывать дальнейший ход боевой подготовки в авиашколе, к полету допустить только одного командира. Стариков не хотел грубо нажимать, надеясь на поддержку комиссара Маркина, временно замещавшего начальника школы, но комиссар пока молчал.

– Считайте, что приказ у вас в руках, капитан Бурков. Выделяйте людей! – с легким раздражением приказал Стариков и опустился в кресло, всем видом показывая, что совещатель-

ная часть окончена. Он с минуту мрачновато разглядывал командиров, пока не увидал поднявшегося со стула лейтенанта Дулатова. Поощрительно улыбнулся ему.

– Если уж решено, берите мою группу! – сказал лейтенант. – Товарищ комиссар както говорил о воспитании в курсанте желания к риску, так многим моим ребятам приказывать не надо, они пойдут на любое задание с удовольствием, не жалея жизни.

– Умереть, Дулатов, иногда легче, чем выполнить приказ – негромко произнес Маркин. – А нам нужно выполнить. Желание риска – далеко не все. У ваших курсантов нет главного: права на риск! Да, да, права! Когда командир вызывает бойцов на опасное задание, бывает, весь строй делает шаг вперед, но командир отбирает только имеющих право на риск. Не каждого отчаянного, храброго можно послать на серьезное задание, а только того, кто может успешно выполнить приказ. В отношении ваших курсантов, Дулатов, лично у меня такой уверенности пока нет… Но мы найдем людей. Завтра, товарищ полковник, шесть пилотов будут готовы. Фамилии капитан Бурков сообщит вам вечером. Так, Антон Антонович?

– Хорошо. Только ведущим группы…

– Конечно, пойдете вы, – прервал его Маркин. – А лейтенант Дулатов повезет курсантов в колхоз «Красная новь». Поможете селянам, у них рук не хватает. А через час на вокзал придет эшелон с ранеными из Сталинграда – тоже поможете санитарам…

Вечером Маркин вызвал в кабинет курсанта Донскова.

– Здравствуй, Владимир, садись. Секретарь парторганизации части, где служил твой отец, прислал письмо. Для тебя… Конверт один, извини, я прочитал. На.

«Парень крепкий, – думал Маркин, пока Донсков читал. – Держись, сынок, держись! Труднее будет матери. Её нужно подготовить. Кто это сделает? Я? Может быть, сам Владимир? Нет, я не могу, не имею нрава уйти от этого. Сколько мы с ней знакомы? Те годы нужно брать один за три!

С родителями Владимира комиссар был не просто знаком. Он немало прошел с ними по жизни. В девятнадцатом году к нему, молодому секретарю укома РКСМ, пришла девчонка. Он сравнил ее тогда с бледнокожей осинкой.. И этой худенькой зеленоглазой комсомолочке в четырнадцати деревнях Саратовской губернии пришлось организовать начальные школы. В одной из них она сама стала учительницей. Первый год больше плакала, чем учила. Маркину приходилось не раз ее утешать, вытирать нос, уверять, что шестнадцать лет – самый зрелый возраст для учителя. И, наверное, для нее это было правдой. Через год она организовала в селе Ковыловка комсомольскую ячейку, драмкружок. Под лозунгом «Долой религию!» комсомольцы играли даже классические пьесы. После одного из спектаклей ее прямо из-за кулис украли кулаки, завернули в тулуп, бросили в сани, вывезли за село и зверски избили палками.

Лежа в больнице, она еще не знала, что в стране начали создаваться пионерские организации. Выздоровела, и Маркин, давая возможность девушке больше набраться сил, послал ее инструктором бюро юных пионеров при Аткарском волкоме комсомола. Председателем уездного бюро был молодой кандидат партии Максим Донсков, поджарый, носатый, горячий и упрямый парень. Прошло совсем немного времени, и он сказал девушке: «Ты знаешь, Стася, я жениться собираюсь. Хочешь знать на ком? На тебе. Даю срок до утра. Подумай!»

Не люб он был тогда, и сбежала Анастасия от греха подальше, в Саратов. Только нашел ее Максим и здесь. Шалый и твердый был в своих решениях. Горькой жизни хлебнул вдоволь. Семилетним парнишкой батрачил у кулака погонщиком лошадей. Растирал ягодицы в кровь, заживать не успевало. А в четырнадцать лет пристал к отряду Красной Армии, добивающему антоновцев. Пока не дали клинок и коня, ходил в разведку с уздечкой, в рваном зипуне, в лаптях. Потом признавался: «Тяжко было. Сяду, бывало, на курганчике, подальше от темного леса, жую ржаной ломоть и плачу. Страшно идти в лес, а иду».

Так вот, разыскал все-таки Максим Анастасию в Саратове и уговорил Маркина перевести его из Аткарска. Работал здорово и находил время ухаживать за «осинкой». Не раз при-

крывал ее широченной грудью. В селе Романовка кулаки подпалили дом, в котором они остановились, – вышли из огня. В половодье пересекали на конях речку, свистнули пули, упал каурый под Анастасией – жеребец Максима вынес обоих. По заданию партии ликвидировали городскую буржуазию, и в одном из домов Глебучева оврага жена торгаша взмахнула у горла Анастасии бритвой – разъяренную ведьму вовремя схватил за руку Максим.

И стала Стася Анастасией Николаевной Донсковой. Вскоре родился сын Владимир.

Маркин смотрел на дочитывающего письмо юношу и думал: «Очень похож на отца. Горяч и своенравен. Сейчас, сейчас он задаст вопрос, попросит. Как в этих случаях отказывают, что говорят?»

– Товарищ комиссар, разрешите мне прочитать часть письма вслух?

– Я знаком с содержанием, Володя.

– Слушайте, товарищ комиссар, слушайте: «Ничего не подозревая, разошлись по заданиям. В это время начался бой. Все вокруг горело. Я с небольшой группой бойцов и командиров вышел из боя и нашел часть на второй день. Ожидал Максима, но его нет и нет. Переспросил многих людей. Один, старший сержант Теленков, говорит, что они вместе выходили из боя, но потом потерялись. Съездить на второй день нельзя было никак. Наш начальник Киселев, тяжело раненный, лежал в окопе, слышал, как немцы расстреливали наших. Скоро будет освобождена территория…» – Слушайте, товарищ комиссар!.. – «Там деревни есть – Федоровка и Михайловка, вот между ними и в самой Федоровке было. В пяти километрах есть Куроедовка и Степановка, в двадцати семи километрах от Федоровки есть Перелесная». – Слушайте, товарищ комиссар… – «Не исключена возможность, что Максим спасся и в партизанском отряде…» – Вы понимаете меня? Вы понимаете, товарищ комиссар?

– Да, Володя, планерная группа летит в те районы, но ты останешься пока. Пока! Дойдет черед. Просить не надо. Приказы не обсуждаются. Поверь, твой отец сказал бы так же. Давай не будем больше рассуждать. Иди. Передавай привет маме. Если нужна какая помощь…

– Единственную просьбу вы и то не дали высказать… А всегда говорили, что, прежде всего надо быть человеком.

– Иди, сынок… Скажи Буркову, что я разрешил отпустить тебя домой. К подъему вернешься. Иди.

* * *

Лицо матери старело на глазах, и пальцы, державшие листочек, мелко-мелко дрожали. Она тяжело вздохнула, подняла голову. На виске вздулся темный бугорок и бился, как маленькое сердце. Медленно, аккуратно сложила письмо, вложила в конверт.

– Ты веришь?

Тихий твердый голос. Широкие сухие до блеска зрачки. Упавшая на лоб влажная прядь. И морщинки, глубокие морщинки у губ, невесть когда заползшие на еще молодое лицо.

– Нет! – сказал Владимир и отвел глаза. – Папа в партизанском отряде. Примерно в те места летят наши ребята. Меня не взяли.

– Я знаю.

Владимир наблюдал за матерью. Она поднялась, подошла к комоду и в один из ящиков положила письмо. Облокотившись о выдвинутый ящик, застыла, глядя в стену.

– Мне звонил Маркин по поводу твоей просьбы, Вова. Я одобряю их решение.

– Понимаю. Боишься потерять сына! Пусть он лучше копает картошку!

– Нет! – Она повернулась к нему. – Ты не так понимаешь. – И словно порыв обессилел ее, тяжело шагнула и снова села за стол. – Ты хоть раз пробовал посмотреть на себя со стороны? Хотя бы после случая с твоим товарищем Кротким?

– И об этом рассказали.

– И еще о многом. Горячность, себялюбие я замечала в тебе и раньше, а вот подлость… извини, сынок, но твой поступок с Кротким мягче назвать нельзя…

– Он тоже вынимал из меня душу.

– …Подлости от тебя я не ждала.

– Я извинился.

– Если посмотреть на твои художества, то, выходит, командиры правы. Сколько наших друзей застрелены из бандитских обрезов. И на место погибшего мог стать далеко не каждый. Право на риск… громко, но верно сказано, надо заслужить. У отца тоже была горячая голова, но он умел управлять ею. Не позорь нас, сынок.

– Хорошо, мама! – Владимир в необычном возбуждении расхаживал вокруг стола. – Ты говоришь – отец! Но отец… да, мы знаем и других людей, которые героически погибли в первом полете, в первой атаке, совершили подвиг. Их имена стали историческими, а читаешь биографии, и ничего особенного они при жизни не сделали и были далеко не паиньками!

– Такие народу не знакомы! Они раскрыли свои качества в последний момент.

– Чкалов был воздушным хулиганом!

– Пока не научился подчинять волю делу.

– Ты изрекаешь истины, мама, как комиссар Маркин. Не называется ли это проповедью?

– Я устала. Давай отложим разговор. До какого часа у тебя увольнение?

– Утром должен явиться.

– Тебе не трудно будет сходить за Маюшей в детсад? Возьмем ее чуть пораньше. А я подготовлю что-нибудь. Блинчики будешь?

* * *

Над Саратовом продолжали виснуть черные тучи. Земля, разжиженная осенним дождем, липла к ногам. Владимир шел через лужи и мутные ручьи, неся на руках завернутую в шинель сестренку. Открыв дверь, они почувствовали запах гари. В кухне стоял чад. На сковородке обугливалось тесто. Мать сидела за столом, смотрела и словно не видела вошедших. Рядом, под стулом, колыхался от сквозняка чуть помятый листочек. Это было официальное сообщение о судьбе старшего политрука Максима Борисовича Донскова. Над городом катился гул. Несмотря на непогоду, шесть аэропоездов в строю «клин» уходили на аэродромы «подскока» [15], чтобы оттуда отправиться на боевое задание.

Медали

Гул взлетающих аэропоездов не разбудил Ефима Мессиожника, валявшегося в конторке склада запчастей на старом пропыленном диване. Он был пьян первый раз за девятнадцать прожитых лет.

Все началось не с момента, когда на базаре он все-таки взял у старушки царскую медаль за два куска хлеба. И не со встречи у киоска, куда он все-таки пришел на свидание с золотозубым блатным парнем. Пожалуй, все началось с отъезда родителей из Саратова. А может быть, и раньше…

Отец – известный всему городу часовой мастер. Его синенькая будка стояла на Товарке, у переходного моста. Мать заведовала хозяйством интерната для слепых детей. Деньгами не хвастались, но Ефим знал, что считали их каждую субботу, и видел – пачки солидные. Сначала не мог понять, почему папа с мамой не построят хороший дом, а до сих пор живут в тесном подвале с маленькими окошками, в которые видно только ноги прохожих. Что папа скуп,

[15] Аэродром «подскока» – промежуточный аэродром, расположенный около линии фронта.

дошло до сознания позже, но не задело – скупость отца не распространялась на единственного сына, в школе не было парня моднее Ефима. Все было у Мессиожника-младшего, кроме дружбы, любви и уважения сверстников. Почему его не замечают девочки и сторонятся ребята, он понять не мог. Это его огорчало до слез, до истерик. Иногда он на несколько часов цепенел, лежал или сидел, уставясь в стену немигающим взглядом. Ласками выводила его из такого состояния мать. Она объясняла: «Это потому, что за ребятами ты не успеваешь. Видишь, тебе по физкультуре даже оценку не ставят. А девчонки еще глупенькие, подрастут и поймут, что самое дорогое в мужчине – умная голова и положение. Учись хорошо, учись, Фима. Не обращай внимания… Потерпи». Отец выражался грубее:

– Скажу за себя, пусть я провалюсь на этом месте, если обидчики твои не будут чесать тебе пятки, когда станешь умен. Лиса считают хитрым, а он умный!

Война посеяла в семье тихую панику. А однажды, когда отец принес с ночной улицы листовку, сброшенную с немецкого бомбардировщика, в которой указывалась точная дата оккупации Саратова, поспешно начали готовиться в дорогу. Быстренько набили и увязали несколько чемоданов, вернули одолженные знакомым деньги, купили билеты. Всю ночь перед выездом Ефим просыпался, разбуженный голосами родителей.

А утром узнал – он пока не едет. Отец повел его в кладовку, показал, как отпирается сложный самодельный замок, распахнул дверь. Снизу доверху, в несколько рядов, вдоль стен стояли банки мясных консервов, а посредине оцинкованные бидоны с постным и сливочным маслом.

– Это золото, – сказал отец, отводя глаза в сторону. – Грех оставлять столько добра на разнос.

Ефим стоял не шевелясь. Ему стало жалко себя. Мир, который восемнадцать лет воспитывал его, считал таких людей подонками.

Ефим бросился вон из комнаты. Отец сухими пальцами зацепил его плечо, сжал больно, сказал жалостливо:

– Не суди. Не насилую… Хоть выкинь, хоть раздай нищим. Только помни: ключи от квартиры и каморки будут на прежних местах, – и отпустил.

Почти неделю Ефим провел в семье школьного товарища. Потом пошел в военный комиссариат и настоятельно, ожесточенно потребовал взять его в армию. Хоть в обоз.

– Специальности не имеете. Может быть, полезное увлечение? Радиодело, например? Как с языком?

– По-немецкому «отлично». Читаю и почти свободно говорю.

– Ждите повестку.

Чтобы не проморгать посыльного с вызовом из военкомата, пришлось вернуться в свою квартиру.

В жаркое лето полуподвал сохранял прохладу. Мягкая кровать с положенными на нее стопками чистого накрахмаленного белья, большой стеллаж с редкими книгами, тикающие старинные часы располагали к покою. Ефим знал, где спрятан ключ от кладовой, а разыскал в кухне мешок с сухарями и, налив из водопроводного крана воды в кружку, сел за стол, положив перед собой книгу.

Через два дня сухари надоели, и он отсыпал немного муки из отцовских запасов. Чуть-чуть масла, взял одну баночку консервов…

Много читал, лежа. Все больше про героическое. Откладывал книгу, думал и утверждался во мнении, что на фронте он будет не трусливее других, может быть, и посмелее. Наверняка, посмелее.

Повестку принесла белобрысая пионерка. Как на крыльях летел Ефим к военкому и его предложение пойти учиться в разведшколу встретил восторженно.

– Ваше «да» будет иметь силу через полмесяца. Есть время подумать. А пока советую вступить в добровольную санроту при госпитале. Поможете разгружать эшелоны с ранеными. Гоп?

– Гоп! – машинально повторил Ефим.

Дома его ждало письмо от отца. Замусоленный треугольничек принес тревожную весть: заболела мама, заболела серьезно. Чтобы поднять ее на ноги, нужно достать редкое лекарство. Отец как можно скорее рекомендовал обратиться к одному из знакомых, не жалеть ничего, «иначе мы можем лишиться матери!»

Раздумывать было некогда.

Ефим побежал по указанному адресу, нашел папиного знакомого, тот пообещал лекарство с мудреным названием, только не за деньги. Ефим согласился – он уже не раз пользовался продуктами из кладовой и знал наперечет, что там есть.

Вечером вместе с ребятами и девчатами из санитарной роты впервые выносил раненых из вагонов, прибывших из-под Сталинграда. Впервые услышал, как люди дико кричат от боли, скрежещут зубами или жалко бормочут в бреду. Увидел красные забинтованные культяпки вместо рук и ног. Слезы, промывающие светлые дорожки на грязных небритых щеках. Вошь на белом лбу безрукого лейтенанта, только что вынесенного из теплушки. Сопровождающая раненого медсестра попросила нести его осторожнее – это знаменитый разведчик.

Придя домой, Ефим не мог засунуть в рот кусок хлеба – его тошнило.

При следующей выгрузке один раненый на глазах у Ефима в буйном беспамятстве сорвал с головы бинт и обнажил пульсирующую кровавую впадину у виска. У Ефима закружилась голова, он выпустил из рук носилки и грохнулся в обморок.

Ни в госпиталь, ни в военкомат он больше не пошел. Знакомый, который доставал для матери лекарство, устроил его на склад военной школы. Этому способствовал комсомольский билет Ефима Мессиожника, пока чистый, незапятнанный, хотя уже без отметок о взносах за последние три месяца.

…Сегодня Мессиожник впервые за свою жизнь напился. Он с отвращением осилил судорожными глоточками полстакана самогона, обмывая с приблатненным базарным парнем новую сделку…

Глава 3. Наш капитан

Подготовка

Взлет группы гвардии капитана Буркова задержался на четыре часа. Время было так круто замешено работой, что пролетело незаметно для тех, кто лично не отвечал за срок вылета. А полковник Стариков нервничал, с трудом держал себя в руках. Два часа опоздания он мысленно повесил на совесть капитана, остальные сто двадцать минут украли пять скоростных бомбардировщиков СБ и самолет-разведчик Р-5, собранные из разных воинских частей и из-за плохой погоды прилетевшие не вовремя. Их бы сразу «запрячь», прицепить к хвостам планеры…

Но капитан Бурков посмотрел на прикомандированные самолеты и покачал головой: животы грязные, бока фюзеляжей забрызганы маслом, масло и на фонарях пилотских кабин!

– Отдраить до блеска!

После мойки сам опробовал все моторы СБ, три из них заставил механиков регулировать. А вокруг Р-пятого долго ходил, присматривался, ковырял заплаточки на перкалевой[16] обтяжке.

– Я его облетаю.

– Нужно ли, капитан? – нетерпеливо спросил Стариков.

– Не нравится он мне, товарищ полковник.

– Выбирать не из чего, больше машин не дадут. Время, время нас режет! Но я понимаю… Только поскорее, пожалуйста!

Стариков поднял воротник шинели, закрывая приболевшее горло от косого ветра, несшего холодный бисер дождя, отошел под крыло СБ и взглядом угрюмо провожал Буркова, бежавшего к самолету. Там, где ботинки капитана попадали в лужу, на миг вырастал жидкий грязный фонтан.

Уже вскарабкавшись на крыло, Бурков что-то закричал механику, указав пальцем на ровную шеренгу трубчатых барабанов с намотанными на них буксировочными тросами. Механик засвистел, замахал руками, подзывая к себе людей.

Полковник Стариков видел из-под крыла, что все на аэродроме не ходят – бегают, без лишней суеты, но и стрелка его ручного хронометра, казалось, скакала как сумасшедшая – ведь назначенный штабом срок вылета давно прошел! Его познабливало, горло саднило, будто оцарапанное где-то внутри. Он уже решил было пойти в столовую, прополоскать его горячим чаем, а заодно и решительно доложить Москве о задержке полета еще на час-полтора, но увидел спешащего к нему инженера и остался на месте, поеживаясь под шинелью.

В это время маленький сухонький Бурков провалился в кабину Р-5, была видна только макушка коричневого шлема. Потом голова вынырнула – видно, приподнял сиденье, – и сразу мотор ожил, воздушной струей, полной мельчайшей грязи, окатил механиков, возившихся с тросами.

– Товарищ полковник, командир отряда приказал размотать тросы для осмотра! – доложил запыхавшийся инженер.

– Ну и выполняйте.

– Шесть тросов по сто метров каждый! Хочет осмотреть лично. После того, как он сядет, даже на беглый контроль уйдет около часа. Тросы новые, их проверил завскладом Мессиожник. Потом их ну ясно будет и скатать…

– Отставить размотку!

---

[16] перкаль – хлопчатобумажная ткань повышенной прочности из некручёных нитей

– Есть! Пре-кра-тить! – закричал инженер и, вытирая под пилоткой мокрый лоб куском ветоши, стал следить за взлетающим командиром.

Самолет лез в небо на повышенных оборотах мотора. И на горизонтали продолжал реветь. Когда, заканчивая круг, он пролетел над крышей ангара, ангар взорвался басовыми звуками, как пустая бочка от ударов кувалдой. Полковник Стариков не был авиатором, но и он почувствовал, что летчик чересчур форсирует мотор. Спросил об этом инженера.

– Имитирует режим набора с тяжело груженым планером, – ответил тот.

Но вот самолет качнулся на левое крыло, двигатель перешел на шепот, и Р-5 со снижением заскользил к месту, где рядком стояли барабаны и около них покуривали уставшие мокрые механики. Почти задевая землю колесами, самолет взревел около них, из кабины высунулся Бурков и погрозил кулаком.

Сразу же барабаны, подталкиваемые жилистыми руками, покатились по земле, оставляя за собой, между двух вдавленных в грунт полосок, серые толстые нитки тросов.

– Повторите им команду: прекратить! – сказал полковник.

– Теперь они капитана не ослушаются, а вы для них посторонний командир, – скучно ответил инженер.

– А вы?

– Я тоже вам непосредственно не подчинен. – Инженер с сожалением посмотрел на крыло, прикрывающее от дождя, и пошел к механикам.

Как-то неожиданно для задумавшегося Старикова рядом появился комиссар Маркин. Стариков машинально протянул ему руку, хотя сегодня они уже несколько раз виделись.

– Федор Михайлович, я от радистов. Штаб просит уточнить время вылета. Что сообщим?

– А как метеорологи?

– Мнутся, но дают проходную погоду по всему маршруту… Так чем мотивируем опоздание?

Стариков резко ткнул пальцем в небо:

– Спросите у своего тянучки-капитана!

– Федор Михайлович… первый боевой, опыта в организации никакого, вот и не учли кое-что.

– Тянет капитан резину. Не пойму зачем? Ведь от полета не отвертится все равно. А с каждой минутой тучи над нашими головами сгущаются – может грянуть гром!

– Не верю, что и к своей голове Бурков равнодушен. Зря делать он ничего не будет.

Маркин постоял немного и пошел навстречу уже севшему и бегущему по лужам к стоянке самолету.

Перекинув ноги в голубых обмотках через борт кабины, Бурков легко соскочил с крыла на землю.

– Этот самолет бракую! – крикнул он Маркину и, стащив с головы мокрый шлем, вдруг шмякнул его вместе с очками о землю: – Дают дерьмо! Ведь приказано лучшие самолеты отрядить! А этот? Пустой идет на предельной температуре воды! Как же он потянет набитый по горло планер? Через полсотни верст мотор перегреется, и летчик бросит планериста! Пусть забирают свое барахло и возят на нем арбузы с бахчи!

– Спокойно, капитан.

– Вот именно! – с трудом разжимая пересохшие губы, сказал подошедший Стариков. – Без эмоций и грубостей. Напоминаю еще раз: запасных машин нет!

– Тогда только пять самолетов пойдут в рейс.

Сизое лицо Старикова словно окаменело. Он смотрел на ставшего для него прозрачным Буркова. И голос капитана доносился будто из-за плотной ширмы:

– Я этот самолет из группы исключаю, товарищ полковник.

Нереальный голос. Не могли быть эти слова сказаны ему, представителю Центрального штаба, капитаном.

– Вы? Вы исключаете! Не-ет! Об этом подумает другой, а вас я накажу! Кто позволил срывать задание!

Бурков как-то неловко затоптался на месте, поднял шлем с земли, начал его обтирать рукавом куртки.

– Другой, о котором вы сказали, товарищ полковник, тоже не минует наказания. Зная о неисправности самолета, он поднимет аэросцепку в воздух и потеряет ее далеко от цели. Это будет уже преднамеренное и преступное действие…

– Зачем приказали размотать тросы с барабанов?

– Проходя мимо, увидел на одном несколько лопнувших ниток.

– Их больше сотни в пучке!

– По инструкции не положено, товарищ полковник.

Стариков неприязненно смотрел в усталые глаза капитана. Пристально смотрел, желая понять, кто же перед ним стоит. Капитан выдержал взгляд. Тогда Стариков резко повернулся и пошел со стоянки, медленно переставляя ноги в забрызганных грязью высоких сапогах.

Комиссар Маркин что-то хотел сказать Буркову, но только махнул рукой и двинулся за полковником. Бурков остановил его:

– Вадим Ильич!

– Ну?

– Прикажите обмундировать ребят в новое… ведь в первый бой, как на праздник! – И уже вслед Маркину: – Сапоги, сапоги не забудьте, в обмоточках туда лететь нельзя!

Догнал и, пристроившись к Старикову, Маркин зашагал с ним в ногу.

– Боюсь даже говорить с Москвой, комиссар.

– Давайте я, от своего имени?

– Ну, это брось, Вадим Ильич!.. Сколько твой Бурков в капитанском звании ходит?

– Кажется, в сороковом получил.

– Ты вот что… выделяй-ка вместо полудохлого Р-пятого свою машину. Формальности утрясу потом… Как только приедет начальник школы из командировки, пишите на Буркова аттестацию. По возвращении «майором» порадуете.

С фронтового аэродрома

Небо капитан Бурков обжил давно. Он изучил его повадки еще до войны, работая инструктором в летном училище.

В июне сорок первого штурмовал на истребителе И-16, «ишачке», колонны войск вермахта.. Прикрывал тяжелые тихоходные бомбардировщики ТБ-3[17], по которым немцы стреляли не спеша, будто в учебные мишени, и жгли, жгли. Бурков сражался как мог, защищая товарищей. Вот тогда и всадил немецкий ас очередь в его истребитель. В предсмертной икоте захлебнулся мотор «ишака». Две пули пробили левую руку пилота, царапнули кость.

Бурков выпрыгнул, свернулся в комок, падал почти до земли, провожаемый посвистом пуль. Раскрыл парашют и сразу спружинил на сильных кривоватых ногах. Купол белой горкой опал за спиной. Немецкий пилот не отстал, на трех заходах вгонял маленькую фигурку человека в паутину прицела и, не скупясь, опустошал зарядные ящики. Он ковырял землю вокруг Буркова, осыпал тлеющими дырками в двух местах купол, а капитан стоял, расставив широко ноги. Потрясая кулаком здоровой руки, он зло ругался: «Мазила! Вот тебе, рыжий!..»

[17] ТБ-3

Левую руку подлечили, только теперь она плохо справлялась с сектором газа боевой машины, и пришлось перейти на планеры, где мотора нет.

Бурков, выжив сам, теперь еще поднял в небо и новую поросль пилотов. Вот они, плывут справа и слева от него, и носы планеров окрашены багрянцем заката.

Есть здесь и девушки.

В каждом планере гамак. Он закреплен под потолком грузовой кабины. Обыкновенный гамак, какой растягивают отдыхающие между деревьев и наслаждаются, покачиваясь в нем. Качается он и в планере, как мягкая подвеска для запалов, коробочек с детонаторами, серых кубиков двойного меленита – вещества огромной взрывчатой силы, – запрятанных в фанерный ящик. Все это злое добро переложено грязной ватой из старых солдатских тюфяков и укутано в брезентовый чехол. А в чехле вырезано маленькое отверстие, из него торчит кусок покрашенной в черное парашютной стропы с толстым рыболовным крючком на конце. Может быть, приготовились планеристы рыбалить сомов?

Пилоты думали о капризной взрывчатке в гамаках, когда взлетали, когда планер подпрыгивал на неровном поле лугового аэродрома и гамак раскачивался и пружинил в такт рывкам и толчкам. Не у одного, наверное, «екнула селезенка».

Теперь, простившись с землей, думали, как с ней встретятся.

Капитан Бурков озабоченно свёл белесые брови на переносице, – не все, ох, далеко не все продумано в операции. Из-за нехватки времени и опыта упущены мельчайшие детали, они тревожат всплывая в уме. Ему не нравится плотный журавлиный строй аэропоездов. Пара ночных истребителей легко может прочесать пулеметно-пушечным огнем громоздкий треугольник. Наделает непоправимых бед и зенитный взрыв в середине группы. Не нравятся включенные летчиками огни на консолях крыльев, хотя они тусклые, приглушенные тонким слоем краски на стеклах, но с земли их не спутаешь со звездами – они плывут по небу, как мишень для зенитчиков. Скученность концентрирует и звуковой накат самолетных моторов…

Ворчит капитан, дудит что-то себе под нос.

Аэропоезда в сгустившейся тьме прошли линию фронта. Уж более двухсот километров неба искромсали самолетные винты. Внизу ни огонька, ни светового всплеска. Цель торопилась навстречу. Приближаясь, она туже и туже натягивала нервы. крупномасштабные листы района посадки. Он включил подсветку, сличал еле

Карта с проложенным маршрутом была только у Буркова, у остальных видимые серые ориентиры на земле. Бурков включил подсветку, сличал еле видимые серые ороентиры на земле с картой, но определиться не мог с картой и с досадой захлопнул планшет. Слава богу, что по времени пролетели и обошли стороной самые опасные места: вражеские аэродромы, города и села с мощными зенитными поясами. Под крылья текла черная масса леса, а вверху – россыпь ярких звезд.

Казалось, все страшное позади. Теперь только увидеть костровые знаки на земле в виде правильного круга, отцепиться и заскользить к ним в свободном полете. Планеры разойдутся веером, медленно теряя высоту, пролетят в безмолвии оставшиеся до партизанской площадки километры, построят над ней «коробочку» и бесшумно скатятся по невидимой наклонной к земле.

И все-таки Бурков не верил в миролюбие этой ночи. Ведь почти половину пути они пролетели при полной луне. Смотреть с земли на желтое небо то же, что заглядывать с улицы в окно освещенной квартиры. Кто знает, сколько настороженных и злых глаз проводило клин аэропоездов? Сколько торопливых рук потянулось к телефонам и ключам радиостанций? Кто знает…

Бурков одернул себя: «Ты битый, вот тебе и мерещится всякая чертовщина!» Посмотрел на часы с фосфоресцирующим циферблатом – подарок командующего ВВС за снайперскую стрельбу. Режим полета по времени выдерживался точно. Еще пять минут, и впереди должны

вспыхнуть костры, разложенные кругом. Тогда он ответит ракетой, зеленой, она разлетится на мелкие звездочки, и все ребята откроют замки планеров…

Двойники

Костры вспыхнули раньше оговоренного срока. Бурков выхватил из бортовой сумки ракетницу и выстрелил в открытую форточку. Не торопясь, вложил ракетный пистолет обратно. Отцепился от самолета. Скользя во тьме, слушал умирающие внизу звуки моторов.

Теперь капитан не волновался. Он еще раз показал кукиш судьбе. Ночь оказалась милосердной для его ребят. Они немного разбрелись, немного отстали от него, парят неслышно, как летучие мыши.

И точно по оговоренному времени почти рядом с первым вспыхнул на земле второй огненный круг. «Да, стрелки часов сошлись! – как-то сразу, не успев встревожиться, отметил этот миг Бурков. – Но почему же два? Не может быть!»

И все-таки две обозначенных кострами площадки мерцали в темном лесу. Один круг светился неярко. «Но ведь он загорелся первым!» Второй бушевал огнем, словно на костры не жалели бензина. «Но ведь он загорелся вовремя!» И находились они друг от друга недалеко. «Так кажется с трехкилометровой высоты – между ними не больше десяти тысяч метров!»

Не хотелось верить, что расставлена ловушка. Но два круга, будто автомобильные фары, светили с земли. Бурков долго не думал. Площадки-близнецы он решил принять равнозначно, сесть на любую, хотя бы на ту, которая вспыхнула вовремя и светит ярче. Только бы ребята не кинулись за ним сломя голову…

Так думал он, разгоняя планер в пологом пикировании, уходя на большой скорости от группы. Высота таяла. Оглянулся – нет, ведомые не бросились в погоню.

Планер трясся от напряжения, крылья вибрировали, готовые сложиться от бешеной скорости и перегрузки. Земля приближалась, освещенная огнями костров.

Вот уже видны деревья, прочеканенные на меди отсветов. Вот уже большая поляна расстелилась перед ним. Костры бликуют на стеклах, мешают смотреть.

Бурков повесил над поляной ракету – «светлячок». Шипит воздух у приоткрытой форточки. Щелкнули выпущенные тормозные щитки. Скрипнула ручка управления, взятая на себя. Все звуки казались громкими, неприятными…

Он сел с прямой, без труда рассчитав траекторию полета. Коснувшись земли, намертво зажал тормоза колес и остановился посреди поляны, хотя по правилам должен был отрулить на пробеге ближе к лесу, освободить площадку для других. Быстро сбросив лямки парашюта с плеч и посмотрев на часы, через грузовую кабину вышел из планера. Подумал: «Улетал из слякоти, а здесь сухо, тепло!» Осторожно сделал пять шагов, остановился, выставив вперед наган, а вверх ракетный пистолет с вложенной в него красной, тревожной ракетой.

К нему бежали люди, радостно размахивая руками. Впереди, освещенная багровым светом костра, женщина в длинной юбке и с головным пестрым платком в руке.

– Стой! Стрелять буду! – вложив железо в голос, приказал Бурков. – Пароль?

Женщина была уже рядом:

– Братишка! Милый! – Голые по локоть руки обняли пошатнувшегося капитана, его щека почувствовала теплоту губ, и он отвел ствол нагана, упершийся женщине в грудь.

«Вот так встреча!» – выдохнул Бурков, когда у него вдруг выдернули наган и ракетницу, больно заломили локти и уже по-немецки кто-то прокаркал: «Обыскать!»

Ракетницу отобрали, самого спеленали; теперь он не может дать знак своим.

Влопался, сосунок! – незло проговорили сзади, наверное по росту приняв его за малолетка.

– Лопну сейчас, дядя, – ответил почти ласковым голосом Бурков. Ему вдруг захотелось смеяться, сказать такое, чтобы засмеялись в последний раз и они. Только не было времени. Минуты у тех, родных, наверху истекали. А эти вокруг него, думая, что взяли разведчика, торжествовали, не зная, что доживают крохи своей поганой жизни. Выходя из планера, Бурков вытащил из гамака рыболовный крючок и зацепил его за голенище сапога. Сделав ровно пять осторожных шагов, он натянул черную стропу, соединенную с кольцом маленькой гранаты-лимонки, накрепко привязанной к ящику с двойным меленитом.

Толстый крючок крепко впился в кожаное голенище. Бурков чуть переступил и почувствовал натянутую стропу. Нога дрогнула, будто сведенная легкой судорогой. А потом он ударил ею того, кто сказал «обыскать!».

Вспыхнула и потухла зарница – взрыва капитан Бурков не слышал. Не видел он и огромный красный вал, приподнявшийся над лесом, не ощутил злого наката взрывной волны, слизнувшей костры и деревья.

В это время его уже не было.

Глава 4. Хлеб насущный

Аэлита

Раскисшее картофельное поле, залитое во впадинах водой, рябилось под мелким и нудным дождем. Шеренга парней в мокрых комбинезонах медленно двигалась вдоль расплывшихся гряд с совками, лопатками, с кусками обструганных на клин досок.

Впереди всех шел Кроткий. Он оторвался от ближайшего курсанта метров на двадцать. Ручищи, как лопаты, погружал в грязь, сводил их под корнем мокрого завядшего куста и выдергивал его. Ботву – в сторону, липкие клубни – в деревянный, привязанный веревкой к поясному ремню, ящик. Он не вытаскивал ботинок из слякоти, а полз на коленях от куста к кусту и остервенело, как будто собирался душить кого-то, снова втискивал оголенные по локоть руки в грязь, смыкал их под землей и с придыхом выдирал. Почти полный ящик Кроткий тащил дальше и дальше, пока не услышал за спиной близкое тарахтение трактора. Тогда он встал, вытер потное лицо концом торчавшего из-за пазухи полотенца, вскинул ящик на плечо и пошел навстречу.

На тракторе, прикрытый от дождя старым корытом на рейках, орудовал рычагами Борис Романовский. Увидев подходившего товарища, он остановил машину. Кроткий вывалил картошку в прицеп, с трудом вытаскивая ноги из грязи, подошел к кабине.

– Давай! – И открыл рот.

Борис сунул ему в синеватые губы уже зажженную папиросу. Кроткий перекинул ее в угол рта.

– Сколько у Володьки? – спросил он. Борис показал четыре пальца. Кроткий выпустил клуб дыма и побрел от трактора. Потом повернулся, крикнул: – Скажи ему, пусть не позорится перед теми, шо дывятся! – и кивнул на бугорок, где стояли завернувшиеся в плащ-палатки Дулатов и Костюхин.

– Понимаешь, лейтенант, – говорил Костюхин, – смотрю я на наших мальчиков, волочащих короба с картофелем, и мне припоминается полотно Репина «Бурлаки на Волге». Смотришь на картину, и гудит в ушах мелодия «Дубинушки».

– Не нравится мне эта картофельная картина, Костюхин. Зачем приплел Репина? Зачем поешь, когда ругаться надо! В колхозе не хватает рук, но мы-то могли найти окно в боевой подготовке, приехать раньше и помочь по сухому. Твои механики сортируют клубни под навесом, а курсанты по шею в грязи. Завскладом Мессиожник забыл, видите ли, погрузить в машину саперные лопаты. Да и мы с тобой… Горячо мне на этом бугорке, Костюхин!

– Понимаю тебя, лейтенант. Хочется засучить рукава, показать личный пример. Но тогда ты, офицер, чем будешь отличаться от нижних чинов? «Где должен быть командир? – спрашивал Чапаев и отвечал: – Там, где он больше всего нужен в данный момент!» Примерно так. Ну, соберешь ты пару коробов картошки, а авторитет потеряешь. Поверь мне, я знаю солдата!

– Недобрый ты.

– Не задирайся, Дулатов.

Через поле к ним пробиралась на лошади девушка. Она била каблуками кирзовых сапог по ребрам старую конягу, но та только подергивала замшелой мордой и не торопилась.

– Кто вы, синеглазая лань? – встретил ее улыбкой Костюхин. – Зачем проделали к нам столь трудный, тернистый путь?

– Я бригадир Бастракова. Командуйте, товарищи, своим молодцам отбой. Мы их расписали но квартирам, приготовили обед.

– Картошечкой горяченькой порадуете? – сделав серьезное лицо, спросил Костюхин. – И как ваше имя, строгий бригадир?

– Борщём порадуем, товарищ командир. От картохи ваших поцанов, наверное, уже воротит, так что на второе пшенная каша. Звать меня Лита, Аэлита Устраивает?

– О! Фантастическое имя! И какая грация, посмотрите, лейтенант… Где вы?

Но Дулатов не слышал призыва Костюхина. Чавкая сапогами, он медленно продвигался к отставшему от всех Донскову. Курсант копал землю дощечкой, сидя на полупустом ящике. Руками в старых кожаных перчатках, не торопясь, выбирал клубни, очищая с них грязь, аккуратно складывал картошку в ящик. Увидев лейтенанта, снял перчатки, неумело закурил.

– Вы знаете, Донсков, что со вчерашнего дня линия фронта в Сталинграде проходит через Мамаев курган и Баррикады? Что в южной части города фашисты вышли к Волге?

– Слышал, товарищ лейтенант.

– Так какого же черта работаете, как умирающий лебедь! – взорвался Дулатов. – Встать!.. Ручки беленькие жалко! Пальчики оцарапать боитесь!

– Здесь нужно копать свиным рылом, а не руками, – проворчал, вставая, Донсков.

– Значит, ваши товарищи…

– У них количество, у меня качество, – поняв, что неудачно выразился, поспешил сказать Донсков.

– Эх, парень! – вздохнул Дулатов. – Ни работой, ни заботой тебя не мучила жизнь. Может быть, для твоего отца сейчас такая картофелина ценнее патрона, а ты сачкуешь, покуриваешь, боишься замараться! Или обессилел? Что ж, давай доску, помогу.

Притча об орле

Командиров поселили в доме Андреевны, матери Аэлиты. Высокая сухая старуха с плоским лицом славилась в деревне чистоплотностью. Дом ее с резными наличниками, с орнаментом на венцах и ставнях привлекал взоры всех приезжих еще и разноцветом. Краски, яркие, отменные, сочетались необычно броско. Они не поблекли и сейчас, хотя автор великолепия, колхозный счетовод Иван Бастраков, уже второй год вместо резца держал в руках винтовку и давно не подавал о себе вестей. Ушел с воинской частью, сформированной из саратовцев, и как в воду канул.

В деревне об Иване вспоминали тепло. Великим умельцем и кудесником был мужик, много читал и любил рассказывать о прочитанном на посиделках, интересовали его далекие миры и созвездия. Жену свою Андреевну звал не Машей, а Мариуллой, сыну дал имя Марс, дочерей записал как Изиду и Аэлиту. Марс (Миша) ковал броневую сталь на заводе, Изида училась в физкультурном техникуме, Аэлита в свои восемнадцать лет достойно несла нелегкое бремя бригадира полеводов.

Андреевна хорошо приняла постояльцев. Внешне некрасивая, суровая, она перерождалась, когда начинала говорить. Мягкий, бархатный голос звучал задушевно, под голос настраивались глаза, теплели, загорались былой молодостью. Ей нравился Костюхин. Хотя он не помогал чистить картошку и убирать со стола, как Дулатов, но был всегда внимателен, ровен, ласков, ревниво следил за чистотой своего костюма и тела, не забывал похвалить и ее стремление к порядку. И речами он походил на мужа Ивана: говорил непонятно, но красиво. Силушкой наделила его природа отменной: шести-ведерную кадку с кормом для свиней поднял играючи и поставил на лавку, а потом смеялся, когда она с Дулатовым, оба красные от натуги, снимали ее опять на пол. Да, силой не обладал болезный Иван.

Войдя в дом, Костюхин сразу же обратил внимание на ее натруженные руки и соболезнующе сказал:

– Вы надрываете себя в труде, мамаша. Слава тем, кто кормит народ, но посмотрите на свои руки. До чего довели! Красные и обветренные. Не грех и последить за ними симпатичной женщине. Француженки берут две сваренные картофелины, растирают, добавляют пару капель глицерина, столько же огуречного сока и держат эту массу на руках ежедневно десять-двенадцать минут. Поверьте, ручки будут как у королевы.

На другой же день маленький прихрамывающий паренек, чернявый и скучный, привез глицерин.

– Благодарю вас, Мессиожник! – сказал Костюхин и, взяв у него пузырек, передал смущенной хозяйке дома.

Иногда Андреевна урывала вечерком десяток минут и, спрятавшись в чулане, зажигала свечку, погружала руки в горшок с рекомендованным снадобьем. Руки вроде белели, становились мягче, но после работы в поле кожа на них опять ссыхалась и темнела, как луковая кожура.

Андреевна дивилась на дочь. Между ней и Костюхиным сложились какие-то странные отношения. Уже на второй день он выполнял все ее желания, даже подметал комнаты по приказу озорных глаз. Скосит синие глазищи на веник, и Костюхин шутливо хватает его. Но чувствовало материнское сердце Андреевны недоброе.

Когда она была молодухой, забрел к ним в село цыган с медведем. Занятный был мишка, послушный, такие коленца выкидывал, что падали девки на травушку, позабыв гасить взметнувшиеся подолы платьев, и чуть не помирали со смеху.

Поднимет палец цыган, а медведь на передних лапах свечку изображает, хвост у него колышется, как пламень на ветру. Начали они как-то бороться. Медведь вдруг заревел, и выпал из его объятий цыган, весь поломанный…

Пыталась поговорить Андреевна с дочкой – да куда там!

А однажды забежала Аэлита из сеней красная и растрепанная, а за ней Костюхин вплыл и начал объяснять по-научному:

– Целовать, Литочка, – в древности значило «желать целости», то есть здоровья. Пожелание здоровья сопровождали лобзанием, Лита. Теперь тебе все понятно?

– Понятно, Юрий Михайлович, – отвечала она, – только у нас на селе за такое пожелание здоровья ненароком девки парням по щекам бьют, так что извините меня, серую…

– Я думаю, твоя грубость, Литочка, от недостатка воспитания, но это обратимый процесс.

Спешно надела Аэлита шелковое голубое платье, красную косынку, хлопнула дверью и умчалась в клуб на танцульки. Костюхин с Андреевной остался чаи распивать, а потом пришел Дулатов, и постояльцы до полуночи играли в шахматы. В полночь вышла Андреевна во двор, смотрит: дочь с каким-то парнем палисадник подпирают. Не утерпела, послушала, о чем говорят молодые.

– Зря красуешься, Володенька! Юрий Михайлович говорит, и никакие вы не летчики, а так… ни то и ни се!

– Знакомая песня, хочешь расскажу притчу про старого беркута?

– Давай, любите вы умничать…

– Он жил в каменистых грядах Тянь-Шаня. – продолжил Донсков, не обращая внимания на иронию девушки. – Любил кружить над теплыми отрогами, грудью врезаться в восходящие потоки и замирать с распластанными крыльями. Под-скальное гнездо уже не грело старика… Раньше он очень боялся грозы. Но однажды Илья-пророк, громыхая на своей колеснице, увидел его удирающим в гнездо и гневно спросил: «Кто твой предок, трусливая птица?» Орел не знал или забыл: ведь он жил уже сотню лет. И Илья сказал укоризненно: «Твой предок сотворен из куска грозовой тучи!» С тех пор орел летал и в грозу. Он плавал рядом с черными косматыми облаками, гордился, что они закрывают даже само солнце, вколачивают в землю молнии, рушат потоками воды гранитные скалы. Кроме него и туч, в небе не было никого. Но вот подошло время…

– Володя, посмотри, какие у меня холодные руки! – Аэлита прижала ладошки к его щекам, приблизила к его лицу свое. – Ну!

– Что, ну? Продолжать?

– И как ты угадал? – усмехнулась девушка и резко отдернула руки.

– В общем, подошло время, когда орел понял, что летать ему осталось совсем немного. Настоящие орлы не умирают в гнезде, и он ждал дня, когда покатится колесница Ильи, чтобы взмыть в последний раз. Такой день настал. Беркут взлетел и… увидел под черным облаком другую птицу, огромную, длиннокрылую. Орел сложил крылья и начал падать на врага, посмевшего занять его небо. Беркут ударил чужую птицу грудью. Да так, что померкла синь, кровавые полоски замелькали перед глазами. Он падал, пытаясь удержаться на перебитых крыльях. Закрылись шершавые веки, но он с усилием открыл их, чтобы увидеть врага, косо летящего на жесткий базальт. Но соперник продолжал полет. Тот, длиннокрылый, был сильнее его. И потухла ярость в груди седого мудрого орла. «Он не враг. Он достоин занять мое небо», – подумал раненый беркут и упал на скалы.

– Это летел планер? – догадалась Аэлита.

– Не знаю. Притчу рассказал отец. Наверное, летал крылатый человек. Небожитель. Человек, бросивший презренную землю.

– Ух как брезгливо, Вовочка! Чем же твоему небожителю не понравилась земля? Все живое родит она, а не твоя грозовая тучка. «Ты отчего, береза, всегда белым-бела?» – «Я белый сок корнями в сырой земле нашла».

– Во-о. В сырой! А откуда сырость, как не из тучи!

– «Как стала ты зеленой, пушистая сосна?» – «Земля меня поила – и вот я зелена». – «Цветы, откройте тайну, где краски вы нашли?» – «И желтый цвет, и красный мы взяли у земли». Как все кругом красиво – и рощи и поля, – продолжала Аэлита, но вдруг засмеялась, сдвинула парню пилотку на затылок. – Я знаю, ты не любишь землю!

– Почему же?

– Глядела, как работаешь. Сгореть от стыдобушки можно. На черной доске висишь! Со временем, может, еще и вырастет из тебя мужчина. Это обратимый процесс, говорит Юрий Михайлович! Он женатый или нет?

– Кто? Старший лейтенант Костюхин?.. Не знаю.

– Скажи, ты любил кого-нибудь, Вова?

– Маму, отца…

– Я не про то… А, ладно, все равно не поймешь! Совет хочешь?

– Говори.

– Ты умный парень, но никогда не рассказывай девушкам в лунные ночи длинных сказок, даже если они про Ивана-царевича! Слышишь, поют?

Издалека доносились частушки.

Луна закрылась тучкой, и Андреевна проскользнула в дом. Долго ворочалась в постели, вздыхала. Услышала осторожные шаги босых ног Аэлиты, скрип ее кровати и уснула. Во сне ей привиделся Иван. Стоял солдат Бастраков на опаленном кургане и грозил большим заскорузлым пальцем: «Береги дочку!»

В колхозе «Красная новь» ждали приезда начальства. К этому были две причины: окончание уборки картофеля и столкновение между курсантами и сельскими парнями. Поводом для драки послужил тот факт, что Аэлита и ее подружки на танцах отдали предпочтение курсантам, а не деревенским ребятам. Местные парни такого стерпеть не могли и, собравшись большой группой, подкараулили нескольких курсантов с девушками. Увидев в руках парней колья, курсанты решили защищаться. Атака сельских ребят окончилась их же паническим бегством. Кроткий, провожавший в ту ночь пухлощекую телятницу Марфиньку, потом оправдывался перед Дулатовым:

– Я же думал, они шуткуют! А когда вытянули меня по горбине дрючком и заголосила Марфушка, сказал им: «Ноги в руки, хлопцы, бить буду!» Но я аккуратно…

– Вы видели, кто затеял безобразие?

– Не-е… Испокон местные хлопцы пришлых не любят. Защищались мы тихенько, чтоб серьезных болячек у них не было.

Ждал приезда командования школы и Ефим Мессиожник, отвечающий в этой командировке за «котловое довольствие» курсантов. Он бегал по избам, проверял, хорошо ли кормят ребят, уговаривал хозяев не скупиться на овощи, хотя те и так заботились о постояльцах и помощниках, как о родных.

К вечеру прикатила не одна автомашина, как думали, а восемь. На головной – комиссар Маркин. Как только он вылез из кабины, шофер крутанул ручку походной сирены: «Боевая тревога!»

И пока курсанты собирались к автомашинам, строились, перекликались с младшими командирами, Маркин в сельсовете учинил разнос Дулатову и Костюхину. Он не мог простить командирам, что они забыли армейский устав, не объявляли своевременно отбоя курсантам, устроили праздную жизнь после работы и в результате допустили столкновение между курсантами и местными населением. Выговорившись, Маркин пообещал командирам по прибытии в часть основательно «намылить шеи».

Когда первый запал у комиссара иссяк, Костюхин, подняв глаза в потолок, сказал:

– Шея… Я готов заключить пари, товарищ комиссар, что вы не знаете, почему «шея» называется «шеей». Потому, что она как бы сшивает голову с туловищем. В народных говорах шея кое-где именуется «вязом», так как она связывает все тело с головой…

– Спасибо за науку, старший лейтенант! – И, оглядев борцовскую фигуру Костюхина, Маркин добавил: – Только не всегда шея связывает здоровое тело с умной головой!

– Благодарю вас, – потупился Костюхин.

– У нас горе, – уже тихо сказал Маркин. – При выполнении боевого задания погиб гвардии капитан Бурков. Сообщили сегодня ночью… Сейчас грузимся на машины и прямым ходом на товарную станцию разгружать эшелоны с ранеными. Часть курсантов оставим в госпитале для помощи медработникам… Ваша группа, лейтенант Дулатов, будет срочно готовиться для полета в тыл… Все! Командуйте!

Курсанты уезжали из колхоза с неохотой. В городе их ждал суровый воинский распорядок дня. Не будет танцев под самодеятельный струнный оркестр. Коленцами барыни не потрясет пол тяжеловесный Кроткий с кругленькой Марфинькой. Не будут звучать легкие вальсы, и Костюхин под неотступным взглядом Владимира Донскова не будет кружить легкую Аэлиту и говорить, говорить:

– Да, это Штраус, но не просто Штраус, а Штраус-сын. Отец с сыном поделили между собой девятнадцатый век. Но сын был талантливее! Популярность его блестящих размашистых вальсов просто невероятна. Его музыка закручивала в вихре очень многих – людей юных и весьма почтенного возраста… Курсант Донсков, толкаться невежливо! Вас не ушибли, Лита?.. Вальсы Штрауса танцевали в императорских дворцах и в маленьких кабачках. Вся Европа сходила с ума! Сколько времени прошло с тех пор, но и сегодня на афишах самых лучших концертных залов мира можно увидеть: «Вечер вальсов Иоганна Штрауса!» И даже в забытых богом деревеньках, как ваша, безобразно врущие музыканты, как могут, славят великого композитора…

«Если и будет что-нибудь подобное, то очень не скоро», – думал Владимир Донсков, по просьбе Мессиожника перетаскивая тяжелый фанерный ящик из подводы в кузов автомашины.

– Что это такое? – Над самым ухом послышался голос Маркина. – Я спрашиваю, что в ящике?

– Пшенные и перловые концентраты, товарищ батальонный комиссар! – бодро, по-солдатски, доложил возникший рядом Мессиожник, а потом доверительно: – Запланированные на довольствие харчи я сэкономил.

– На их ртах? – Комиссар кивнул на ребятишек, окруживших машины. – Не стыдно? Немедленно отправить на колхозный склад!

– По машинам! – неожиданно раздался зычный голос Костюхина.

Разворачиваясь на маленькой площади перед сельсоветом, грузовые автомобили с курсантами исчезали в наступающей темноте.

Прощание

Весть о гибели гвардии капитана Буркова пришла в Саратов.

«После отцепки от самолетов в расчетной точке, – говорилось в радиограмме, – Бурков увидел две освещенные кострами посадочные площадки на расстоянии нескольких километров одна от другой. Условные сигналы на них были одинаковые, и за то малое время планирования, какое имел в запасе Бурков, отличить партизанский аэродром от ложного, было нелегко. Капитан Бурков пошел на одну из площадок с включенным носовым прожектором, за счет пологого пикирования наращивая скорость, быстро отрываясь от других планеров. Он приземлился, когда его ведомые еще имели достаточный запас высоты для выбора аэродрома и смены курса.

Сверху планеристы видели, что планер командира приземлился удачно, – этому помог свет от двух ракет «светлячков», выпущенных Бурковым. Потом взрыв планера осветил округу. Ведомые капитана повернули на другой аэродром и выполнили боевое задание…»

…Напитанный мокрым снегом авиационный флаг вяло колыхался на высокой рее ангара планерной школы. Около него выстроились шеренги сержантов-выпускников. На правом фланге, в кругу командиров, стояла семья капитана Буркова – высокая худая женщина и четыре маленькие девочки в одинаковых пальтишках из серого шинельного сукна.

Вечером на открытом комсомольском собрании планеристы приняли решение, в котором был такой пункт: «Выше бдительность! Отвага, совмещенная с умением, принесет успех при десантировании. Сомнений в патриотизме товарищей у нас нет. Новую, поставленную командованием задачу обязуемся выполнить, каких бы сил для этого ни потребовалось. Смерть немецким оккупантам!»

Стенгазета «На абордаж!» вышла последним номером. Посреди бушующего моря накренился красно-черный плавучий маяк. На его боку бронзовела доска с именем погибшего капитана. В правом углу газеты – стихотворение Владимира Донскова «Письмо отцу»:

Ты писал: облака разноцветны бывают
Серебристые – к счастью, а тучи – к беде.
Говорил, что орлы лишь в бою умирают,
А теперь расскажи про людей:
О ком память крепка и вечна в обелисках,
И о тех, кто от страха срывался на визг,
И о тех, кто, имея желание риска,
Не использовал права на риск…

В подготовке к полету прошла неделя. Погода благоприятствовала. Установились черные безлунные ночи. Они скроют планеры и помогут незаметно подкрасться к Софиевским дачам – лесу на границе России, Украины и Белоруссии. Именно в этих местах, сейчас оставшихся

в глубоком тылу врага, в сорок первом году стояла насмерть воинская часть, сформированная на саратовской земле.

Глава 5. Крылья крепнут в беде

«Бригантины» покидают порт

Аэропоезда шли под самыми облаками.

В сумеречном свете ранней ночи Владимиру Донскову казалось, что в хмуром океане безмолвно скользят под парусами сказочные бриги. Он даже представил себе отважных капитанов: мушкетера Дулатова в черном завитом парике, с пышным французским жабо под кирасой; рыжего Кроткого в красной косынке набекрень, с трубкой в прокуренных, желтых зубах и абордажной саблей на коленях; курносого скуластого Борьку Романовского в белой чалме, ярко-желтом халате, с кривым ятаганом на поясе. Борька толстыми пальцами в перстнях выбивает на струнах гитары свой музыкальный боевичок:

В облаках вдруг разинули пасти драконы
И прожекторный штык темноту искромсал.
Слышу свист, вижу взрывы гранат «эрликона»,
Приготовься же к бою, корсар!

В том, что песни Бориса представляли винегрет из «девятого вала», «крыльев», «бригантин» и «партизан», был, конечно, виноват он, Донсков. Но ему нравилось видеть все в необычном свете. Донсков убеждался, и не раз, что, если в любое нужное дело, скучное или трудное, добавить немного романтики, оно становится легче выполнимым, отходят на задний план соображения безопасности, выгоды, усталости, возникает порыв.

И поэтому теперь он видел не плохо покрашенные планеры с ящиками и мешками внутри, взлетающие с обыкновенного полевого аэродрома, а прекрасные бригантины, покидающие порт.

В трюмах они несли фугасы, продовольствие, оружие партизанам. На земле их провожал человек, которому верили, – Маркин. Перед вылетом он сообщил, что 19 и 20 ноября войска Красной Армии Юго-Западного и Сталинградского фронтов ударили по группировке Паулюса, а вчера соединились в районе поселка Советский и заклепали немцев в сталинградском котле. Маркин каждого обнял, пожал руку. На прощание взволнованно сказал: «Помните, чьи вы сыны и кто вы сами, ребята!.. Я жду вас!» А потом стоял под снежным вихрем от винтов, пока последняя аэросцепка не исчезла в сгущающихся сумерках.

«Бригантины» покинули порт, их вели капитаны, не нюхавшие запаха боевого пороха, не знавшие ярости пламени, не тонувшие, еще не любившие и не целованные любимыми. На петлицах – по три сержантских треугольничка, на плечах – первая настоящая ответственность перед людьми, на коленях в кирзовых кобурах – тяжелые, неудобные наганы, в груди – огромное мальчишеское желание поскорее взяться за их рукоятки. В карманах гимнастерок – тонкие книжечки, удостоверяющие принадлежность к самому верному в мире братству молодежи. Комсомольские билеты они пожелали взять с собой, и комиссар, нарушая инструкцию, уступил. Не по слабохарактерности. Комиссар знал цену маленькому пурпурному кусочку картона.

Рывок троса вернул Владимира к действительности. Планеры покачивались, как тени от самолетов. Впереди, чуть внизу, вяло подмигивал строевыми огнями трофейный «хейнкель» старшего лейтенанта Костюхина. Он вел эскадру аэропоездов в неспокойное небо Белоруссии. За ним, в кильватерной струе, на крепком стометровом тросе скользил А-седьмой сер-

жанта Донскова. Двенадцать ящиков гранат, противотанковые ружья и мотки телеграфного кабеля покоились в фюзеляже.

До отцепки остались считанные минуты. Десятки глаз шарили по земле в поисках условных знаков. И вот осветилось небо. Яркие огни с сине-багровым отливом зажглись перед эскадрильей. Пульсирующий свет резко выхватил из темноты расползавшиеся в стороны аэропоезда. Донсков вдруг остро, до ломоты, сжимающей грудь, вспомнил, что и его планер набит взрывчатыми веществами, что враг бьет и по нему из длинноствольных зенитных пушек.

Страх пришел неожиданно и выбил романтику, как ревун выбрасывает первый звук. Красивый штормовой фейерверк мгновенно померк в глазах, когда Владимир увидел сумасшедший крен своего буксировщика. «Хейнкель» Костюхина встал торчком на крыло и нырнул вниз. Сейчас будет рывок. Мелькнула мысль: что быстрее отвалится – буксирный замок или нос планера? Но планер почему-то не дернуло. Владимир потерял уже сто метров высоты, когда взрывная волна резко толкнула планер под крыло. Конвульсивным движением штурвала он выровнял крен и огляделся. Что-то черное и огромное надвигалось с левого борта. Владимир шарахнулся в сторону и вниз. Сколько он так летел, не отложилось в памяти, только увидев яркую стрелку высотомера, резво бегущую по шкале прибора, он пришел в себя, потянул скрипнувший штурвал и вышел из косого пикирования.

Условные знаки на земле не проглядывались.

Костров нет, куда садиться? Теряя три тысячи метров высоты, он еще долго, как показалось, летел, пока увидел серию голубых ракет. Земля давала пароль и требовала отзыва. Толстый ватный комбинезон не давал нагнуться за ракетницей. Когда он вынул ее из гнезда и взвел курок, увидел далеко впереди несколько маленьких хвостатых комет. Это отвечали на пароль земли его товарищи, направившие носы десантных планеров на зыбкие голубые сполохи. Выстрелил из ракетницы и он. Кумачовым лоскутком вспыхнул огонь.

Пристально вглядевшись, Владимир скорее ощутил, чем увидел, чуть ниже и правее летевший планер, мигающий консольной лампочкой: «Осторожно, я рядом, не наткнись!» Владимир ответил тем же и улыбнулся.

Теперь добраться бы им до вспыхивающего в ночи голубого пятнышка – посадочной площадки партизан. Но что это? Двоится в глазах? Ракеты освещают землю в двух местах? Опять площадки-близнецы, как в трагедии капитана Буркова? На сей раз нет. По боевой ориентировке предусмотрен дубляж аэродромов. Садиться можно на любой из них. И все-таки послушай небо. Послушай. Приложись ухом к нему.

Владимир стянул шлем, открыл форточку кабины и высунул пол головы под струю холодного, обжигающего воздуха. Слух моментально воспринял тонкое комариное жужжание чужого авиамотора, и Донсков представил, как немецкий разведчик вьется над лесом, радирует об операции, но помешать ей уже не может.

На какую же площадку садиться? Лучше на зюйдовую, она ближе. Чуть-чуть, на несколько румбов довернуть влево и…

И, взглянув на высотомер, Донсков понял: не сесть ему на партизанский аэродром. «Высота – расстояние» – извечная формула, решаемая планеристами, давала отрицательный ответ. Буксировщика он потерял раньше расчетного времени да еще метался по небу, шарахался от соседнего планера.

Товарищи уже над площадками. Вот обозначили себя еще два планера. Скоро ребята будут греться около костров. Им дадут попить. Неплохо освежить глотком чая пересохшее горло.

Стали запотевать стекла. Ближе к земле – жарче в комбинезоне. Одна рука на штурвале, другая уже уперлась в приборную доску, чтобы смягчить толчок. Цыганка ему гадала, что он умрет своей смертью! Флибустьеров вешали на реях, фашисты же для планеристов вкапывают заранее столбы.

Пилот, используя последние метры высоты, тянул по курсу. Недалеко от него тащился другой планер. Он тоже упадет в лес с большим недолетом. Сжавшись, как пружина, Донсков ждал встречи с землей. Томительно долго тянулись секунды. Сначала он услышал шорох, потом рывок. Планер клюнул и, поддержанный схваченным до груди штурвалом, не воткнулся в землю. Мазнув ладонью по приборной доске, пилот включил посадочную фару. В белое кольцо прожектора метнулись голые блестящие сучья деревьев…

В стане врага

Донсков выбрался из пилотской в грузовую кабину, снял с крючка автомат, открыл дверь и шагнул в темноту. Мягкий снег подался под ногой, и Донсков упал лицом вперед, провалился как в рыхлую, холодную вату. Схватив снег ртом и чувствуя, как он, тая, приятно освежает, полежал, прислушался. Ни звука. Тишина обрадовала, и он, выполняя первую заповедь планериста, совершившего вынужденную посадку, стал удаляться от планера. Ноги тонули в рыхлом снегу, снег набивайся за отвороты унтов. Шагов через пятьдесят сел и начал всматриваться в ночь. Чтобы лучше освоиться с темнотой, на минутку закрыл глаза. Открыл. На сером снегу большой поляны чернел силуэт планера. Повезло! Попади он на острые пики сосен – они бы распороли фанерное брюхо.

– Ух-а! – тяжело вздохнул лес. Донсков рванул рукоять затвора. – Ух-а, ух-а, – прокричал филин, и пальцы пилота медленно разжались.

Теперь тишина казалась Донскову загадочной и неприятной. Он был один в безмолвном, притаившемся незнакомом лесу. «Порядок! Главное, что ты благополучно встретился с землей», – бормотал он, успокаивая себя, а что-то тоскливое, тяжелое заполняло его помимо воли.

Снова заставил вздрогнуть крик филина. Донсков привстал и насторожился. Голос лупоглазого разбойника? Да это же… Ну и жираф ты, если так медленно до тебя доходит условный знак сбора! Но кто может подавать его? Уж не тот ли планерист, который летел рядом? Да, он должен сесть недалеко, ведь шли бок о бок.

– Ух-а! Ух-а! Ух-а! – проухал Донсков и растянулся на животе, всматриваясь в сторону, откуда донеслись первые звуки.

Блеснул огонек ручного фонаря: две короткие и одна длинная вспышка. Сомнений не было: свой!

– Вов-ка-а!

Басовитый скрипучий голос Кроткого вызвал бурное ликование. Донсков вскочил, хотел ответить во все горло и… не мог вспомнить, как же зовут товарища. Ну же, ну! Собери мыслю, оболтус! Боцман, Боцман – чертова кличка вертится на языке. Кроткий. А как звать, звать как? Этот крестьянин не был интересным. Сильный, грубый парень, старательный служака – и только! Злой еще. Всегда казался немного туповатым. Но ты не можешь сказать, что он плохой товарищ! Ты должен знать его имя… Вспомни хотя бы отчество. Что-то историческое, древнее, казацкое. Лихой набег… блеск сабель… оброненная люлька…

– Тарасы-ыч! – завопил Донсков во всю мочь и бросился навстречу.

Через несколько минут они сидели на утоптанном снегу под деревом и за обе щеки уплетали холодный яичный омлет из неприкосновенного запаса. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, хотя совсем не мерзли в теплом обмундировании. Кроткий, зажевывая некоторые слова, рассказывал, и Донсков с завистью признался себе, что Кроткий видел больше, чувствовал себя в воздушной передряге спокойней, уверенней, зрячей.

– Когда эскадра влопалась в заградогонь, буксировщики трошки паникнули, начали метаться, лезть друг на друга. А тут еще прямое попадание в планер соседнего звена, который справа от тебя шел. Я помню, у нас в селе хата пылала так же червонно. Потом враз загасла.

Чего не жуешь? Ты уже топал один, Борька Романовский тоже, видно, оторвался, та мой буксир повернул назад. Чего не жрешь-то?

– Хочешь? На.

– Сгодится. Так вот, крутанул меня буксир и прет домой. Я его подергал за хвост, а он хоть бы хны! Волокет меня назад, и все, а вы уже шуруете к партизанам. Я и отцепился.

– Ну и дурак!

– Как понимать-то?

– Ты же видел: высоты не хватит. К немцам решил упасть?

Кроткий заговорил не сразу. Нож противно скоблил по консервной банке. Но если бы Донсков обратил внимание на руки товарища, заметил бы, как они сжали нож и банку. Жесть сплющилась, и Кроткий отбросил банку в сторону. Но он еще заставил себя неторопливо вытереть лезвие, рукавом – губы и потом сказал:

– За такие слова могу покалечить… Ты всегда считал меня придурком и солдафоном. Дело твое. Только погляди в зеркало, хлопец. Воображаешь себя центропупом, вокруг которого все крутится. А в самом деле? Лопаешься от великого самомнения! Погоди, не взбрыкивай, слухай начистоту!

Оба понимали: разговор не ко времени. Он, конечно, должен был состояться, но почему здесь, в незнакомом опасном лесу? Бойцы с брачком в характере, безответственные? Или просто зеленая юность не хотела оставить за соперником последнего слова? Пожалуй, нет. Два сильных и непохожих характера редко сближаются в обыденной обстановке. Нужны подходящее место и эмоциональный толчок. Нужно зримое действие, два взгляда. Тогда один глубже понимает суть другого.

Минуты две они препирались, вспоминали все зигзаги в поведении друг друга, потом замолчали, жуя галеты и не чувствуя их вкуса. И уже почти миролюбиво Кроткий сказал:

– Есть в тебе и стоящее, Володька. Поэтому и жалкую: ложка дегтя портит бочку меда. А высоты у меня хватало трохи дальше пролететь. Просто не хотел покинуть тебя.

У Донскова еще не пропало возбуждение, и он вскочил.

– Благодетель, значит? Пошел ты, рыжий, знаешь куда?

– Я все равно не дотянул бы до площадки. Вдвоем сподручнее.

– Ты мог еще на шаг приблизиться к цели! Ты не дурак и не солдафон, Кроткий, ты просто слюнтяй!

– Дякую, товарищ! Убедил. А ты бешеный… И все равно я не корю себя, что близость партизанского костерка поменял на соседство с тобой.

Добрые слова Кроткого не пропали даром. Донсков остыл, сел рядом с товарищем и обнял его за плечи.

– Ладно, извини! Давай решать, что дальше?

Об этом каждый думал с момента приземления. Но задать вопрос должен был менее выдержанный, более торопливый. Раньше была игра в спокойствие. У каждой игры есть конец. Когда они поняли это, то за каждым словом их спора прятался именно вопрос: «Что дальше?» Кто спросит, тот признает другого старшим. Кроткий прожил двадцать одну зиму, он был сыном лесов и степей. Донсков – семнадцать и жизнь знал в основном по книгам. Донсков признал Кроткого более мудрым. И тот ответил четко, будто всю жизнь только и решал такие головоломки:

– Во-первых, заминируем груз. Я останусь, ты пойдешь по азимуту к партизанам.

Донсков подивился простоте решения – устами товарища глаголила инструкция. Сухие инструкции он всегда плохо запоминал.

– Груз зарыть положено, но до рассвета не успеем. Земля крепко захолонула. Встань на лыжи. Буду ждать. – И Кроткий, поднявшись, подал руку Донскову.

Они медленно двинулись к своим планерам. Встретились уже на лыжах у планера Донскова. Вытащили и размотали телефонный провод. Его хватило, чтобы соединить большой треугольник: по краям планера и в ста пятидесяти метрах от них снежная яма. Донское, подсвечивая фонариком, монтировал систему «пиропатроны – взрывная машинка», Кроткий остервенело работал большой саперной лопатой, углубляя яму, вгрызаясь в мерзлый грунт. Закончив копку, он пошел к планеру Донскова, ощупывая каждый сантиметр провода. Около двери планера обо что-то задел ногой. Его тревожный крик заставил подойти Донскова.

– Володька, а ты, хлопец, в рубахе родился. Дывысь! Плотная сизая мгла ночи не позволила ясно видеть, что держит в руках товарищ. Донсков зажег фонарь. Кроткий держал конец буксировочного троса. Теперь было понятно и подозрительное шуршание деревьев, когда планер был еще в воздухе, и резкий клевок к земле, и схваченный до груди штурвал. Трос, мотаясь под планером, задевал за деревья. Только чудо спасло пилота, и он не разбился при посадке.

Старший лейтенант Костюхин облегчил свой самолет, чтобы быстрее уйти от огня, сбросил планер, отцепив трос.

Кроткий вытягивал из-под снега конец стального каната с самолетным кольцом. Положив трос на металлический подкос шасси, он вынул из ножен кинжал, орудуя им, начал рубить.

– Гарно закалил клинок Борька! Поддается сталюга… А теперь вылазь из комбинезона и шуруй. В безрукавке не замерзнешь? Белый халат натяни.

– Если врагом тебе уготована рея, что изречешь перед смертью? – улыбаясь, вспомнил Донсков слова клятвы.

– Ни слова! Постараюсь уйти за борт вместе с ним, – серьезно ответил Кроткий. – Уже светает. Держи лапу, Владимир. Пусть твои паруса будут полны ветра!

– Прощай, Тарасыч!

– Меня зовут Михаил. Теперь-то, наверное, запомнишь? Погоди! Если в любом месте встретишь полицая по фамилии Вьюн, Мыкола Вьюн, убей! – Левое веко дрогнуло, он на секунду прикрыл глаза и наморщился, будто от сильной головной боли. – Хотя нет… Подержи до меня. Крепко держи!

– Хорошо. Жди меня, Миша. Нас жди!

Донсков проверил крепления лыж, сориентировался по компасу и пошел. У первых деревьев обернулся: на светлеющем снегу копошилась темная фигура Михаила Кроткого. Он веником из сучьев заметал следы у планера. «Боцман делает приборку», – невесело подумал Донсков и углубился в чащу.

Светало. На фоне неба рельефнее выделялись деревья смешанного леса. В детстве Владимир любил очеловечивать предметы, он и сейчас видел мрачные ели, гордые сосны, наивные березы, спокойные дубки, грустные плаксы-осины – все было в лесу. Не было только спокойствия. Обманчивая тишина могла разорваться мгновенно.

Донскова остановил запах дыма, принесенный ветром из густого сосняка. Он взял левее и, не отталкиваясь палками, пошел медленно и тихо. Тревожное напряжение обострило слух. И все равно неожиданными были немецкий говор и взрыв смеха. Он упал в снег, царапая по нему подбородком, огляделся. Ясно рассмотрел впереди себя, метрах в шестидесяти, солдата. Тот стоял у сосны к нему спиной и стучал каблуком о каблук.

Справа дым костра, солдатский гогот, впереди часовой, сзади Михаил! Вернуться к нему? А потом?..

Донсков сложил лыжи одну в другую, продел левую руку в ремни крепления и пополз вперед. «Представь, что это чучело… Представь… Только бы солдат не перестал стучать каблуками, не обернулся. А как может обернуться чучело?.. Это площадка десантной подготовки. Столб. Около него чучело – комбинезон, набитый ватой… Оно стоит на моей дороге. Повернуться оно не может. Не может…» – успокаивал себя Донсков. Разглядев на цилиндрической

противогазной сумке солдата пуговицу, он остановился. Приподнялся на колено, вытащил из-за голенища нож. «Вдохни и, как учили, с выдохом…» Матово блеснуло в воздухе лезвие. Солдат завалился назад беззвучно и медленно. Донскова била дрожь, он уткнулся лицом в снег и несколько секунд боялся поднять голову, посмотреть на впервые убитого им врага. Сглотнув тягучую слюну, все же приподнялся немного, пополз к солдату.

Боцман ставит точку

Они подходили не со стороны заминированных планеров, а шли прямо на замаскированную яму. Убитого часового обнаружили при смене постов, и по лыжне Донскова, в обе стороны, двинулись боевые группы поиска. Шестеро автоматчиков и две собаки мелькали среди стволов, приближаясь к Кроткому на широких походных лыжах. Вперед вырвался очкастый фельдфебель. Из его рта вылетал пар, туманил напряженное лицо. Остаться незамеченным Кроткий больше не рассчитывал и поднял наган. Мушка прицела, не раскачиваясь, подошла под автомат немца – сухо треснул выстрел, фельдфебель упал.

Немцы залегли и открыли частую стрельбу. Пули вспарывали снег вокруг ямы. Кроткий скупо расходовал патроны. Убедившись, что он один, немцы спустили собак. Проваливаясь, овчарки скачками пошли вперед. Кроткий почти в упор расстрелял их из автомата. Тогда к нему, пригибаясь, рванулся солдат в стальной каске, но наткнулся на пулю и упал на колени. Каска, ударившись об автомат, глухо звякнула.

Два немца лежали напротив Кроткого, двое начали обходить яму. В глубоком снегу их почти не было видно. ППШ бил по серым каскам, взрыхляющим снег, огрызался на огонь «шмайсеров»[18], прикрывающих обход. Лес многократно повторял звуки пальбы. Он же донес до Кроткого звук автомобильного мотора. На высокой ноте мотор захлебнулся. «Наверное, там! дорога, – подумал Кроткий. – Надо ставить точку!» Он одним нажатием спускового крючка опустошил диск автомата и взялся за ручку взрывной машинки. А в следующий миг около него ткнулась граната. Зеленая деревянная рукоятка торчала на самом бруствере ямы. Кроткий протянул руку и, еле достав, оттолкнул гранату. Взрывная волна бросила его на дно, взвыли осколки, мокрые комья осыпали лицо. Он нашел еще силы крутнуть ручку подрывной машинки и встать. Будто в каком-то мареве увидел, как планеры поднимаются над землей…

Его волокли за ноги. Он не мог шевелиться, говорить. Были полные провалы в памяти. Потом почувствовал колеблющийся настил кузова автомашины и запах бензина. На правую руку накатывалась и откатывалась бочка. При сильных рывках машины она ударяла по голове.

В полное сознание пришел в блиндаже. Тисками давило закрученную марлей голову, где-то под легкими пульсировала боль. Бинты пахли хлороформом. В марлевую щель он увидел бревенчатый потолок блиндажа.

– Смотрит! – произнес кто-то по-русски.

Кроткий скосил глаза. Рядом стоял худой белобрысый парень в белом халате, с широкой улыбкой на продолговатом румяном лице. «Где я?» – лихорадочно вспоминал Кроткий происшедшее.

Скрипнула дверь. Мягкие шаги. Над ним повисло полное желтоватое лицо, нос покрыт склеротическими жилками, бескровные тонкие губы растянуты в улыбке, а зеленые глаза жестки и настороженны. Кроткий увидел фуражку с высокой тульей. «В плену!» Он вскинул руку. Желтое пятно метнулось в сторону.

– Не истязайтесь. – Голос желтолицего был спокоен, в нем чувствовалось торжество. – Вам еще долго жить. Берегите силы, а дядюшка Штрум позаботится о вас.

Мягкие шаги проследовали к двери, она снова противно скрипнула.

---

[18] «шмайсер» – пистолет-пулемет.

В блиндаже Кроткий был не один, слышался бред раненого, разговоры на немецком языке.

– Почему меня свалили к фрыцам под бок? – спросил он белобрысого, читавшего у постели книгу.

– Поймете позже.

– Кто ты?

– Переводчик.

– Русский?

– Украинец. Ваш земляк.

– Якой ты к бису украинец. Подлюга! Ты случайно не родич полицаю Вьюну?

– Лежите спокойно.

Кроткий отвернулся. Хотелось забыться, но в глазах стояла первая добрая улыбка переводчика. Да, иногда и сволочь может выглядеть внешне приятно. С такими мыслями он забылся.

Разбудил несильный толчок в бок. Блиндаж освещался керосиновой лампой под потолком. Стонали раненые, заливался трелью сверчок. Переводчик сидел на том же месте и прислушивался. «Неужели я балакал во сне?» – Кроткий повернул голову и увидел, как переводчик приложил палец к губам: молчи!

Через минуту в блиндаж вошел толстый парень с повязкой полицая на рукаве. Переводчик поднялся, снял халат и передал ему. Кроткий увидел – его «земляк» одет в форму ефрейтора СС.

* * *

Через несколько дней, после очередной перевязки, Кроткого одели в его же выстиранное обмундирование, накинули на плечи грязно-зеленую шинель и на повозке привезли к большой побеленной хате. У входа стоял часовой – солдат с грубым лицом и в очках.

В комнате с чисто выскобленными полами за дощатым столом сидел маленький человечек. По красному склеротическому носу и тонким белым губам Кроткий узнал того, кто наклонялся над ним в лазарете. В гражданском костюме он был похож на доброго уставшего старичка. Старичок брал из тарелки тонкие ломтики прокопченного сала и, посасывая их, запивал большими глотками пива из молочной крынки. На столе, справа от старичка, – шахматная доска с расставленными фигурами.

Кроткого посадили напротив. Старичок поглядывал на планериста, собрав у глаз много лукавых морщинок. Крикнул по-немецки. Из соседней комнаты вышел знакомый переводчик.

– Михаил Тарасович, пивка? – перевел он гортанные слова. – Не хотите? Дело хозяйское. Тогда быка за рога: вы можете быть нам полезны. Если, конечно, пожелаете… Откуда вылетали?

– С востока.

– Сколько вас было.

– Много. И еще я.

– Куда летели?

– На свидание с вами.

– Главная задача?

– Опуститься на землю, не поцарапав пузо.

– А вы разговорчивый.

– Почему не погутарить в приятной компании, да що с пивом на столе.

– Ты что, издеваешься, сопляк? Думаешь, мы не развяжем тебе язык? – закричал переводчик.

– Заткнись! – равнодушно выговорил Кроткий.

– Браво! Браво! – возликовал по-русски старик. – Ефрейтор Криц, вы невежда! Потрудитесь уйти.

– Слушаюсь, господин оберштурмфюрер!

Переводчик исчез.

– Мне нравится ваша бодрость и чувство собственного достоинства. Только сильные характеры могут себе позволить такое дерзкое поведение в довольно щекотливом положении. Немцы ценят смелых людей… Мы предлагаем вам свободу, лейтенант!

– Такого звания не имел.

– В шахматы играете? Какая фигура вам больше всего импонирует? Ну конечно, не пешка!.. Я знаю, вы не захотите стрелять в русских, хотя они и не заслужили от вас, украинцев, такой благодарности. Воевать будете на западе. Поначалу лейтенантом. Вы отлично понимаете, что ваши сегодняшние союзники были, есть и будут всегда вашими идейными врагами. А столкновение идей – война! Вот в этом аспекте и проанализируйте свое положение. Или да, или… сам должны понять… Сейчас война, а вы планерист-диверсант. Но вы еще и украинец. Много ваших соотечественников, даже в высоких чинах, сотрудничают с нами.

– Например, поганец Бандера.

– О, вы хорошо осведомлены. Но это далеко, а есть и рядом. Здесь. Вот Криц, например… И другие… Правда, ваших земляков сейчас трудно застать в квартирах. Они, право, легко покоряют женщин, а у нас их предостаточно на любой вкус!

– Бабами не интересуюсь.

– А девонька? – Старик вынул из стола комсомольский билет Кроткого, а из него фотографию Марфиньки.

– Не трожь сальными лапами!

– Вы мне нравитесь, юноша! Сколько вам лет? А, знаю, знаю – двадцать один.

– Брось сюсюкать. Не ведаю твоего прозвища…

– Штрум. Просто Штрум.

– Я, господин Штруп, на твой валок не накручусь.

– Вы исказили фамилию, она стала неблагозвучной, – улыбнулся Штрум. – Но это говорит о вашем природном уме, а точнее, опять о силе характера. Я оценил и постараюсь не обижаться. Что есть валок?.. Понимаю, это что-то круглое? Скажи, что такое «валок»?

– Так гутарят у нас в колхозе, когда кому-нибудь закручивают мозги.

– Колхоз – это где заставляют работать, где вы растите хлеб, свинью, яйки. Я правильно понимаю?

– Радянський колгосп – велыке братство людське.

– Не понял.

– Погано ты, пакостный гном, понимаешь наши слова.

– Вы грубиян, юноша? Сколько же вас, таких мальчиков-планеристов, село к лесным бандитам?

– Не выйдет, господин Штруп!

– Нервы, нервы, Кроткий! – оторвался от крынки с пивом Штрум. – Может быть, попробуем жить в свободной самостийной Украине? Ведь Москве не сегодня-завтра капут!

– Ха, – осклабился Кроткий, но глаза, тяжелые, напряженные, с кровавой сеткой на белках, не смеялись. Блестящие холодные зрачки будто выцеливали переносицу Штрума. – Москву тебе не видать, как собственных ушей, осел! И не дергайся, я не буду марать об тебя руки.

– Ого! – сел вскочивший было Штрум. – Очень мило с твоей стороны, рыжий солдат! Ты великолепен…

– Давай лучше в шахматы поиграем. На интерес, а? Кто проиграет – сам повесится.

С минуту Штрум не двигался, опустив голову на грудь, потом потянулся, зевнул и сказал:

– Ты оскорблял меня, рассчитывая на скорую и безболезненную смерть, юноша. Мы тоже бить тебя не будем. Ефрейтор!

– Слушаю, господин оберштурмфюрер! – гаркнул появившийся из-за двери переводчик.

– Отведите этого глупого телёнка на полигон.

Глава 6. Софиевские дачи

В лесу

Третий день падает снег на Софиевские дачи, белыми пластами ложится на ветки, гнет их. В избушке лесника слышен редкий треск ломающихся от тяжести сучьев. Вот особенно громкий, как выстрел. Петя посмотрел в оконце на просеку. Лыжный след дедушки давно завалило. Темнеет. Хрипло стучат ходики на стене избушки. Зябко передернув плечами, мальчик отложил книжку и подошел к печи. Быстро занялся огнем сушняк под березовыми плашками. Петя вынес из чулана пузатый медный самовар и начал возиться с ним, пристраивая к трубе старый сапог. Избушку наполнил угарный запах углей.

Сидя на корточках, Петя грел ладони на потеплевшем боку самовара. Дедушка рассказывал, что купил его за три гривны еще в германскую войну. Когда это было? Вот под пальцами круглые выбоинки – медали с ликами царей. Тут есть царь, который виновен в смерти великого поэта Пушкина. «Я помню чудное мгновенье…» Две книжки, Пушкина и Некрасова, остались в избушке, да и то старинные, все другие, советские, дедушка спрятал в подполье, чтоб не увидели немцы.

В спину мальчика плеснуло холодом. Он обернулся. В дверях обметал веником сапоги стоял высокий мужчина. Бледный свет из оконца высветил пуговицы черной шинели, сизую линию автомата на груди и ствол ружья за спиной.

– Один, Петушок?

– Здравствуй, дядя Аким! Дедушка скоро будет.

– Значит, нет деда? Ждать недосуг. Слушай внимательно и передай слово в слово Евсеичу. В Федосеевке, от вашего края третья хата, ховается человек. По слухам, летчик. Из тех, кого встречали неделю назад соседи. Понял? Староста пронюхал и сказал мне. Я доложу о нем утром. Ночью его надо увезти, иначе пропадет парень. И еще. Своего пациента, так и скажи – пациента, Штрум отправляет на полигон. Понял? Повтори!

Мальчик повторил.

– Чаю, дядя Аким?

– Спешу, Петушок. У деда есть дичь в подклети?

– Пара беляков.

– Я возьму их на закуску Штруму. Любит шеф зайчатину! Во дворе пальну пару раз, не пугайся.

– Ну уж! – обиделся Петя.

– Расти, герой! – И человек в форме полицая исчез за дверью.

Петя стоял не шевелясь, пока в лесу не раскатились выстрелы дробовика.

Скоро возвратился дедушка. За ним в избушку проскользнула крупная, с черно-бурой спиной овчарка и легла у входа. В сторожке было темно. Под светом семилинейной лампы блестел начищенный бок самовара. Хлеб, сахарин в деревянной солонке и расписная чашка с блюдечком ждали хозяина на тесовом столе.

– Дедуль, приходил дядя Аким.

– Встретил на тропе, – ответил Евсеич и, повесив на гвоздь лисий треух, присел к столу. – Ел?

– Немножко.

– Тогда кинь пожрать Цезарю.

Евсеич пил чай обжигаясь, не стряхивая, как обычно, крошек хлеба с густых колючих усов и рыжеватой спутанной бороды. Пил прямо из чашки. Капли скатывались по бороде

на кожу овчинного белого полушубка. Бок самовара отражал скуластое морщинистое лицо с крючковатым подвижным носом и маленькие глазки в тени от кустистых бровей.

Цезарь быстро управился с требухой, дробил клыками заячьи кости. Петя сидел рядом с ним, ласково поглаживая чуть вздыбленный загривок собаки.

Обтерев тыльной стороной ладони усы, Евсеич шагнул в угол, приподнял половицу и вынул из образовавшейся щели карабин. Голубым глазком подмигнуло Пете стеклышко оптического прицела. Проверив затвор, старик сказал:

– Керосин не трать. Угомонись. – И пошел к двери. Цезарь упруго поднялся. – Ни-ни! – приказал Евсеич. Собака опустилась на пол, положила морду на вытянутые лапы, обиженно косилась на хозяина.

Евсеич ушел, загнав в избушку клуб морозного пара. Петя погладил Цезаря, взял с полочки книжку, но вспомнил наказ деда, сунул ее обратно, задул лампу и забрался на теплую лежанку.

Разбудили его голоса. В сторожке горел свет. Петя приподнял края занавески. Дедушка и мужик в нагольном черном полушубке укладывали на топчан человека, завернутого в тулуп. Потом мужик ушел, а дедушка стал раздувать самовар. Когда самовар зашумел, дедушка принес из чулана несколько пучков травы, порубил их и круто заварил в оловянной кружке.

Человек в тулупе наблюдал за дедом.

– Пей!

Человек сел на топчане, сбросил овчину, пристально посмотрел на старика.

– Если вы партизан, то мне срочно нужно к вашему командиру.

– Пей! – повторил дедушка.

Человек, обжигаясь, пил горячий отвар, и под кожей тонкой шеи вверх и вниз бегал шарик кадыка.

– Мне нужно торопиться! – сказал он, отставляя кружку.

– Заря мудренее заката! – Дедушка потушил лампу и забрался на лежанку. Долго ворочался и кряхтел. Петя положил руку на его теплую твердую шею. Евсеич провел по щеке мальчугана шершавой ладонью и затих.

Утром Петя долго не мог проснуться. Сквозь дрему он слышал, будто кто-то негромко и глухо бубнил. Стряхнув с себя сон, он догадался, что говорят дедушка с «незнакомцем». Петя выглянул из-за занавески, когда дедушка сказал:

– По картинке, кою ты нарисовал, твой груз в Глиняной балке. Отыщем. Прощевай, Борис.

Дедушка ушел, оставив Цезаря. Овчарка легла у порога, настороженно поглядывая на незнакомца.

Петя спустился с лежанки, умылся у рукомойника и сел к столу. Его синие глазенки светились любопытством. Ночной пришелец теперь был бритым, смуглокожим, совсем молодым. На курносом носу пластырь, царапины на лице замазаны йодом, светлые глаза со смешинкой. Он сидел на топчане, разложив на коленях вещмешок, на вещмешке – струнный инструмент. На инструменте его, Петина, книжка.

– Интересная? – спросил незнакомец, показывая на книгу.

Петя кивнул.

– Любишь стихи?

– Ага… И сам сочиняю! – не удержался Петя.

– Ну-у! – удивился незнакомец.

– Самую капельку, – поскромничал Петя. – А вас звать дядя Боря?

– А тебя Петя. Да?.. Сколько тебе лет, Петя?

– Тринадцать… И два месяца.

– Ну, какой же я тогда для тебя дядя? Всего на пять лет и старше. Зови Боря. Может, почитаешь свои стишки?

– Можно, – солидно ответил Петя, порадовавшись, что к постоянному его слушателю Цезарю прибавился еще один. – Вот… Однажды, когда снегу много упало, я из лесу вышел. Был сильный мороз. По полю так много зайчишек скакало, похожих на белых и маленьких коз. Я снял ружьецо…

Борис раскрыл книгу.

– Погляжу, на какой странице.

– На двадцать первой, – подсказал мальчик. – А что такого? Слова-то другие!

Они разговорились. Боря уже не казался смешным с прилепкой на носу. Он помнил много интересных сказок. Рассказывал про корабли с алыми парусами, про смелых моряков, берущих на абордаж черные испанские галионы. А потом его корабли поплыли по небу, и вели их капитаны с русскими именами Виктор, Коля, Миша. И они попали в западню между облаками, похожими на драконов. Из пастей чудовищ вырвалось пламя, и стал кипящим холодный голубой океан…

Петя забрался к Борису на топчан и прилег в ногах. Незаметно шло время. Цезарь, поводя ушами, прислушивался к печальному голосу рассказчика и несколько раз подходил к топчану, но гладить себя Борису не давал, отскакивал в сторону и скалил клыки.

– Мама умерла, папу застрелили фрицы в Федосеевке, – поведал Борису Петя. – Взял меня дедушка, когда Цезарь был совсем-совсем маленький.

Петя видел: Боря его больше не слушает. Он смотрел куда-то в угол, и щека у него подергивалась, отчего левый глаз подмаргивал, из него выпала слеза, потом другая. Он придержал щеку рукой и разбередил царапину. На ее нижнем краешке надувалась красная капелька.

– Что-то дедушка долго не идет, – затосковал мальчик.

А Боря вдруг тягуче и грустно сказал:

Прошла рифы и мели моя бригантина,
И остался за тучей грохочущий ад.
Прости, мама, за все неразумного сына,
Может быть, он вернется назад…

* * *

Евсеич сидел в землянке комиссара партизанского отряда. Напротив, через стол, курил трубку черноусый мужик в немецкой шинели без погон. На столе – три кружки с чаем. Комиссар, в роговых очках, среднего роста, кряжистый, в защитной гимнастерке, перетянутой портупеей, расхаживал по землянке большими неторопливыми шагами. Остановившись, он досадливо поморщился и разогнал клубы дыма около лица.

– Хватит коптить!

Черноусый выбил о каблук трубку, затоптал тлеющие табачинки.

– И все-таки я остаюсь при своем мнении! Комсомольский билет может быть хорошей липой, и только! Да и не положено их брать в такой полет! – горячо сказал он.

– Парень поведал, где лежал его планер. Привез патроны и сгущенное молоко. Он все вытащил и сховал в овраге. Планер спалил.

– Ты еще не знаешь, какие немцы артисты! – оборвал Евсеича черноусый. – И костерок тебе разведут, и крылышки туда какие-нибудь подсунут, и даже раскошелятся на молочко. У них американское тоже имеется!

– Не кричи, Звездочет. – Комиссар посмотрел на часы. – Сеанс радиосвязи закончился, пойди принеси ответ на наш запрос.

Черноусый вышел.

Дверь землянки несмело открыла девушка.

– Входи….

Девушка поднесла на вытянутых руках и положила на стол комплект обмундирования итальянского солдата. На петлицах кителя и на пилотке эмблемы – белый аист.

– Вычистили, погладили, товарищ комиссар.

– Спасибо! – И когда за девушкой прикрылась дверь, комиссар снял очки, протер их полой гимнастерки и сказал: – Жаль, не увижу твоего гостя, Евсеич. Дела!.. Говоришь, паренек из Саратова? Как хотелось бы встретиться с ним! Ведь это мой город, Евсеич! Да и в нашем отряде много саратовских водохлебов, формировались там, а в этих лесах часть попала в окружение. Жена моя, дочурка и сын Вовка в Саратове живут. Сын, наверное, уже в армии – летчиком хотел стать. И моряком. И кавалеристом. Понимаешь, Евсеич, бурка ему и черкеска с газырями нравилась. А потом фамилия-то у нас казацкая, с Дону… Так вот, насчет твоего паренька. Совсем недавно мы выловили провокатора с очень похожей легендой: отбившийся от своих десантник. Проверяли! Запрашивали у Большой земли фамилию и словесный портрет. Все сходилось! А в конце концов он провалил целый отряд. Каких людей загубил!

Вошел черноусый, протянул листок. Комиссар прочитал! вслух: «На ваш запрос. Сержант Романовский принимал участие в транспортном полете на базу отряда «Родина». Для точного опознания спросите, что такое «На абордаж»? Правильный ответ: «Название сатирического приложения к одной из стенных газет планерной авиашколы»…

– Ну, что думает Звездочет? – обратился он к черноусому.

– Г-мм… Представим, он правильно ответит. А вот время его ходки к нам – темное пятно. Мог побывать в немецких лапах, а там не шутят! Там крепко щупают и зря не отпускают! Надо проследить его тропку от Глиняного оврага. Ну-ка еще раз уточни, дед, через какие пункты он шел?

Евсеич повторил.

– Быстро не управимся, колесил здорово… – бормотал черноусый, рассматривая карту на столе.

– «На абордаж», – вспомнив радиограмму, улыбнулся комиссар. – Так, говоришь, Евсеич, и подрывное дело знает твой пират?

– Грит, американские, немецкие, итальянские и всякие другие штукенции разбирал и пробовал.

– Не забудь спросить про газету-то, старик. Только так, вскользь, за чайком, что ли! – подсказал черноусый.

– Ладно, отстань, – сказал комиссар. – Как в Федосеевке дела, Евсеич?

– Аким грит, расчистили немцы за селом полигон. Поганое место! В бумажке, что я принес, он все описывает. На аэродроме самолетов прибыло. Ну и про планериста того, что Штрум приваживает, сообщал. Пока держится хлопец.

– Петьку пореже посылай к Акиму, береги мальца! Читает он мою книжку?

– Наизусть шпарит и сам стишаты плетет, – довольно ухмыльнулся дед.

– Ну, иди, Евсеич, путь неблизкий, иди! – протянул руку комиссар. – Чайком так и не побаловался, но ничего, если встретимся, пельменями угощу!

– Спасибочко! Прощевай, Максим, и тебе добра, Звездочет!

– И поглядывай, дед! Понял? – вслед сказал черноусый. – Око, око не закрывай!

…Следующей ночью к избушке лесника подошел человек. Цезарь был снаружи, но не лаял. На стук в окно из избы вышел Евсеич. Он переговорил с пришельцем, и тот растворился в темноте леса. Вернувшись в избушку, Евсеич сказал:

– Тебя, Борис, приказано отправить на первый кордон. Недалече, но спокойней. Пока поживешь, а с оказией на Большую землю… Нам, Петро, тоже сматываться отсюдова надо. Злобствует поганый Штрум. Завтра по утряночке все вместе и двинемся.

Полигон

Придумав подрывную площадку при полигоне, Штрум поспешил доложить о своей идее высшему командованию. Идею одобрили. По этому поводу Штрум устроил ужин для подчиненных офицеров, на котором хвастался: «Буйвол долго не протянет, если на спину ему посадить костлявую!»

За один день близ полигона расчистили снег, огородили площадку колючей проволокой и стали свозить неразорвавшиеся бомбы. Разложив несколько таких снарядов на площадке, Штрум направил к ним военнопленных, которые не поддавались даже допросам третьей степени, утаивая, по его мнению, очень ценные сведения. Пленный красноармеец или партизан с баночкой керосина, молотком и зубилом в руках приседал около бомбы и бил по боковине взрывателя, пока не поддастся заржавленная резьба или у опушки леса на флагштоке не поднимется белое полотнище – знак прекращения работ.

В первый же день произошло два взрыва, а через неделю их было уже двенадцать.

* * *

На сигнальной мачте полигона затрепыхался белый флаг. В сопровождении ефрейтора Крица и автоматчика Михаил Кроткий ступил за колючую ограду площадки. Преодолевая озноб, он поднял воротник и засунул холодные ладони в рукава шинели. Прерывистая поземка посвистывала, поднималась около воронок, белая осыпь запутывалась в рыжих клочках волос, торчавших из-под слабо замотанных бинтов. Желтую полоску бровей не прикрывала повязка на лбу, левый глаз спрятался под сине-зеленым оплывом, правый смотрел угрюмо. Штрум обещал не бить «телёнка», но потом передумал и приказал «поучить» его. Кроткий ступал неторопливо, оставляя за собой глубокий рубчатый след на занесенной снегом тропинке. Пленные, побросав работу, легли на снег, только у одной воронки верхом на авиабомбе сидел молодой красноармеец с петлицами артиллериста.

– Откуда, браток? – обратился он к Кроткому

– С неба. Раненого взяли.

– Как там? А? – заискрились глаза артиллериста.

– Ну, ты, морда, замолкни! – гаркнул ефрейтор.

Пленный схватил пригоршню снега, проглотил ее, сладко причмокнул и занес тяжелый молоток над головкой взрывателя бомбы.

– Будешь орать, гад, подниму твою душонку вон к той тучке! Как там? – снова спросил он.

– Недолго, друг…

– Форверст! – толкнул Кроткого в спину автоматчик. – Шнель! Шнель!

– Скоро услышишь своих, артиллерист!

– Болтать ты горазд, посмотрим, каков в работе! – съехидничал ефрейтор и показал на пятисоткилограммовый фугас. – Вот! К вечеру должен отвинтить его жало. Кстати, он с балансиром, так что обнимешься с богом раньше, чем тебе хочется!

Кроткий, не собираясь работать, посматривал на ржавое полузасыпанное грязным снегом сигарообразное тело бомбы и не заметил, как после ухода немцев с реи упал белый флаг. Над головой свистнули пули из сторожевого дзота.

– Рано помирать собрался, браток! Стучи, – услышал он крик соседа, – а то скосят за милую душу.

Кроткий присел у бомбы, взялся за молоток и зубило.

– Она ж с балансиром, вдарь – и часовой механизм заработает!

– Хрен с ним! Ушко прикладывай, затикает – вон сколько укрытий, – кивнул на ямы артиллерист. – Сверху вниз бей, а не продольно. Везли же ее сюда, не боялись!

– Работаешь на совесть?

– Второй день вкалываю. Вчера не отвинтил, измордовали и жрать не дали. Ты делай удар по гайке взрывателя и два удара по резьбе для предохранительной крыльчатки. За это тебе, конечно, врежут, но бомбу испортишь. У них сейчас туго с этими гостинцами. И не вставай с места, убьют!

К вечеру сильный ветер понес колючий снег параллельно земле. За метелью скрылся из вида сторожевой дзот. Кроткий натёр керосином руки, но задубевшие пальцы все равно отказывались сгибаться, тогда он отбросил в. сторону обжигающее холодом зубило, плюнул, поднялся и неуклюже затоптался, замахал руками, согревая одеревеневшее тело.

Так он плясал с полминуты. Жесткий удар в спину сшиб его, перебросил через фугас в воронку, где он услышал громовой раскат, и сверху на голову шмякнулись два больших кома мокрой земли.

Помедлив, Кроткий выполз по сыпучему снегу наверх. На краю воронки стоял артиллерист, мял в руках шапку. Снег сек его лицо и быстро таял на впалых заветренных щеках.

– Бомба ахнула в двухстах метрах, – сказал он. – Там работал тоже летчик.

Затарахтел, прожег метель желтоватой трассой крупнокалиберный пулемет из дзота, красная ракета врезалась в молочное небо. Разрывая вихрящуюся белизну, бежали солдаты. Их гортанные крики тушил ветер. Пленных собрали в кучу, погнали в барак на окраину Федосеевки.

Барак – бывший коровник. Густой запах прелой соломы и навоза вырвался из темного проема открытых ворот. Входили, держась друг за друга. В коровнике темь. Подталкиваемый сзади Кроткий споткнулся и упал на колени. Услышал голос: «Ползи вправо». Не в силах встать, он на четвереньках продвинулся немного, нащупал солому и опрокинулся на спину. «Ну, вот мы и в стойле!» – сказал тот же голос. Кроткий вытянул ноги, закрыл глаза и сразу уснул. Потревожил артиллерист.

– На кормежку, браток! Бифштекс с жареным лучком и кофю подают!

Между стойлами ходил солдат, зажигал фонари «летучая мышь». Второй у входа наблюдал за пленными, держа автомат на изготовку. Рядом в черном кожухе, отделанном по краям серебристым каракулем, стоял переводчик, ефрейтор Криц.

Заложив руки за спину, он исподлобья посматривал на оборванных, грязных людей, жадно поедающих коричневую бурду. Выждал, пока облизанные миски и котелки сложили в стопку у двери, ткнул пальцем в одного из пленных.

– Вот ты со мной, живо!

– После каждого взрыва Штрум проверяет нашу психику, – криво усмехнулся артиллерист. – Особенно достается пацанам, таким, как ты, летун.

– Не дерзи, дядя, – предупредил Кроткий.

– Ух ты, мухты-почемухты, сохранился еще дух-то! – засмеялся артиллерист. – Тогда ничего, тогда покоптишь небушко! А вчера один не вернулся.

– Убило?

– Зачем? Сам взорвешься. Не вернулся, значит продался. Чу! Топают!

Сначала в дверь влетел военнопленный и растянулся на полу, за ним солдат. Ефрейтор вошел последним. Высмотрев Кроткого, сказал:

– На допрос. Быстрей!

Перед последним звонком

Оберштурмфюрер Штрум после бессонной ночи дремал в кресле. Ныли костяшки пальцев, разбитые о лица упрямых смертников. Мычат, а должны визжать, свиньи! Не спалось, конечно, из-за другого. Уж больно распоясались лесные бандиты. Плодятся не по дням, а по часам. Вооружаются. Подбираются к горлу. И на фронте не светит: пришлось вернуть коммунистам Воронеж, Касторную, Элисту, Армавир, Майкоп и много других городов по всему фронту. Если так будет продолжаться – скоро последний звонок!

И, будто подтверждая его мысли, затрещал телефон. Штрум вздрогнул, вскочил.

– Да-а! – пробурчал он в телефонную трубку, протирая глаза. – Слушаю, господин штандартенфюрер! Вы чем-то озабочены?

– На нашу долю не выпало еще счастья быть благодушным, – отвечала трубка. – Но к делу!

– Слушаю! – вытянулся у стола Штрум.

– Есть указание верховного командования о сборе всех карательных отрядов в районе Гомеля. С лесовиками пора кончать. С фронта нам подбросят некоторые воинские части;.

Пора кончать! Давно пора. Уже несколько раз солдаты Штрума, усиленные батальонами жандармов и полицаями, пытались громить партизанские отряды. Были крупные победы, восторженные реляции, ящики с медалями и крестами для солдат. Но очень многие получили берёзовые кресты. Отряд «Свобода» дважды уничтожали почти до последнего человека, вешали даже женщин и детей из обоза, а через месяц сотня партизан сбила охранный взвод арсенала в райцентре Дорочки и вывезла все оружие. С развороченного конька крыши склада боеприпасов был снят тяжело раненный партизан, почти мальчишка. Он ушел на тот свет, не приходя в сознание, но из бреда поняли: раненый – партизан бригады «Свобода». Бригады! Это случилось не так давно, но Штруму казалось, что со времени его блестящих побед прошла вечность. Если раньше он прочесывал лес походя, солдаты шли туда со смехом, шуточками, то теперь солдаты требовали шнапса, совались в лес только поддержанные бронечастями и артиллерией. Если раньше красных обкладывали батальоном обычного численного состава, то теперь Штрум чувствовал себя окруженным со всех сторон.

Трясла по ночам лихорадка неуверенности, и поэтому он решился слегка возразить начальству:

– Вопрос мы решаем не в первый раз.

– Надеюсь, в последний.

– Ясно!

– Когда прижмешь осу, она жалит. Надо принять кое-какие меры. Исполнение поручаю лично вам.

– Слушаю!

– Усильте охрану аэродрома и подъездных путей. Выньте из своего носа занозу.

– Понял! Этот отряд…

– Вчера у вас было жарко. Вы не доложили.

– Простите, не успел. На седьмом километре подорван эшелон с горючим, в Дмитровке повешен староста.

– Плохо! Скверно работаете, Штрум!

Штрум позеленел. Хорошо штандартенфюреру сидеть в Гомеле под охраной полка СС и давать указания по телефонной ниточке. Чтоб дотянуться до его горла, рука красных должна быть длиной в сотню километров. А здесь невидимая намыленная петля все время витает у двери.

Черта с два – невидимая! Староста из Дмитровки, наверное, успел ее разглядеть. Вот уж полгода Штрум держит аэродром бомбардировочной авиации и… «плохо работаете!»

– Я стараюсь, гос..

– Помолчите! Как действует ваш полигон?

– Мы дали на аэродромные склады восемьдесят бомб, годных к употреблению.

– Если будет необходимость, полигон уничтожьте!

– Сделаю, – неохотно ответил Штрум.

– Пленных ликвидировать! Неразряженные бомбы взорвать!

В жарко натопленной хате жужжала муха. Она покрутилась у потолка и села на стол.

– Хоп! – накрыл ее ладонью Штрум.

– Почему молчите, Штрум? – гремела трубка.

– Не надо тратить патроны, господин штандартенфюрер… Пленных загнать в штабели бомб и… – Штрум выразительно щелкнул пальцами.

– Смотрите сами, – не очень уверенно вырвалось из трубки. – Ваши замыслы на ближайшие дни? Я имею в виду акции против партизан.

– Пока не подойдут части, действую по известному вам плану. С начала месяца засылаю в лес егерей-снайперов по два-три человека. Очищаю…

– Ладно. Докладывайте. С богом! – Из трубки послышался длинный гудок.

Штрум облегченно вздохнул, сел, откинулся на спинку кресла.

На кордоне

В покосившейся бревенчатой избе, построенной лесорубами еще до семнадцатого года и подновленной партизанами, топилась печь. В цинковый патронный ящик налили бензин, смешанный с маслом, и подожгли. Смесь долго и жарко горит. Прямо на полу, застланном еловыми лапами, сухими листьями и шинелями, спали партизаны.

Борис Романовский сидел на ящике около двери. Перед, ним – трехногий грубо скорченный стол. На столе – разбросанные части пистолета «парабеллум», ручные тиски, напильники, молоточек. Рядом светильник из медной гильзы зенитного снаряда. Холодный воздух из-под двери шел парком. Унты Бориса покрылись инеем. Он задумался, остановив взгляд на сосновых бревнах домика. Вздрагивало пламя, и крупентчатая янтарная смола на лесинах отливала золотом. Худое землистое лицо Бориса было сумрачным. Опустив глаза, он взял надфиль и тиски с зажатым в них бойком, зябко поежился под кожухом.

Из угла домика донесся шепот.

– Не спишь, Петя? – спросил Борис.

– Еще сочинил. – Петя сбросил шинель с головы, встал, осторожно перешагнул через спящих, подошел к столу. На стене заколыхалась косматая тень от его головы. Борис положил руку на остренькое плечо мальчика:

– Стихи – это здорово, Петушок. Выгоним фрицев с нашей земли, и дяди, которые печатают газеты и журналы, будут просить у тебя: «Петр Иванович, что-нибудь из фронтовых, пожалуйста!..» Пиши. Не пропадет.

За дверью хрустнул снег под ногами караульного, следом мягкая поступь собаки. Петя, сонно улыбнувшись, потерся щекой о плечо Бориса и пошел на свое место, снова закутался в шинель.

В слюдяное окошко влезал рассвет. Снаружи залаял Цезарь. Возились, кашляли на полу партизаны. Запахло махорочным дымом.

В избу вошел Евсеич. На белом полушубке цветастый женский передник.

– Дежурный!

Борис повернулся к нему.

– Доброе утро, Калистрат Евсеич!

– Не совсем добре… Крупы осталась толика. Бурак готовлю. Лосятины малость… Надо топать в Дмитровку за провиантом.

– Будить ребят?

– Подъем! – тонко заголосил старик. – Вставай, соколики! – И, толкнув одного партизана валенком, вышел за дверь.

Люди поднимались быстро, споро одевались. Евсеич принес котелки с пареной свеклой, расставил их на столе и ящиках с гранатами. Котелок на троих. Перед каждым положил ломтик ржаного хлеба. Снова вышел и вернулся с протвинем. На нем коричневой горкой парили большие куски лосятины. Сочный кусок Евсеич положил на крышку котелка и подставил Борису.

– Пока не буду. Спасибо. Проветрюсь, аппетит нагуляю … – Борис затянул ремнем кожух и вышел. К нему подбежал Цезарь. Овчарка ласково заглядывала в глаза, крутилась у ног.

– Вперед!

Цезарь метнулся на протоптанную тропинку. Шагов через сто она вывела на широкую длинную просеку. Между деревьев, укрытый сосновыми ветками, стоял немецкий истребитель «мессершмитт», случайно захваченный партизанами на месте вынужденной посадки. Сдавшийся без сопротивления пилот показал единственный дефект – рваную пробоину маслорадиатора.

Два дня, вымаливая себе жизнь, пилот подробно рассказывал Борису об особенностях самолета, показывал управление, систему вооружения.

Борис решил попробовать взлететь на «мессершмитте». Рисковые партизаны одобрили затею. Среди них нашелся бывший авиамеханик. Он демонтировал радиатор, увез его в деревню, километров за двадцать от заставы, и привез запаянным. Петя достал красной краски и нарисовал большие неуклюжие звезды на крыльях. Но неожиданно вернулся отсутствующий два дня Евсеич.

– Замарай щас же! – наступал он на внука. – Не хочу я еще одному крест тесать! Замарай!

– Да пусть, – вступился Борис. – Я кружок над лесом сделаю и сяду.

– А ты отойди! Нет моей воли на поднятие!

– Да бросьте, Калистрат Евсеич! – Борис поставил ногу на скобу крыла, собираясь забраться в кабину. Старик придержал его за ремень, сказал негромко:

– Я стрелять буду, парень. Ты запамятовал, что все твои действа только с моего благословения могут стать. О первый пенек нос расквасишь. Да и не летчик ты… ведь на тросу только и могешь.

Борис замер. От обиды кровь прихлынула к лицу. Нога соскользнула с подножки, он потерял равновесие и больно ударился боком об острую кромку крыла. Закрыл глаза, постоял минуту и услышал тихий, участливый голос старика:

– Што, себя хотел спытать?

Евсеич угадал тогда затаенную думу…

Борис подошел к «мессершмитту», залез в кабину. Цезарь прыгнул на крыло, положил лапы на борт.

– Что, Цезарь? – потрепал Борис собаку. – Ведь можно на этом драндулете летать, драться, можно домой. Вот и ржавчина уже, – погладил он ручку управления. – И мы еще полетаем. Махнем к облакам! Так, что ли, добрая душа?

Цезарь взвизгнул и заскреб лапами по обшивке фюзеляжа.

– Не порть самолет, гавкало! – Борис толкнул собаку в мягкую пушистую грудь.

Подбежал запыхавшийся Петя.

– Иду в Федосеевку к Дяде Акиму. Завтра будем пленных освобождать, Боря! – радостно сообщил он, протягивая тетрадочку. – Пусть у тебя пока будет. Ладно?

– Сохраню. Иди спокойно, Петух! Торопись, а то метель разыграется.

Он знал плане освобождения пленных с полигона. Завтра ночью отряд произведет налет на аэродром. Шуму будет много. Все силы немцы подтянут туда. А в это время на другом конце деревни Аким Грицев снимет часового и выведет пленных в условное место.

Провыв ночь, метель утихомирилась под утро. В избушке гремели оружием: чистили винтовки, проверяли автоматы, набивали диски патронами. Борис выбирал из ящика гранаты – ему впервые разрешили участвовать в бою. В полдень все партизаны кордона должны выдвинуться к Федосеевке и там соединиться с основными силами отряда.

Евсеич оставался на базе для подсчета продовольствия, реквизированного этой ночью в Дмитровке со склада полиции. Он сидел за столом и, громко схлебывая, пил чай из блюдечка, поставив его на три крючковатых пальца. Горка крупного сахарного песка покоилась на тряпице, и каждая крупинка, прежде чем исчезнуть во рту Евсеича, осторожно клалась на высунутый язык. Старик пил «вприкуску» и неотрывно глядел в окно на просеку, по которой должен возвратиться внук от Акима Грицева.

Глаза Евсеича посветлели, прищурились, когда в конце просеки показался лыжник. Евсеич встал, ребром ладони протер окно. Петя упруго отталкивался палками, дышал парно, меховые края завязанной шапки покрылись инеем, и курносое лицо румянилось в белом пушистом кольце.

По промерзшим гулким стволам сосен будто щелкнул цыганский кнут. Отзвук рассыпался по лесу падающей дробью. Не доехав до избушки, Петя замер с выдвинутой вперед ногой. Недоумение и боль широко распахнули глаза. Он стоял, и в уголке рта пузырилась слюна, превращаясь в крупную красную горошину. Потом привязанные к рукам палки взметнулись, лыжи стали накрест, мальчик упал.

Евсеич окаменел. Разогнуться, закричать не было сил.

К Пете подбежал часовой. Второй выстрел уложил его рядом с мальчиком.

К двери метнулся партизан-механик. Только он выскочил наружу – хлестнул третий выстрел. Партизан вполз в избу, зажимая ладонью пробитое плечо.

– Оцарапал, стервь!

В избушке затихли, притаились.

– Снайперы, – разомкнул белые губы Евсеич.

– Такой фокус был намедни у соседей. Ох, мать твою! – ругнулся партизан-механик на товарища, перевязывающего ему рану.

В блокированном немецкими снайперами домике два окна и дверь. Одно окно и вход явно простреливались.

– Набьем чучело и проверим второе окно, – предложил Борис.

Партизаны быстро насовали в шинель соломы, привязали шапку к воротнику. Ударом приклада выбили раму и начали медленно высовывать чучело. В лесу тихо. Слышно, как осыпается с верхушек деревьев тяжелая изморозь. «Оживляя» чучело, партизаны ждали минут пять. Выстрелов не было.

– Отсель можно. Дозвольте, сигану? – спросил маленький коренастый партизан и, как мальчишка, шмыгнул носом. На него напялили немецкую каску, сняли гранаты с пояса. Сам он стоял недвижим, позволяя товарищам трудиться над его экипировкой.

– В случае чего не забудьте Нюрку с ребятишками, – попросил он, передернув затвор автомата и без разбега, высунув руки вперед, нырнул в окно. Только он упал в снег, как пуля, срикошетив от стальной каски, впилась в стену внутри избушки. Партизан ужом скользнул в сугроб…

Кровавый шар солнца вылезал из-за леса. Снег на поляне перед домиком розовел.

– Наряды услышали выстрелы и скоро подтянутся сюда.

– Давайте все сразу выскочим, – предложил кто-то.

– Не пойдет! – отрезал Евсеич.

– Петушок, може, жив!

– Не гавкай, я сказал! – Старик яро выпятил глаза на говорившего, потом сник головой и с хрипотцой вымолвил: – Повыше вылезет солнышко, и той кукушке, што держит дверь, дюже плохо глядеть будет. Их две. Углы прицеливают. Примечайте, примечайте, где они сховались.

Из глубины избы партизаны осматривали каждое дерево, каждый куст. Евсеич, сидя на корточках, через открытую дверь сосредоточенно разглядывал группу высоких сосен, особенно одну, с пушистой кроной, старую. С нее можно было обстрелять две стороны избушки. Цезарь лежал рядом с хозяином, навострив уши и поскуливая. Солнце поднялось над лесом, заискрило снег.

– Эх, сплоховал, внучек, сплоховал, – бормотал старик. – Пущаю собаку!

– Положат, – угрюмо откликнулся Борис.

– Она по глухарям сноровиста. А пропадет – не зря. Думка есть, вон в той кудели кукушка хоронится. Черновата сосна промеж других. Пошел, Цезарь!

Собака прыгнула и, пластаясь по снегу, быстро проскочила поляну.

– Гляди! На дубу! – зазвенел молодой голос от окна. – Шевельнулся гад, снег стряхнул. Давай сюда, Евсеич!

– Держи его на глазу, а мы щас и второго уловим, – откликнулся старик, наблюдая за овчаркой.

Цезарь покружился между деревьев, встал под большой сосной и, сдирая когтями кору, бешено залаял. Евсеич протер тряпицей обойму с патронами и загнал ее в магазин снайперской винтовки.

– Ну, внучек, благослови… Пусть кто-нибудь выползает за дверь.

– Зачем?

– Приманить кукушку.

– Так убьет ведь! – вскинулся партизан-механик.

– А ты не бойсь. Солнышко вылезло прямо на него. Он будет целить на ползущего, а я узрю блестку от стекла, возьму чуток вправо и влеплю ему в зенку.

– Узрю-у… Чудишь, старик. Ладно уж, я все равно ранетый! – Механик начал двигаться, но Борис остановил его и лег у порога.

«Самое трудное – первый шаг, первый рывок. Ну же! Ты уже высунулся, и все глядят на тебя! Ты не трус, ты не трус, ты не заяц, Борька!» Механик схватил замешкавшегося Бориса за унт. Унт вырвался из его рук.

– С ума спятил, дед! А если опоздаешь? Вернись, пилот, мы фрица залпом возьмем!

– Возьмешь его за стволом! На дуру рассчитываешь. Ползи, ползи, сынок. Спокойно, словно баштан оббираешь… Ползи, милай… – Евсеич вытер от слезы веко правого глаза и приник к оптическому прицелу. И еще три винтовочных ствола вытянулись к черной сосне, под которой бесилась собака.

Борис полз. Вот он посреди поляны. Его кожух желтым пятном выделялся на снегу. Что было под кожухом, знал только он. Вместо тела большая вздрагивающая мишень. Палец снайпера на спусковом крючке. Палец мягко давит. Снег горячий. Вязкий горячий снег…

– Вернуть его, вернуть, – шевелил губами механик и отсчитывал движения рук пилота: – Четыре, пять, шесть…

Борис полз. Почти автоматически двигались руки и ноги. Раздвигая лицом снег, он чувствовал напряжение сжатой в затворе пружины, стремительный рывок бойка, его удар по капсюлю патрона.

Раздался выстрел.

Борис вздрогнул, почудилось: обожгло спину. Поднял голову, чтоб закричать. С кустистой верхушки сосны, осыпая снег, летело вниз что-то белое. Первый выстрел догнали еще три. Они подстегнули, Борис вскочил, кинулся к упавшему с дерева немецкому снайперу.

Срезая ветки кряжистого дуба, затрещали плотные автоматные очереди. Второй снайпер неуклюже спрыгнул и спрятался за стволом. Мелькнули концы лыж. Из сугроба поднялся маленький партизан в каске. Снайпер, пригнувшись, побежал. Партизан неторопливо прицелился, нажал спуск и удовлетворенно крякнул.

Сильно припадая на левую ногу, Евсеич торопился к внуку. Опередив Бориса, он упал около мальчика, прислонился к его губам, потом суетливо начал искать рану. – Жив?

Евсеич помотал головой, развязал шнурочки и снял с мальчика пробитую пулей ушанку. Борис опустился на колени. Он ласкал холодную голову маленького друга, чувствуя, что не может оторваться от смерзшихся окровавленных волос. Щекой приник к восковому лицу и замер.

Солнце, скользнув в проем набежавших облаков, смахнуло с леса густую синеву. Высоко в небе по-волчьи выли транспортные «юнкерсы». Редкой цепочкой они шли на восток.

Борис поднялся. Никто не заметил, как он отошел. Вскоре его скрыли деревья. Он медленно брел, натыкаясь на стволы. Ветки орешника ощупывали плечи, бросались снегом. Снег таял на лице, освежал. Борис продрался сквозь орешник, вышел к теплому ручью. Прозрачная струя крутилась в обмерзших, оледенелых камнях. В струе отражалось небо. Его можно было схватить горячими губами, попробовать на вкус, вдохнуть запах. Тогда закрепится вера, что страху он больше неподвластен… Борис упал на колени и жадно глотнул воду.

Пяти шагов не дошел Петя до избушки. Но весть от Акима Грицева, спрятанная у сердца мальчика, нашла адресата…

В пороховом погребе

С помощью артиллериста Михаил Кроткий утром еле вышел на полигон. А ближе к полудню на рее дзота взвился белый флаг. Продолжая постукивать заостренным концом молотка по боеголовке бомбы, Кроткий не заметил подошедшего ефрейтора Крица с солдатом. Криц остановился позади артиллериста и, покручивая в пальцах винтовочный шомпол, подмигнул солдату:

– Старается!

– Ха-ха-ха! – загремел солдат, откинув голову и выпятив живот.

– Встать, русская свинья! – заорал Криц по-немецки. – Ты забыл о почтении, шкура!

Артиллерист поднялся с корточек и равнодушно уставился вдаль.

Криц орал в том же тоне, но уже по-русски:

– Все сорвалось. Леса обложили каратели. Связь с бригадой прервана. До завтрашней ночи ждать нельзя. Под утро полигон взорвут… Молчишь? – перешел на немецкий. – Я тебе покажу-у! – И с размаху обжег спину артиллериста шомполом. – Работать, немедленно работать!

Кроткий застыл с поднятым молотком. Артиллерист сел, взял в руки инструмент.

– Не горюй. Как стемнеет, готовьтесь к побегу, – ворчал по-русски Криц. – Есть выход.

Он отошел от артиллериста, накричал на Кроткого и не спеша, с достоинством удалился. Михаил Кроткий удивленно смотрел ему вслед.

– Пушкарь, разжуй мне… Кто этот оборотень?

– Не понял? Наш он. Аким Грицев.

– А почему Криц?

– Так немцам легче и приятнее выговаривать.

Ночью в бараке не спали. Прислушивались к каждому шороху на улице, к неторопливому шагу часового. Окрик. Разговор. Приглушенный стон. Вошел Аким Грицев с автоматом и винтовкой в руках. Все повскакали с соломы, окружили его.

– Готовы? – И, подняв руку, он приглушил быстрый ответ:

– Артиллерист, возьми винтовку. Тебя, кажется, взяли в Дмитровке?

– Точно, браток.

– Значит, окрестности знакомы… Поведешь группу. В Дмитровку не заходить: там воинская часть. Идите к фронту, сейчас это менее опасный путь. Вот немного харчей, – протянул он противогазную сумку. – И еще весть на дорогу: позавчера фельдмаршал Паулюс бросил оружие в Сталинграде! Прикончили там немчуру!

– Ур-ра!

– Тише! Ти-ше, говорю!

– Есть, браток! Дай я тебя расцелую… Пошли, ребята!

Аким повернулся к Кроткому:

– Над тобой здорово поработали, парень. Душа-то держится? Обузой будешь ребятам в походе, а задержатся из-за тебя – значит, погибнут. Парашютом управлять умеешь?

– Двенадцать прыжков.

– Тогда… – Аким понизил голос до шепота и что-то Кроткому объяснил. – Понимаешь?

– Когда он летит?

– С рассветом.

– Согласен! Но нельзя ли как-нибудь передать «привет» Штруму?

– На этот счет я получил приказ, недолго жить гаду! Пошли. – И Аким взял Кроткого под руку. – Что… сам? Крепок ты, медведь!

Кроткий вышел из барака, вдохнул свежий морозный воздух, увидел звезды, чистые, яркие, и еще раз глубоко вздохнул. Свобода! Следуя за Акимом, он прятался в тени от домов и быстро перебегал серебристые лунные дорожки.

* * *

– Тише! Здесь ползком. Нас ждут у самолета вон в той будке.

Полз Кроткий трудно, ныла отбитая грудь, вывернутая в плече рука плохо слушалась, он сильно подгребал только правой и отталкивался ногами, тихонечко постанывая.

Они ползли от околицы деревни по аэродрому к стоянке самолетов, пытаясь слиться с желто-черным снегом. По стоянке шарил луч прожектора, будто подметая ее, вычерчивая китообразные силуэты «Хейнкелей-111».

– Бегом! – приказал Грицев, когда луч уполз в сторону.

Они рванулись к ящику из-под авиадвигателя, превращенного в будку для мотористов. Юркнули в маленькую дверь. Их встретил шепот:

– Аким?

– Мы. Как дела?

– Часовой на том конце стоянки. Подвижный пост еще не выходил из караулки. Провода от электромотора мы вывели наружу.

– Одежка?

– Есть.

Михаилу Кроткому дали отдышаться, сунули в руки ватный комбинезон и эрзац-валенки с портянками из шинельного сукна. Он переоделся в темноте, затянул на плечах лямки маленького пилотского парашюта.

– Готов? – ощупал его Грицев. – Пошли!

Проклиная луну и служаку-прожектористa, они выждали удобный момент и перебежали к ближайшему самолету.

Под широкими крыльями «хейнкеля» – густая темнота. Моторист покопался у выступа кабины нижнего стрелка, нашел концы проводов, скрутил их одним витком. Тихое жужжание электромотора внутри фюзеляжа пригнуло Кроткого к земле, но он сразу выпрямился.

– Иди сюда. Полезай. Удержишься? – В карман Кроткому сунули кусачки. – Не вырони, перекусишь тросы.

Три полутонные бомбы прощупал над собой Михаил Кроткий. Ухватился за среднюю. Холод от нее жег кожу. Ныли мышцы разбитого плеча, слабли кисти.

– Упаду, хлопцы!

Плечами его приподняли, поддержали.

– Зацепись ногой!

Тихо заворчал электромоторчик. Створки бомболюка пошли вверх, мягко придавили спину.

– Счастливо добраться! – услышал он голос Грицева.

– До встречи, други!

Теперь он лежал в металлических листах бомболюка, слегка прижатый ими к сигаре, начиненной тротилом. Попробовал развести руки. Дотянулся до ветрянок средней и правой бомб, пощупал тросики предохранительных чек. Передвинулся влево. Коченеющие пальцы скользнули по округлости третьей бомбы: предохранителя на боеголовке не было, ладонь лежала на оголенном диске взрывателя. Это была бомба с «полигона смерти», может быть, одна из тех, на которых сам Кроткий испортил резьбу. Он с силой дернулся, стараясь повернуться на живот. Боль во всем теле отрезвила. «Эх, забыли про варежки!» – подумал и засунул в рот ледяные кончики пальцев…

Под медленными, неторопливыми шагами заскрипел снег. Выждав несколько минут, томительных и долгих, в которые хочется стать маленьким, как мышь, Кроткий устроился поудобней, спрятал руки в карманы и затих. Комбинезон еще сохранял тепло, его нужно было использовать для отдыха. Разные мысли лезли в гудящую голову, больно стучали в висках, и, чтобы отогнать их, он начал считать про себя: «…шесть, семь, восемь… Дошел ли тогда Вовка? Спать! Сорок, сорок один… Вовка бы сказал: „Ты хорошо устроился, Боцман, в трюме на пороховых бочках!“ Спать! Двес… Опять шаги часового. Сбился со счета! Надо снова: раз, два, три… Спать! Спать! Спа…»

Послышалась команда запуска моторов. Будто ток прошел от дрогнувших век до застывших пяток Кроткого. Открытые глаза выхватили светлый бок бомбы. Около самолета слышалась гортанная речь, тарахтел, удаляясь, мотор автомашины, с металлическим скрежетом захлопнулся люк фюзеляжа. Заверещал стартер. Кроткий отважился пошевелиться. Тело казалось чужим, пальцы рук и ног одеревенели. Восстанавливая кровообращение, он согнул ногу и зацепил валенком за обшивку. От этого еле слышного звука что-то холодное и пустое подкатило к груди, как на качелях, резко летящих вниз. Сердце, громко стукнув, затихло…

В это время Аким Грицев, заночевавший в караулке, вышел на улицу и увидел грузовик с четырьмя эсэсовцами. Машина, резко тормознув, встала у аэродромных ворот, солдаты остались в кузове, а из кабины выскочил Штрум.

– Открывай!

– Пропуск? – спросил часовой.

– Я тебе дам пропуск, дурак! – Штрум оттолкнул солдата и схватился за веревку шлагбаума.

«Неужели пронюхал? Откуда? А если моторист? Да нет – верный парень! Может быть, поймали кого-нибудь из бежавших, и тот слышал наш разговор с планеристом?» Аким взглянул на гудевший моторами самолет, на Штрума, явно рвущегося на стартовый командный пункт. «Кажется, настало время исполнить приговор штаба бригады», – и Аким поднял автомат. От первого выхлеста огня Штрум охнул, схватился за живот, сел к колесу и обхватил его руками. Аким повел стволом в сторону самолета. Пули запели выше застекленной кабины, одна пробила форточку. Испуганный пилот рывком двинул вперед сектор газа, стараясь быст-

рее подняться в небо. Выпустив последние пули в солдат, Аким метнулся за угол караулки, но из окна хлестнул одиночный выстрел. Аким с простреленной грудью упал…

Моторы взвыли, и самолет резко качнуло вперед. Движение воздуха очистило бомболюк. Михаил Кроткий глубоко вздохнул, энергично заворочался. Дрожь обшивки стала мельче. Инстинкт авиатора подсказал: еще усилие – и крылья лягут на воздух.

Кроткий ворочался, превозмогая боль. Ногам стало лучше, пальцы рук пришлось покусать, чтобы заставить их подчиняться. В бомболюке запахло сыростью.

Прячась за тучами, тяжелый бомбардировщик крался к русскому городу, скрывая под коричневой скорлупой тонну взрывчатки.

Два заиндевевших цилиндра не страшны. Их тросики, идущие к чекам предохранительных ветрянок, легко перекусить, и тогда взрыватели не сработают. А что делать с третьей бомбой? У нее нет предохранителя, и легкое касание земли вызовет взрыв. Вот если сейчас ударить кулаком, даже кулаком, все полетит к черту в преисподнюю!

Михаил Кроткий вынул из кармана кусачки и перекусил тросы к предохранительным чекам двух бомб. Теперь они – железные болванки. Он протянул руки вдоль туловища, давая возможность крови притечь к пальцам.

Говорят, в минуты опасности вспоминается прошлая жизнь. У кого как. Михаил Кроткий мысленно редко возвращался далеко назад. А если и вспоминал, то прежде всего вечно небритую рожу колхозного учетчика Вьюна.

Все Кроткие были добросовестными крестьянами. Отец Тарас долго цеплялся за единоличное хозяйство, прижимист был мужик, поздно вступил в колхоз, но, вступив, сразу посчитал колхозное добро своим и приумножал его изо всех сил. Еще мальчишкой Михаил постиг секреты хлебороба. Он по комку в руке чувствовал наливную мощь земли, по металлическому шелесту колосьев определял спелость овса и ржи. Знал, что, если шишки репейника расправляют свои крючки, на листьях конского каштана появляются «слезы» и лес шумит без ветра, – быть дождю. К вёдру распускаются цветы вьюнка, вечерний лес становится теплее поля. Поле он любил. Особенно в страду. Здесь можно было показать ловкость, силу, сметку, можно было стать первым. А честолюбия всем Кротким не занимать. Если уж в газете появлялся портрет кого-нибудь из членов семьи, то он аккуратно вырезался, вывешивался на видное место в хате и не снимался, пока его полностью не засиживали мухи.

В поле можно было и отдохнуть, забравшись на верхушку пахучего стога. Впрочем, не по годам рослого Михаила и там находили разбитные девчата, у которых с призывным звоном рельса на ужин, казалось, пропадала усталость.

Учился Михаил неважно. Арифметики не любил. Грамматика давалась с трудом. Усидчивость и упрямство кое-как помогли ему перейти в седьмой класс. В восьмой он уже не пошел. Отец старался воздействовать кулаками. Михаил отворачивался, а когда надоедало терпеть, осторожно брал батю в охапку, относил в конюшню и ставил перед старым жеребцом Тютюном. При виде тощего коняги, свидетеля славных боевых лет, отец становился добрей и только ругал «бисова сына» нехорошими словами.

В первые дни войны Михаила призвали в армию. Через полгода его нашло письмо из Оренбурга, куда ушли с Украины родственники. Весть была тяжелой: старого Тараса повесил бывший учетчик колхоза полицай Вьюн, мать умерла, выбираясь с родственниками из немецкой неволи.

Поганый Вьюн!.. Самолет с воем прорывался сквозь облака, и штурман уже, наверное, рассчитывал боевой курс.

Кроткий протиснулся в левую часть бомболюка. «Трюм явно маловат для моей казенной части, но я достану тебя, жаба!» Он нащупал паз между ударным диском, похожим на большую пуговицу, и корпусом взрывателя. Если заклинить паз, ударник, соединенный с диском, не разобьет детонатор.

Окончив дело, он почувствовал, как ледяной ветер, гуляя по его убежищу, жжет мокрое от пота лицо, лезет за шиворот.

Луч яркого дневного света скользнул в бомболюк. Светлая полоса медленно ширилась. На головке бомбы под ворсом инея Кроткий разглядел большое ржавое пятно. Росинкой сверкнул перекушенный обрез тросика. Михаила Кроткого потянуло набок, и он механически схватился за корпус бомбы. Осветились все темные уголки. Он еще крепче ухватился за бомбу и будто оторвал ее. Лениво колыхнувшись, она пошла вниз.

Над головой промелькнуло грязно-серое брюхо «хейнкеля». Самолет как-то странно перевернулся, и Кроткий увидел землю. В то же время он конвульсивно оттолкнулся. Острый стабилизатор бомбы вильнул у лица. Свободное падение продолжалось недолго, ровно столько, чтобы бомба ушла подальше.

Рука нащупала вытяжное кольцо парашюта. После гула самолета давила странная тишина. Невдалеке круглились облачка зенитных разрывов с прожилками огня.

Что-то прорвалось в ушах, и небо загрохотало. Кроткий несся к земле. Он падал на город, почти в центр его. Горошины-домики превращались в квадраты, вытягивались цепочкой. Тело рванул раскрывшийся купол парашюта. Маленький, из красного шелка, он раскрылся грибком. От динамического удара слетели эрзац-валенки. Но это уже пустяк. Есть ли что-нибудь теплее родной земли!

К родному берегу

– Планеристам готовиться к отъезду! На сборы двадцать минут! В третий отряд! Шмотки в сани! – кричал дежурный партизан, обходя землянки.

Лес окутывали сумерки. Планеристы до наступления сплошной темноты торопились сдать автоматы и пистолеты на склад бригады. Оружие оставляли партизанам. Пилоты прощались с товарищами, дружба с которыми завязалась под разрывами немецких мин, в дерзких рейдах по гитлеровским тылам. Ломались, как спички, мосты, черные грибы дыма поднимались над нефтехранилищами, приводились в исполнение приговоры над предателями, спасались от фашистской злобы советские люди. Ко многим ратным делам народных мстителей приложили свои руки и пилоты. И вот настал час, когда по приказу с Большой земли их собрали на полевом аэродроме одного из отрядов, чтобы отвезти домой. Возвращались не все. Над погибшими не было обелисков, а иногда и земляного холмика, толстый слой снега хранил тайну их могил. На авиабазу передавались комсомольские билеты, и к каждому из них командир бригады приложил скромную партизанскую медаль.

Владимир Донсков ехал на розвальнях с тремя товарищами. Лошадью правил разведчик по прозвищу Звездочет. Он попыхивал цигаркой, и крупная махра, раскаляясь во время затяжек, освещала жгут его толстого черного уса.

– Большая Медведица! – мечтательно произнес он, поглядывая на небо. – Раньше она на меня грусть наводила, в пруду колхозном отражалась серебряными пуговицами, и не поймешь порой, то ли она блещет, то ли карась от озорства спину выгибает, играет, бесенок. А сейчас… Ведь что делают с людьми, паразиты! Кто я был раньше? Добрейшей души человек! Жена меня даже хмельного не боялась, ни одна деревенская шавка на меня не тявкала, я в жисть курицы не зарезал, а если видел, как ей голову отрывают, есть мяса не мог. А теперь лютость из меня прет, рубаху разрывает.

Недавно фрица мы захомутали, он, паскуда, со злости плюнул мне на сапог. Так я его вмиг продырявил!.. Вот от должности отстранили, в обоз отправили. И правильно. Необыкновенно нужный был фриц! Ти-ихо! – И усач выбросил цигарку в снег.

По редкому подлеску они объезжали большую поляну. Ездовой спрыгнул на снег, вел лошадь на короткой узде: если лошадь заржет, крепкая рука зажмет ей храп. Монотонно

поскрипывали полозья. Тяжело дышал в оглоблях немецкий битюг, еще не привыкший к партизанским условиям. Хрустнула неосторожно задетая промерзшая ветка.

Миновали поляну, и усач снова вскочил на облучок.

– Осталось версты три, ребята, и приедем к нам. У меня просьбица. Разрешил комиссар по письму сочинить. Написал я, да много что-то листков получилось, цельный блокнот трофейный исчеркал. Не возьмет ли кто из вас? Дома запакуете поудобней и сунете в почтовый ящик или еще как там…

– Давай, дядя, – сказал Донсков. Усач покопался в недрах своего тулупа и протянул ему объемистый пакет.

При подъезде к полевому аэродрому их остановили, прощупали всех фонариками, приказали вылезти из саней, идти пешком. По узеньким тропкам, в затылок друг другу, они шли минут сорок, пока не услышали громкий, не таившийся голос:

– Э-эй! Поворачивай на огонек! – И в темном воздухе закачался фонарь.

Их окружили люди, подходили близко, рассматривали лица. Одно, круглое, беловатое, возникло перед Донсковым, помаячило и вдруг радостно воскликнуло хриплым баритончиком:

– Вовка! Друг! Живой!

Узнал Донсков голос. Узнал, крепко обнял Бориса Романовского, прижался губами к его холодной колючей щеке.

– Тебе бриться пора, Борька! – не нашел других слов Донсков и провел рукой ласково по отросшей щетине товарища.

– Пошли! – потянул за руку Романовский. – Наши все недалеко. Сложили шалаш и алалакают в нем. Там тепло. Пошли, Володя!

Борис привел друга к неуклюжей хижине, сложенной из сушняка и, откинув дерюжку у входа, они вошли. Донсков не сразу рассмотрел сидевших вокруг маленького костра, но пожимал руки до боли в пальцах. Первым он ясно различил лицо лейтенанта Дулатова, обложенное шикарной черной бородой, а потом узнал в разно одетой публике и других пилотов своей эскадры. Вопросы к вновь прибывшему властно пресек Дулатов:

– По порядку, друзья! Каждый рассказывает по порядку!

Самолет придет не раньше полуночи, так что времени хватит. Досказывай, Романовский!

– Ну, о том, что после отцепки я не выдержал курса по своей дурости, я признался. Как грыз землю и закапывал груз, уже рассказал… Про Петь-Петушка тоже. Мальчика схоронили ночью, тайком, на сельском кладбище, рядом с его матерью. Вот про Мишку Кроткого ничего больше не знаю. По донесениям Акима Грицева, держался он крепко. Фашист Штрум из него ничего не выколотил. Полигон немцы взорвали. Говорят, вместе с пленными… Я не командовал, как Коля Санталов и Миша Данилин, взводом, не ходил в разведку, как Толя Старостин или Иван Пещеров… Чинил оружие. Бойки точил, пружины вил, мины разряжал, тол из бомб выплавлял, ну и другое, по мелочи. Один раз только вылезал с партизанами, да и то за жратвой… Все!

– Донсков, твоя очередь. Коротко, – сказал Дулатов и прикурил от уголька трубку с вырезанной мордой черта на чубуке. Оглядел, какое впечатление на ребят произвела трофейная новинка.

– …Я про Боцмана сначала. Он оказался стоящим товарищем. Когда мы попали в заградогонь, буксировщик отцепил меня и поплыл домой. Самолет Миши Кроткого тоже повернул, но Миша отдал концы, догнал меня, и мы вместе нашли подходящую бухту. Нас прибило совсем не к тому берегу, нужно было искать выход. Им был только курс на партизанский лагерь. Мы не договаривались, но как-то так получилось, что капитаном стал Миша. Он послал меня и сказал: «Надо!» В нашей дружеской клятве сказано: «Вернусь живым и отвечу: сделано!» Я вернулся с партизанами. На месте планеров зияли две огромные ямы. Перед Миши-

ным окопчиком – замерзшие трупы немецких овчарок. Мы изучили следы на месте схватки. Его не взяли на абордаж! Его схватили тяжелораненым или оглушенным. С километр волокли по лесу до дороги и увезли на машине. Вот память о нем: перчатка с правей руки, разодранная осколком гранаты. Я вышел к партизанам шестого отряда, у них и остался.

– Чем занимался в отряде? – последовал тихий вопрос.

– Не перебивать! – оборвал Дулатов. – Продолжайте, Донсков.

– Похвастаться нечем. Со мной были еще двое, и нас берегли. Говорили, таков приказ. Использовали на связной работе между группами, иногда мы ходили в села. Не брезговали и кухонной работой: я перечистил тонны три картошки, не меньше. Когда выполнял задания по связи, искал отца. Никто не слышал о Максиме Борисовиче Донскове? Нет?..

– Может быть, кто слышал? – спросил и Дулатов. – Нет? Подумайте, а я пока скажу несколько слов.

Он передвинул из-за спины на живот маленькую кобуру, вынул из нее никелированный, почти игрушечный пистолет, о его рукоятку выбил трубку. Горячий комочек табака зашипел в снегу. Говорить начал торжественно:

– Во-первых, поздравляю вас. Молодцы! С заданием справились, не посрамили чести крылатого воина! Мне как командиру доверили штабную работу. По ее специфике я был в курсе почти всех ваших дел. В моем распоряжении находилась радиогруппа. Работала постоянная связь с Большой землей. Сам командир бригады провожал меня, подарил на память вот этот именной «вальтер»! Всех вас представили к медалям «Партизан Отечественной войны» второй степени. Это высокая награда! И прямо скажем: заслуженная! Мы участвовали в большом деле: ведь, по неполным данным, за это время партизаны Гомельского района только на четырех железнодорожных ветках, ведущих к городу, подорвали семь тысяч сто тридцать два рельса и пустили под откос двадцать поездов с живой силой и военной техникой немцев! Но, оказывается, многого я не знал. О повороте буксировщика сержанта Кроткого и о самовольной отцепке Костюхина слышу впервые.

Донсков слушал лейтенанта, и ему казалось, что говорит не его инструктор, а совсем-совсем другой человек. Пафос речи, значительность взглядов посуровевших глаз, новые жесты, резкие и энергичные, выделяли его, поднимали над группой притихших сержантов.

Ровным, хорошо поставленным голосом продолжал Дулатов:

– Сейчас обстановка такая: немцы пытаются ликвидировать партизанский район. Предстоят тяжелые бои. Они уже начались! Нами рисковать не хотят. Мы нужны. Может быть, возвратимся сюда еще раз. Скоро придет транспортный Ли-2 за детьми и ранеными. Восемь мест наши… Вопрос: передавал ли кто из партизан вам письма! Если да – немедленно сдать мне! Сами понимаете: военная цензура не отменена. В письмах могут оказаться нежелательные сведения. У кого есть?

– У меня, – сказал Донсков и вынул из-за отворота комбинезона пакет черноусого возницы. Прежде чем отдать Дулатову, он нагнулся к костру и прочитал адрес: «Саратовская область, дер. Озерки. Колхоз „Красная новь“. Бастраковой Мариулле Андреевне». Первым желанием Донскова было спрятать пакет, но Дулатов уже тянул руку.

– Донсков, почему ваша тройка в кубанках, где летные шлемы потеряли?

Сняв с головы, Донсков помял жестковатый мех кубанки, провел ладонью по голубому сукну донышка.

– С партизанами поменялись, им в шлемах и спать теплее, и воевать удобней.

Несколько минут разговаривали планеристы, показывали друг другу партизанские «сувениры», делились впечатлениями, кое-кто не удержался от хвастовства. Но постепенно ожидание самолета становилось томительным, многие примолкли, слушали небо.

– Боря, может споешь ту… про сокола? А? – попросил кто-то из темного угла.

В свете костра розовато блеснул лакированный бок гитарки. Борис подворачивал колки, настраивал инструмент. Установилась полная тишина.

– Эту песню пел один партизан на нашем кордоне. Его застрелил снайпер, – сказал Борис и тронул струны инструмента:

Промахнулся сокол по пернатой дичи,
Грохнулся на землю с лета без добычи
И разбился насмерть, в муках умирает,
Взор слезою застит. Небо кровью тает.
Не лета глубокие погубили, нет:
Умирает сокол в самом цвете лет…

Грустно выводил песню хрипловатый баритон. Догорал костерок в шалаше, и угли тускнели, как глаза убитого.

– Все на костры! – долетел снаружи зычный крик.

Планеристы повылезали из шалаша, заторопились к кучам хвороста, разложенного на поляне. Вскоре послышался гул моторов большого самолета. Он тенью выскочил из-за ближних деревьев, прогрохотал над вспыхнувшими кострами и ушел на второй круг. Шум моторов утих, потом снова усилился. Посадочные фары прорезали ночь, светом умыли поляну. Черные фигурки людей убегали с площадки к лесу. Раздался глухой удар, будто пустое огромное корыто бросили на землю. Огненные глаза машины моргнули, закрылись. Моторы журчали мягко, успокаиваясь.

Наступила тишина. Секунда, другая – и она взорвалась радостными криками людей…

Глава 7. Крутые дороги отцов

Письмо

Ключ лежал на старом условном месте под рассохшейся кадкой из-под огурцов. Когда-то они с отцом гудронили ее, присаживали обручи. Владимир вынул ключ, подержал на ладони, будто взвешивая, неторопливо вставил в замочную скважину.

В квартире все было по-прежнему. В полутемной кухне пахло лежалым хлебом. Запах появился в начале войны, когда мать, сохраняя каждый оставшийся кусочек, сушила его и клала в картонную коробку. Коробка с помятыми боками стояла на подоконнике, и сейчас Владимир заглянул в нее: пуста.

В передней комнате остановился у шкафа с ажурными переплетами стекол. Шкаф сработал его дед Кузьма, столяр-краснодеревщик. Раньше мать запирала в шкафу сладости. В довоенное время здесь вкусно пахло халвой, в фаянсовой вазочке лежали конфеты. Теперь шкафчик источал запахи прогорклого масла и селедки.

Владимир выложил из оттопыренных карманов шинели на стол консервы, галеты, сверточек с мармеладом. Разделся до пояса и пошел на кухню умываться. Мать застала его склоненным над раковиной. Она обхватила его за плечи, повернула, короткими поцелуями осыпала мокрое лицо, потом сорвала с гвоздя махровое полотенце и, смеясь, стала вытирать его, растирая тело до красноты, любуясь мускулами, касаясь пальцами родинок, которые, по ее словам, были точно такие же, как у отца. Она вытащила из комода отцовскую нижнюю рубашку, чуть припахивающую нафталином, сама надела ее на сына и непритворно удивлялась, что рубашка маловата. Откуда-то вынула заветный флакончик одеколона и, щедро налив пахучую жидкость в ладошку, полохматила ему волосы.

Вечером Донсковы сидели за праздничным столом, пили цветочный чай. Маленькая шустроглазая Майя, пользуясь тем, что мама с братом увлеклись разговорами, потягивала с тарелки мармелад. Владимир рассказывал о партизанах. Раньше он представлял их жизнь полной борьбы и романтики. И то и другое есть. Но есть еще голод, лохмотья и вши, холодные берлоги временных землянок, одна цигарка на десятерых, одна винтовка на троих.

– Володя, ты, помнишь, рассказывал мне о семье Бастраковых? По работе я несколько раз была в «Красной нови» и познакомилась с ними, с матерью и дочкой. Чувствую, тебе будет неприятно, но должна сообщить, что Аэлита вышла замуж и сейчас здесь, в городе.

– Замуж?

– А почему нет? Девушке пошел двадцатый годик. Я сначала пожурила ее за дезертирство с колхозного фронта, а потом подумала: семью сейчас создать трудно, и, если полюбила хорошего парня, что ж, пусть живут на здоровье. Плохо только, что она вот уже месяц не поступает на работу, говорит, муж не разрешает… Ты чего не пьешь? Остынет… Ты вспоминал о ней?

– Все время помнил, мама… Не пойму, как в наше время можно запрещать человеку работать! Что он за птица… ее муж?

– Не знаю. Кажется, военный. Старше ее на девять лет. Или больше. Говорила, он настаивает, чтобы она закончила десятилетку и поступила в консерваторию, обнаружил у нее хорошие музыкальные данные.

– В войну? Музыка? – Владимир резко отодвинул стакан, чай выплеснулся на скатерть. – Извини, мама! Подростки, пяти-шестиклашки гнутся у станков, вкалывают по две смены…

– Успокойся! Ты слышал концерты Утесова, Клавдии Шульженко? Только по радио? А жаль! Шульженко – частый гость во фронтовых частях, и ее «Синий платочек» нужен бойцам, как хлеб и патроны. Ты, как и отец, бывало, занимаешь всегда крайние позиции и счита-

ешь только их правильными. А жизнь сложнее. Она не может измеряться личным аршином… Как живы-здоровы твои друзья?

– Нормально. – Владимир кивнул на сестренку. Глаза у Майки закрывались, она клевала носом в сложенные на столе руки. Володя перенёс вялую девочку на кровать. Уже засыпая, Майя пыталась поцеловать брата, но только обмусолила ему нос. Он накрыл ее по шейку одеялом.

– Цветных тебе снов, Майка-фуфайка! Только пусть не снится серый волк.

– Володя, что-то тебя мучает, что-то ты не досказываешь, – спросила мать, когда они снова сели за стол. – Не из-за Литы расстроился?

– Да нет… Все как надо вроде бы. Об отце вестей никаких?

– Ну, наконец-то! А я все ждала, ждала, когда ты спросишь. Сегодня утром заезжал в райком майор Маркин, передал мне письмо. Между прочим, из той почты, которую привез ваш самолет.

– От кого?

– От отца!

Владимир как завороженный смотрел на ее руку.

Ему казалось, что рука медленно, очень медленно опускается за отворот кофточки, выплывает оттуда. К кончикам пальцев приклеен белый треугольник. Он поднимает белые крылья, превращается в квадратный лист. С листа соскальзывает маленькая фотокарточка. Владимир цепко хватает ее. С фотографии на него смотрит нерусский солдат в очках.

– Кто это? – подбрасывает он фотокарточку на ладони, будто она жжет ему пальцы.

– Отец.

Владимир внимательно разглядывает очкарика. Чуть сдвинутая к уху пилотка с широким белым кантом. Сбоку на ней жестяная эмблема в виде аиста. Отличительный знак итальянских горных стрелков. На лбу две глубокие морщины.

Под круглыми стеклами очков глаз не видно, только два скошенных световых блика измазали стекло. Большой нос с горбинкой, слегка разомкнутые тонкие губы, широкий подбородок с ямочкой посредине. На узких погонах – лычки ефрейтора. Петлицы обвиты шнуром, на них непонятный расплывчатый знак. Подбородок и нос – отцовские, остальное – чужое. Владимир бросил фотографию.

– Ты хочешь сказать?..

– Читай, – протянула мать письмо.

Отец жив. Их часть, состоявшая в основном из саратовцев, попала в окружение. Огонь перед глазами, тупой удар – вот что помнит отец. Очнулся в погребе. Почти месяц отлеживался в сырой яме между кадушек с соленьями. Ему до сих пор чудится в каждом запахе запах квашеной капусты. Он просит запомнить имена его спасителей. Первый отпуск после войны проведет у них, милых стариков, потерявших все, кроме погреба и сарая над ним. Если они получили похоронку на него, то пусть сберегут до его возвращения, – «почитаем, посмеемся, порадуемся вместе после победы!».

Пусть не смущает их фотография. Это – бракованное изделие партизанского фотографа.

Теплое, хорошее письмо прислал отец, а в конце приписка специально для Владимира:

«Дорогой сын, моя надежда и гордость! Я знаю про тебя многое. Ты был рядом, почти рядом. Нас разделяли пятьдесят километров. Но мы не могли встретиться, потому что эти километры лежали между партизаном и мнимым итальянским солдатом. Но все-таки товарищи помогли мне послать письмецо. Все запоминай, чтобы рассказать моим внукам о годах сороковых. А главное – помни: ты Донсков! Казак Ипат, пугачевец, – твой прадед, дед – соратник Пархоменко, второй дед – побратим Кочубея, твои отец и мать, верь, горячо любят Родину. Если что случится со мной, будь головой в семье.

Как хочется мне вас видеть! Обнимаю.

Максим Донсков».

– Был рядом. Он был со мной рядом, – с горечью произнес Владимир. – Как же так, мама? Совсем рядом!

Тогда они не знали, что эта весточка от отца последняя. Пройдет много лет, но никто не сможет им рассказать, где и как он погиб, в какой могиле захоронен. Останется только память. Вечная память в семье. И в редакции областной газеты, где он работал перед войной, вывесят мемориальную доску с фамилиями воинов-журналистов, отдавших жизнь за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Десятой в траурном списке будет фамилия Максима Донскова.

Маленький военный совет

Все, кто возвратился из вражеского тыла, написали боевые рапорты. Каждый планерист обрисовал цепь событий и своих ощущений, начиная с полета аэропоездов и кончая посадкой транспортного Ли-2 на родном аэродроме. И хотя в описаниях преобладали факты, действительную картину событий понять было трудно.

Рапорт лейтенанта Дулатова сух, четок и краток. Эскадра боевых сцепок шла точно по намеченному маршруту. При подходе к ориентиру отцепки планеров он четырехкратным включением прожектора подал команду «Приготовиться!». Не прошло и минуты, как аэропоезда подверглись обстрелу зенитных батарей. Самолеты-буксировщики увеличили интервалы, но продолжали выдерживать курс. Увидев голубые контрольные огни партизанского аэродрома, лейтенант включил фару, что означало «Отцепиться!», и в сторону аэродрома выпустил ракету. Точно на площадку партизан спланировали четыре планера из девяти. Неподалеку на лес приземлились еще два, и с них снят груз. В боевых действиях партизан участвовали семь планеристов. Он не видел, но, по рассказу других, правофланговый первого звена взорвался в воздухе. В плен попал Кроткий Михаил Тарасович.

К рапорту Дулатов приложил письмо начальника штаба партизанской бригады, в котором тот рассказывал о поведении планеристов в отрядах и благодарил за оказанную помощь.

Полковник Стариков и майор Маркин с группой штабных командиров пытались по рапортам, а потом и в личных беседах воссоздать действительную обстановку полета планерной группы. Кое-кто из сержантов сомневался, что они точно шли по маршруту, некоторые не видели световых команд лейтенанта Дулатова, не все разделяли оптимизм Дулатова в том, что «буксировщики продолжали выдерживать курс». В конце концов стало ясно: некоторые летчики, попав в зону заградогня, не имея боевого опыта, растерялись, помешали планеристам четко выполнить задание. И все же задача решена: партизаны получили необходимое. Оставалось неясным происшествие с аэропоездом Костюхин – Донсков, и нужно было разобраться в поведении Михаила Кроткого.

– Давайте еще раз проанализируем рапорты старшего лейтенанта Костюхина и членов его экипажа. Ведь на борту «хейнкеля» летели четверо! – предложил Маркин.

Полковник Стариков достал из папки донесения полуторамесячной давности. В сущности они были одинаковы. Командир корабля Костюхин утверждал, что в момент обстрела одна из зенитных гранат разорвалась в непосредственной близости от самолета и осколки перебили трос. Планер оторвался, не долетев до места расчетной отцепки всего пять-шесть километров. То же самое подтверждали штурман и верхний стрелок. Нижний стрелок писал, что, увлеченный наблюдением за землей, ни взрыва около самолета, ни отрыва планера не видел.

– Странно! – сказал Маркин. – Не видеть ночью огня или хотя бы не ощутить…

– У некоторых людей в минуту опасности наблюдается психологическое торможение, скованность, их восприятие окружающего неконкретно и субъективно. – Стариков сложил бумаги, сунул их в сейф. – Возвратившись, Костюхин сдал на склад буксировочный трос, вер-

нее, часть троса с номерной самолетной заглушкой. Об этом на его донесении есть пометка старшего инженера. Как видите, все нормально. С сержантом Донсковым нужно просто объясниться… Другое дело – сержант Кроткий. Его судьба в наших руках.

– Не понимаю.

– Вам лично могу и обязан рассказать о странных обстоятельствах появления Кроткого в одном из прифронтовых городов. Во время бомбежки он выбросился из вражеского бомбардировщика с парашютом во всем немецком.

Маркин внимательно слушал полковника. Михаил Кроткий упал на крышу двухэтажного дома и чудом удержался на карнизе. Его сняли дружинники и отвели в милицию. Оттуда передали в отделение НКВД. На всех допросах Кроткий твердил одно: он совершил побег при помощи партизана Акима Грицева, работающего у немцев «переводчиком», и еще одного партизана-моториста. Ни имени, ни фамилии его он не знает.

– Человек-бомба! – задумчиво произнес Маркин.

– Существование партизанского разведчика Грицева подтверждено. Вернее, бывшее существование. Грицев убит в тот же день, в который Кроткий выпрыгнул из немецкого самолета. Мотористa, якобы содействовавшего побегу, не нашли. Как видите, все не в пользу вашего сержанта. И в то же время есть косвенные доказательства, что сержант Кроткий вел себя в сложных обстоятельствах мужественно, не поддавался на уговоры, провокации, выдержал пытки. Подтверждают товарищи, спасенные тем же Грицевым с «полигона смерти». Подтверждает один из немцев-летчиков со сбитого самолета. Он слышал о грубом и упрямом пилоте с советского планера, украинца, которого гестапо пыталось завербовать… Теперь Кроткий здесь, в Саратове. Нужно расспросить о нем ваших ребят, майор.

– Вы с ним разговаривали?

– Да. Мне кажется, он искренен. Кажется… Но это плохой аргумент в нашем деле. Нужны веские и прямые доказательства. Только они обелят сержанта. Эх, хорошо бы найти того мотористa, помогавшего вашему Кроткому.

– Не будем медлить. Давайте сейчас же вызовем сержанта Донскова и других.

– Не надо. Поговорите с ними пока неофициально, по-товарищески, Вадим Ильич.

– Хорошо, Федор Михайлович. Постараюсь.

* * *

Владимира Донскова немного обескуражила беседа с майором Маркиным. Казалось, комиссар не очень верит рассказу о Михаиле Кротком. Маркин часто переспрашивал, уточнял даже отдельные слова. Владимир насторожился, и теплой беседы у них не получилось. Комиссар усомнился, что буксировщик Кроткого во время обстрела повернул обратно и потащил за собой планер. Он тут же вызвал командира самолета и спросил, так ли было на самом деле. Летчик сначала колебался, потом честно сказал: «Да, мы развернулись на обратный курс, думая, что планер отцепился. Но стрелок закричал: „Бандура тащится за нами!“ И мы снова хотели встать на боевой курс. Только заложили крен, как планер отцепился».

Маркин спросил Владимира, почему Кроткий, а не он остался у заминированных планеров. На этот вопрос было трудно ответить. Так решили. Кроткий тяжелее, хуже ходит на лыжах. Почему не зарыли груз и не ушли оба? Зарыть они бы не успели до рассвета, оставлять оружие и боеприпасы на произвол судьбы не решились. Подорвать? Зачем? Ведь при благоприятных обстоятельствах груз мог попасть к партизанам. Для этого они и летали туда! Видел ли он своими глазами, что боеприпасы взорваны? Он видел две огромные воронки, искореженные автоматы и противотанковые ружья. Двенадцать ПТР, шестьдесят семь автоматов! Почему точно? Оружие пересчитали партизаны, вынули все годные части из затворов, даже уцелевшие при-

клады отсоединили от железного лома, собрали каждый невзорвавшийся патрончик, унесли помятые консервные банки с тушенкой и омлетом.

– Ты утверждаешь, Владимир, что буксировщик отцепил тебя далеко от цели? Так ли?

– Трос болтался под планером. При посадке я им зацепился за деревья и чуть не разбился.

– Ну, а представим такую картину: взрыв около самолета. Осколок режет трос или бьет по замку. Непроизвольная отцепка, и ты летишь с тросом под фюзеляжем. А?

– Рядом с нами ничего не взрывалось. Ближе трехсот метров ни одной вспышки!

– Триста для осколка не расстояние – летают и дальше. А оторваться в этой кутерьме ты не мог? Может, понервничал, упустил из вида самолет, допустил большой провис троса, а потом рывок… А?

– Вы, товарищ майор, сомневаетесь в достоверности моего донесения? Я неправильно написал?

Маркин задумался, медленно скатывал в трубочку лист исписанной бумаги, опомнившись, развернул, разгладил его.

– Понимаешь, Владимир, с твоей точки зрения, может быть, все правильно, но факты – упрямая вещь. Давай представим, что мы поверили тебе. Значит, офицер Костюхин – трус! Даже больше – предатель, дезертир с поля боя! Его расстреляют. Вдумайся в это слово… Был – и нет человека. И если бы это касалось только его… Понимаешь? У него есть отец, мать… жена, теперь… может быть, дети. Достаточно ли у нас для приговора оснований? Только твой рассказ. А на его стороне факты.

– Какие же, товарищ майор?

– Он привез и сдал кусок перебитого троса с кольцом от самолета. Вот и получается: прав ты, что садился с тросом, прав и он. Он не отцеплял планер. Трос разрублен осколком или порван при резком выборе слабины.

– Если факт отцепки подтвердится, Костюхина расстреляют?

– Нет факта – нет и разговора.

– Хорошо, товарищ майор, я подумаю и, может быть, пересмотрю свой рапорт. Может быть, мне показалось… Вопрос можно? Вы сказали: расстреляют – и нет человека! А предатель… имеет право на существование?

Маркин с интересом посмотрел на Донскова. Он не убедил парня. Что-то тот не договаривает. Знает и не говорит. Глазищи уставил прямо, прячет в них усмешечку или еще черт знает что.

– Вопрос праздный.

– Для меня нет, товарищ майор.

– В мирное время мы пытаемся перевоспитывать даже преступников. Сейчас мы не можем позволить этого. Ты понял?

– Да… Но бывает, сам преступник пересматривает свои поступки, жизнь…

– Бывает, Владимир, бывает, – рассеянно ответил Маркин. – Бывает, дружок, да очень уж редко… Как мать-то? Небось ожила после весточки из лесов? Привет ей, привет! Ты знаешь, что вашему отряду присвоили звание гвардейского? То-то! Ну будь здоров, гвардии сержант Донсков! Иди, хороший мой, иди! Пофилософствуем потом, после войны.

Полный, тяжелый Маркин с трудом приподнялся, протянул руку…

Разговор на волнующую тему Владимир продолжил с матерью. Ей и отцу он привык верить. За всю жизнь не уловил ни в поведении родителей, ни в их словах фальшивых нот. Представь, мама, себя верховным судьей. Никто не спросит с тебя за то, помилуешь ты или покараешь. И вот я, твой сын, совершаю преступление. Отвечать должен по высшей мере. Так требует закон. Но ты не только судья, но и мать. Как рассудишь?

– Без раздумья по закону.

– Напоминаю, по закону кара только одна – смерть! Подпишешься под приговором?

– Не сомневайся, я поставлю подпись, Володя.

– Убьешь сына? Убьешь?.. А потом как жить будешь?

– Жить?.. Разве после этого мать может жить?.. Но почему ты задаешь такие странные и страшные вопросы?

– Наверное, за прошедшие месяцы я стал любопытнее.

И еще один маленький военный совет Владимир держал со своим другом Борисом Романовским.

– Боря, ты в курсе событий с Костюхиным. Он оправдался. Прилетел на базу и как положено сдал на склад часть буксировочного троса. Но мы-то знаем: так быть не могло!

Значит…

– Подлог!

– Каким образом?

– Сдавали после прилета все, скопом. Вряд ли внимательно проверялись номера на заглушках.

– Но не мог подлог сделать один Костюхин!

– Конечно. Экипаж знал об отцепке – это раз. Кто-то рубил трос, наверное, механик, – два. Кто-то сдавал.

– Вот видишь, Боря. Если вывести на чистую воду Костюхина, вместе с ним погорят и другие, может, неплохие, но облапошенные им ребята.

– Да, все, – вздохнул Романовский. – Как быть? Что будем делать?

Трудный вопрос был для молодых ребят. Накликать беду сразу на стольких людей? Подвести весь отряд? Испортить жизнь незнакомым семьям? А при чем тут их жены, дети, родители?

– Может, замолчим? Ведь все обошлось более-менее благополучно, – предложил Романовский.

– А Миша Кроткий? Ты забыл про него? Ведь он пропал почти из-за такого же случая! Ну промолчим, пошлют Костюхина еще раз с планером, а он сделает снова гроб!

– Тогда мы вовеки не простим себе, капитан!

– Итак?

– Потолкуем с ребятами из его экипажа…

– Это сделаю я, ты поговори с Ефимом Мессиожником, ведь ему на склад сдавали тросы.

– Потом к Костюхину!..

– Дай закурить, Боря.

– Ты же не куришь!

– Дай!

Ефим Мессиожник

Родители Мессиожника, быстро собравшись, уехали из Саратова, оставив сына, как в первые дни показалось ему, на произвол судьбы. Потом понял – все не так. Просто его, не умеющего плавать, бросили в воду: пусть барахтается и выплывет сам. Но когда он поплыл не в ту сторону и даже стал пускать пузыри, на помощь поспешили «знакомые» и родственники, о которых раньше Ефим Мессиожник не слыхивал.

Знакомый отца, раздобывший дефицитное лекарство для умирающей матери (а она не собиралась даже болеть!), стал его постоянным гостем и помог устроиться вольнонаемным на склад планерной школы. Однажды гость пожаловал глубокой ночью. Вошел в полуподвальчик, открыв входную дверь своим ключом. Привычно пошарив по стене, зажег свет. Мессиожник, услышав, что кто-то непрошеный смело отпирает дверь и входит, страшно перепугался, съежился под одеялом – остро мелькнула мысль о милиции: ведь к тому времени он уже позна-

комился с некоторыми завсегдатаями Сенного базара и пользовался их услугами, да и склад консервированных продуктов, оставленных в кладовке отцом, тревожил, – но, увидев тощую сутуловатую фигуру ночного гостя в потрепанной одежонке, сразу успокоился, поторопился встать, одеться.

– То, чем вы сейчас занимаетесь, Фима, опасная мелочь, скажу я вам. Можно пропасть за пустяк, – сказал знакомый без предисловия и положил на стол ярко мигнувшие желтым ручные часы. – Посмотрите. Еще имеет право на внимание драгоценный камень. И собственная голова. Вам никто не позволит оставить ее пустой, от нее чего-то нужно иметь. Читайте вот эти книги, Фима, – он указал на ряд потемневших от времени томиков, притулившихся в нижнем уголке большого книжного стеллажа. – Брали в руки?

– Нет, – признался Ефим.

– Поинтересуйтесь, там написано за жизнь, скажу я вам. Золотые часы оставляю, это плата за двадцать листов дюраля. На вашем складе его полторы тонны.

– Его нельзя, он на очень строгом учете!

– Не торопитесь, я подскажу, когда будет можно. Извините за поздний визит и примите совет: поступайте в институт, на заочный, слава богу, сейчас на мужчин большой недобор, скажу я вам. Документ образованного человека нам так же необходим, как пуговицы на брюках. Продолжайте спать. Меня не надо искать, по старому адресу не живу.

Он прошел на кухню, попил воды, и входная дверь за ним неслышно прикрылась. Знал Ефим только его имя. Он ушел, оставив часы на столе и уронив в податливую душу парня сладкую каплю страсти к чему-то новому и все равно подспудно, издревле знакомому.

Ефим быстро разобрался в мудрости старых книг. Теперь он усвоил, что внешний блеск жизни – хрупкий блеск елочной игрушки; что унижаться можно, даже необходимо, если перед тобою сиятельный дурак, унижаться – презирая, черпая в унижении ненависть и силу характера; что есть ценности и посильнее золота, «черные леклиты», то есть человеческие слабости, пороки, тайные преступления, собранные в «единый мешок» умным человеком…

Понимал Ефим – в книгах рецепты яда для душ человеческих. Ему дали в руки рецепты – значит, яд для других. Яд сильный, настоянный на веках, рассчитанный на будущих рабов. А если будет раб, будет и хозяин. Примерно так рассуждал Ефим. Дорожка грязная, длинная, но по-своему романтическая, а главное – ведет к власти. Только имеющий власть над людьми живет, как хочет. КАК ХОЧЕТ! – нет сильнее и приятнее этих слов. И еще запомнил: «Ищи слабого!»

Пока для молодого Мессиожника сладкий угар власти был чисто теоретическим понятием, нельзя же принимать всерьез раболепство базарных червей и некоторых клиентов, в основном баб-спекулянток. Такие люди не имели ценности «черного леклита», они подонки. Но случилось, и потонула душа…

В то раннее морозное утро прилетели с боевого задания самолеты-буксировщики. Где-то за линией фронта от них отцепились планеры, и самолеты возвращались на базу только с тросами, с длинными, невидимыми издалека тонкими стальными хвостами.

Самолету с «хвостом» садиться нельзя – трос может захлестнуть какое-нибудь сооружение на земле, и машина, мгновенно потерявшая скорость, клюнет носом. Для сброса тросов отвели место за границей аэродрома, выложили соответствующий знак из белых полотнищ. Летчики, пролетая над знаком, на высоте ста метров отцепляли тросы, и они, извиваясь и поблескивая, падали, подсекая живыми кольцами снежный наст. Один за другим заходили на сброс буксировщики, сильно снижаясь, а затем карабкались вверх. Некоторые производили маневр с шиком, очень красиво. Чтобы тросы, сброшенные в одно место, не перепутались, к знаку специально подвезли группу курсантов, и с ними старший инженер послал Мессиожника. Курсанты в промежутки между заходами самолетов оттаскивали упавшие тросы в сторону, а Мессиожник следил за точностью падения («Летчики устали, если ошибутся в рас-

чете, заметьте, где упадет трос») и проверял номера на заглушках с полукольцами. Номер на заглушке сверял с номером в ведомости – должны сходиться, если нет – требуется немедленно доложить командованию.

Вот зашел на сброс трофейный «хейнкель». Машина приметная, резко отличная по форме от СБ, все знали, что ее пилотирует один из лучших летчиков школы старший лейтенант Костюхин. Знал и Мессиожник, этому летчику он много раз угождал, доставал на черном рынке что-нибудь вкусненькое, отвозил продукты в село его невесте. Костюхин одаривал услужливого кладовщика иногда рублем, иногда старой форменной одеждой со своего плеча. Мессиожник сдержанно благодарил, а приходя домой, помятый рубль небрежно бросал в картонную коробку из-под макарон, а барахло метал в угол, откуда его потом забирала старуха, знакомая по базару.

«Хейнкель» снизился над знаком, а потом ушел в набор высоты, как и предыдущие самолеты, но… трос не сбросил, а только имитировал сброс. Курсанты заволновались. Послышались реплики:

– Без веревки пришел!..

– Потерял?

– А может, планер где-то бросил?

– Да не-ет, докладывали по радио – все в порядке.

– Надо сказать комиссару…

– Глаза пошире откройте! – Это уже был уверенный голос Мессиожника. – Вон же над бывшим гречишным полем сверкнул! Просто штурман ошибся, рано дернул замок, как на втором самолете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.